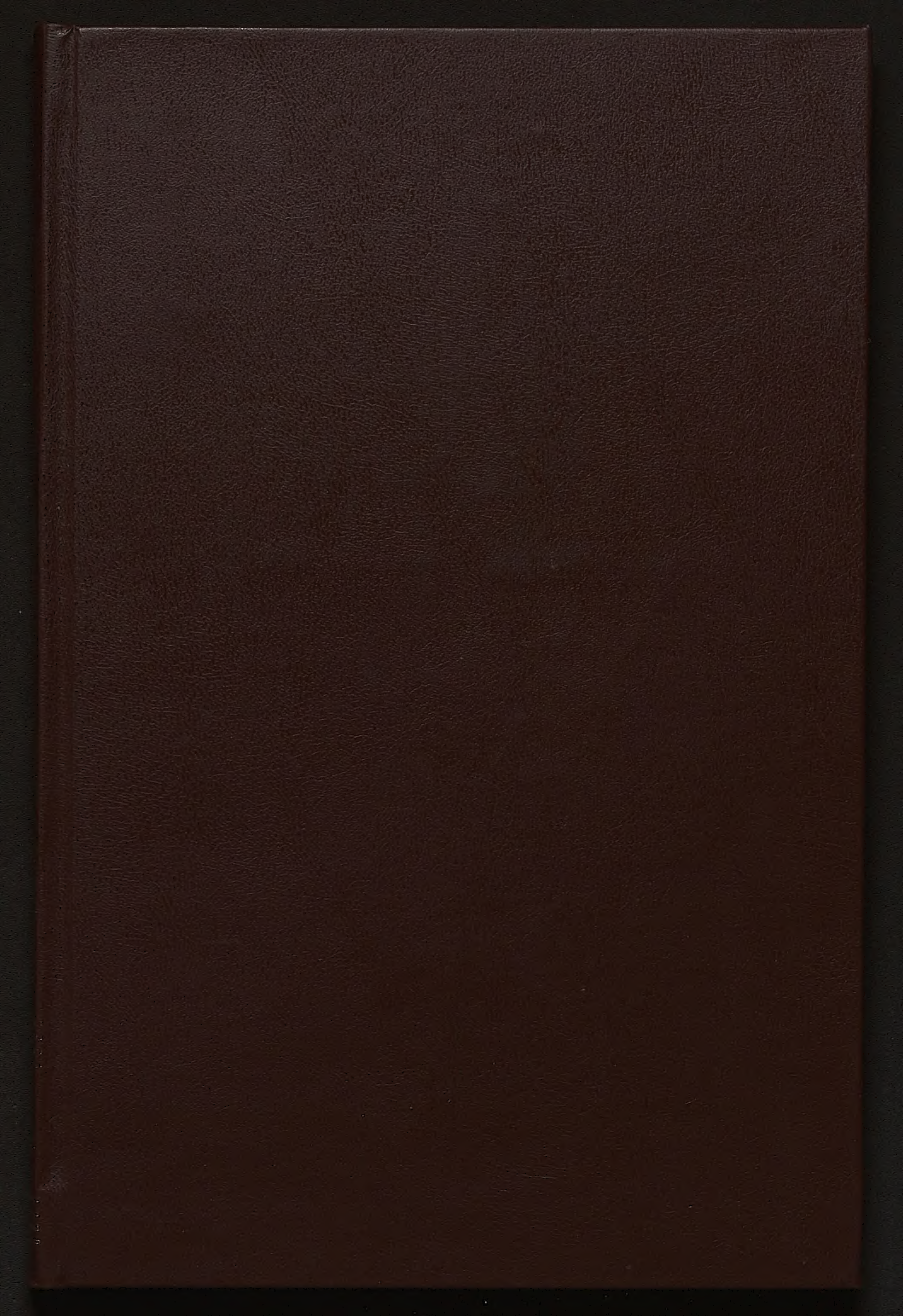

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.

Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

А. К. ДЖИВЕЛЕГОВЪ.

ТОРГОВЛЯ НА ЗАПАДѢ

ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Изданіе Акціонернаго Общества „Брокгаузъ-Ефронъ“.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акціонернаго Общества Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.
1904.

Предисловіе.

Настоящая работа возникла въ связи съ занятіями средневѣковымъ городомъ. Она ставитъ двоякую цѣль: во-первыхъ, она имѣетъ въ виду освѣтить нѣсколько полнѣе процессъ роста средневѣковыхъ городовъ; въ этомъ отношеніи она дополняетъ мою работу, напечатанную въ этой же серіи; во-вторыхъ, она пытается восполнить недостатокъ въ спеціальной работѣ по исторіи средневѣковой торговли, написанной доступно и отвѣчающей современнымъ научнымъ воззрѣніямъ. Здѣсь, какъ и въ первой книгѣ, мнѣ приходилось много выбирать, и я вынужденъ былъ давать только ту часть матеріала, которая казалась мнѣ наиболѣе существенной. Это особенно относится къ главѣ IV, гдѣ масса фактовъ прямо подавляетъ и гдѣ приходилось дѣлать большія усилія, чтобы не выйти за предѣлы извѣстнаго количества печатныхъ листовъ. При этомъ я старался сохранить равновѣсіе между интересами науки и требованіями, предъявляемыми популяризатору, хотя далеко не раздѣляю тѣхъ взглядовъ на задачи научной популяризаціи, которые высказывались въ печати по поводу моей книги о городахъ. Такъ же, какъ и первая, настоящая книжка не претендуетъ на оригинальность, но скудость нашей исторической литературы, мнѣ кажется, достаточно оправдываетъ ея появленіе въ свѣтъ.

А. Д.

Москва.
28 марта 1904 г.

Оглавленіе.

ВВЕДЕНІЕ.

Торговля въ Римской имперіи и Византіи.

Распространенность торговыхъ сношеній въ ту или иную эпоху находится въ тѣсной зависимости отъ того, насколько разобщены производство и потребленіе. Задача торговли заключается въ устраненіи препятствій, раздѣляющихъ потребителя отъ производителя во времени и въ пространствѣ. Если хозяйственныя блага потребляются тамъ же, гдѣ производятся, то ясно, что они не могутъ сдѣлаться предметомъ торговли; въ торговлю они поступятъ лишь въ томъ случаѣ, когда они предназначены производителемъ не для собственнаго потребленія.

Сказаннымъ опредѣляется, въ какія историческія эпохи мы можемъ ожидать большаго развитія торговыхъ сношеній, въ какія меньшаго. Въ періодъ господства такъ называемаго натуральнаго хозяйства, т.-е. такого, въ которомъ все необходимое производится дома, и которое, слѣдовательно, не нуждается въ содѣйствіи другихъ хозяйствъ,—торговля можетъ быть лишь исключительнымъ фактомъ. Но чѣмъ больше расчленяется каждое отдѣльное хозяйство, чѣмъ меньше оно оказывается способнымъ само удовлетворить всѣмъ потребностямъ своихъ членовъ, тѣмъ больше и больше увеличивается роль торговли.

Но это общее наблюденіе осложняется, если мы станемъ на точку зрѣнія всемірной исторіи. Мы знаемъ, что натуральное хозяйство—первичная стадія экономическаго развитія культурныхъ племенъ. Въ предѣлахъ одного племени, живущаго подъ господствомъ натуральнаго хозяйства, мало-мальски распространенныя торговыя сношенія невозможны; почти такъ же мало возможны они и между двумя племенами, изъ которыхъ каждое живетъ въ натуральномъ хозяйствѣ. Но когда сталкиваются два народа, изъ которыхъ одинъ находится на начальной стадіи экономическаго развитія, а другой

уже успѣлъ выработать себѣ болѣе высокую культуру, то между ними почти всегда завязываются очень оживленныя торговыя сношенія. Различіе въ степени культурнаго развитія, такимъ образомъ, является первымъ стимуломъ торговли, и естественнымъ послѣдствіемъ этого является фактъ, что международная торговля исторически предшествовала возникновенію торговыхъ сношеній внутри страны.

Таковыя тѣ общія соображенія, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду, приступая къ изученію исторіи торговли. Здѣсь, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности слѣдить за первыми зачатками торговли на востокѣ и за всей первоначальной эволюціей торговыхъ сношеній. Наша задача заключается въ томъ, чтобы охарактеризировать одну сторону экономическаго развитія въ средніе вѣка, и только для болѣе яснаго пониманія этого процесса мы остановимся нѣсколько на торговлѣ въ римской имперіи.

I.

Въ Римской имперіи торговыя сношенія впервые пріобрѣтаютъ міровой характеръ. Постепенно подчиняя себѣ берега Средиземнаго моря, римская держава принимала въ себя системы организованнаго болѣе или менѣе широкаго обмѣна, созданныя предпріимчивостью финикійскихъ, греческихъ и кароагенскихъ купцовъ. Нѣкоторые главные моменты этого процесса были осуществлены еще въ періодъ республики.

Передъ выступленіемъ Рима Средиземное море въ торговомъ отношеніи дѣлилось на двѣ половины; въ восточной господствовали греки, въ западной Кароагенъ. Покоривъ Грецію и сокрушивъ мощь пунической республики, Римъ уничтожилъ эту межу; покоривъ востокъ, онъ расширилъ область культурныхъ сношеній. Освобожденіе моря отъ пиратовъ и организація правильнаго сообщенія между землями, входившими въ составъ государства, ассимиляція высоко развитыхъ эллинскихъ элементовъ, притокъ огромныхъ капиталовъ въ видѣ военной добычи и дани съ подчиненныхъ и вассальныхъ государствъ, преобразованіе римскаго земледѣльческаго строя въ пастбищную и садовую культуры, благодаря появленію огромнаго количества рабовъ и обильному подвозу хлѣба, были дальнѣйшими мо-

ментами, которыми республика подготовляла почву для появленія денежнаго и кредитнаго хозяйства и колоссальнаго торговаго подъема имперіи.

Исторія имперіи съ интересующей насъ точки зрѣнія представляетъ постепенное расширеніе единой римской торгово-таможенной области, смѣняющееся приблизительно съ половины IV вѣка быстрымъ сокращеніемъ торговыхъ сношеній.

Торговыя сношенія имперіи складываются въ теченіи двухъ первыхъ вѣковъ ея существованія; расширеніе границъ ея въ эту эпоху происходило безъ особенныхъ усилій, пограничныя войны не нарушали внутренняго спокойствія; продолжительный внутренній миръ, казалось, поощрялъ предпріимчивость купцовъ.

Имперія въ первые два вѣка представляла огромную область свободной торговли, огромный міровой рынокъ, который настойчиво требовалъ организація обмѣна; къ услугамъ торговли было единство монеты, мѣръ и вѣсовъ, единство права и администрація, полная свобода передвиженія. Были и причины, которыя дѣлали болѣе широкое, чѣмъ прежде, распространеніе обмѣна, настоятельно необходимымъ.

Къ этому времени распаденіе автономіи отдѣльныхъ хозяйствъ, сдѣлалось особенно замѣтно; отдѣльныя хозяйства перестали удовлетворять себя и стали нуждаться въ содѣйствіи другихъ хозяйствъ [1]). Съ другой стороны сильно выросли и усложнились потребности высшихъ классовъ. Роскошь, ничѣмъ больше не сдерживаемая, свила прочное гнѣздо среди римской чиновной и денежной знати. Наконецъ, въ центрѣ имперіи находился Римъ, потребительная способность котораго была безконечна, вкусы капризны и разнообразны, который нужно было кормить, поить, одѣвать, забавлять, ибо самъ онъ не умѣлъ ничѣмъ этимъ заняться.

Удовлетвореніе всѣхъ этихъ запросовъ не могло казаться неисполнимымъ: наоборотъ, предпріимчивый человѣкъ ясно понималъ выгоды торговли. Купецъ видѣлъ, что въ разныхъ концахъ имперіи

[1]) Въ подробное изложеніе этого процесса, которое вызываетъ большіе споры, мы не можемъ входить; оно будетъ сдѣлано въ книжкѣ этой же коллекціи, посвященной Римской имперіи.

существовали изстари славныя многочисленныя отрасли какъ добывающей, такъ и обработывающей промышленности, которыя можно было утилизировать. Словомъ, на-лицо имѣлись всѣ условія, которыя обѣщали успѣхъ торговому предпріятію. И римскіе капиталы, припрятанные въ смутную эпоху гражданскихъ войнъ, мало-по-малу стали пускаться въ оборотъ; въ правѣ явилось отраженіе усложнившихся требованій торговли, выросли кредитныя операціи. Наряду съ прежнимъ мелкимъ торговцемъ (mercator) въ купеческомъ мірѣ явился собственникъ большого дѣла (negotiator); теперь уже купецъ не ѣздилъ самъ съ товаромъ, онъ уже не былъ обязанъ лично заключать каждую сдѣлку; у него явились приказчики, коммиссіонеры, конторы. Возникли крупныя торговыя предпріятія. Тогда-то начался обмѣнъ между различными частями имперіи въ размѣрахъ, требуемыхъ экономическими условіями; тогда же началась правильная доставка въ Римъ продуктовъ провинцій.

II.

Самымъ важнымъ предметомъ привоза былъ, конечно, хлѣбъ. Вѣчно голодная толпа римской черни потребляла его въ огромномъ количествѣ, и императорамъ предстояло, кромѣ организаціи доставки, еще выдумать способъ сохранять запасы зерна на случай непредвидѣннаго прекращенія подвоза. Для этого-то и служили изобрѣтенные императорскими чиновниками хлѣбные склады—horrea. Второе мѣсто среди предметовъ ввоза занимали мясо и молочные продукты; много привозилось отовсюду рыбы, какъ въ свѣжомъ, такъ и въ сухомъ и маринованномъ видѣ. Медъ, воскъ, овощи, фрукты, масло, соль, вино—всего этого въ Италіи не хватало для продовольствованія Рима, и все приходилось доставлять изъ-за границы. Всѣ провинціи, начиная съ Испаніи и Британіи и кончая Парѳіей и Арменіей, вносили свою лепту въ трудное дѣло снабженія Рима всѣмъ необходимымъ. Изъ другихъ предметовъ добывающей промышленности Римъ и Италія потребляли много олова (на бронзовыхъ фабрикахъ), которое шло изъ испанской Галисіи, западной Галліи и Корнуэльса; янтарю, который привозили съ Сѣвернаго и Балтійскаго морей, желѣза съ Эльбы, серебра изъ Испаніи. Но пе-

речисленнымъ привозъ не ограничивался: Римъ потреблялъ огромное количество предметовъ роскоши: мебель изъ цѣннаго дерева съ серебряной инкрустаціей, мраморъ, дорогія статуи, пурпуровыя матеріи, выдѣланныя кожи, металлы, бронзовыя издѣлія, оружіе. Постоянный большой спросъ на всевозможныя произведенія промышленности поддерживалъ старые индустріальные центры и содѣйствовалъ появленію новыхъ. На первомъ мѣстѣ и тутъ стояли высоко-культурныя восточныя области: Александрія доставляла папирусъ и стеклянныя издѣлія; въ Финикіи (Библосъ, Тиръ, Беритъ) процвѣтала выработка знаменитыхъ изстари пурпуровыхъ полотняныхъ матерій, шелковыхъ тканей и выдѣланныхъ кожъ; текстильная промышленность существовала впрочемъ повсюду, но толька сирійскія, египетскія и милетскія фабрики могли сравниться съ финикійскими; въ Ликіи высоко стояло производство обуви (знаменитая фабрика сандалій въ Патарѣ); Лидія, Милетъ и Александрія славились коврами; въ Греціи изготовлялись бронзовыя и мѣдныя издѣлія, въ Испаніи—мечи, кинжалы, панцыри, въ Бельгіи и сосѣднихъ германскихъ провинціяхъ, откуда сначала вывозились главнымъ образомъ мѣха, уже во II вѣкѣ пріобрѣтаютъ извѣстность въ Италіи и другихъ провинціяхъ превосходныя сукна. Но и въ самой Италіи существовала довольно развитая промышленность. Желѣзо, которое добывалось на Эльбѣ, обрабатывалось въ путеоланскихъ мастерскихъ, снабжавшихъ товаромъ чуть не весь римскій міръ. Мастерскія бронзы, потреблявшія приходившее съ запада олово, также славились въ Италіи, и много бронзовыхъ предметовъ, находимыхъ теперь въ сѣверной Европѣ, носятъ клеймо итальянскихъ фабрикъ. Не послѣднее мѣсто занимали и итальянскія фабрики глиняныхъ издѣлій въ Ареццо и Моденѣ. Главными эмпоріями римской имперіи были, кромѣ Рима, два восточные города: Александрія и Антіохія. Въ Александріи можно было найти „все, кромѣ снѣга“; она была главнымъ складочнымъ пунктомъ всякихъ куреній, благоуханій, слоновой кости, чернаго дерева и другихъ индійскихъ, аравійскихъ и эѳіопскихъ продуктовъ. Въ Антіохіи собирались караваннымъ путемъ товары изъ Китая, Персіи, Финикіи и самой Сиріи. На западѣ славились въ качествѣ эмпорій Арль, Марсель, Карѳа-

генъ, Путеоли. Большинство товаровъ, привозимыхъ въ Италію изъ провинцій, потреблялось тамъ же, но итальянскіе купцы вели и транзитную торговлю; само собою разумѣется, что при этомъ изъ менѣе культурныхъ странъ вывозились сырье въ болѣе культурныя, которыя въ обмѣнъ присылали произведенія своей высоко развитой индустріи [1]).

Однако Римъ не могъ обойтись при помощи однѣхъ только собственныхъ провинцій. Были такіе предметы, которые добывались или производились исключительно за границею. Уже при Августѣ было положено начало болѣе или менѣе регулярнымъ сношеніямъ съ Востокомъ; они развивались необыкновенно быстро, такъ что Римъ и другіе крупные города имперіи никогда не терпѣли нужды въ восточныхъ товарахъ. Шелкъ и шелковыя матеріи изъ Китая, дорогіе ковры изъ Вавилоніи, куренія изъ Аравіи, слоновая кость изъ Эѳіопіи, пряности, черное дерево, жемчугъ, хлопчатобумажная ткань изъ Индіи — вотъ главные товары, привозимые въ имперію съ Востока и поглощавшіе огромное количество денегъ. Было бы однако неправильно думать, что востокъ давалъ имперіи одни только предметы роскоши. Съ востока шли и дешевые сорта хлопчатобумажныхъ и шерстяныхъ матерій, которыя расходились по имперіи въ большомъ количествѣ. Взамѣнъ своихъ издѣлій Левантъ получалъ отъ запада главнымъ образомъ продукты горной промышленности, металлы всякаго рода [2]).

Сношенія съ Востокомъ были чрезвычайно трудны. Наиболѣе обычный путь, которымъ шли индійскіе товары былъ таковъ: купцы переваливали черезъ Гиндукушъ, подпимались вверхъ по Аму-Дарьѣ, отъ Аральскаго моря проходили къ Каспійскому, переправлялись черезъ него и по Курѣ и Ріону добирались до Чернаго моря близъ

[1]) Особенно много шло сырья съ сѣвера, Альпами; этимъ путемъ присылали свои продукты Галлія, германскія провинціи и нынѣшняя Швейцарія.

[2]) У римскихъ купцовъ были со времени основанія въ южной и западной Россіи готской державы сильные конкурренты въ снабженіи востока западнымъ сырьемъ. Восточные купцы со своими произведеніями поднимались вверхъ по Каспійскому морю и по Волгѣ, оттуда къ Балтійскому морю, и обмѣнивали свои товары на мѣстное сырье. Траянъ дѣлалъ очень много, чтобы избавить своихъ подданныхъ отъ этихъ конкуррентовъ.

нынѣшняго Поти. Такимъ же путемъ шли китайскіе товары; они караваннымъ путемъ привозились въ Туркестанъ, а оттуда транспортировались вмѣстѣ съ индійскими. Былъ и другой путь: послѣ переправы черезъ Каспійское море поворачивали къ югу и черезъ Артаксату (Арменія) и Малую Азію выходили къ Средиземному морю. Но этого пути стали избѣгать изъ-за высокихъ таможенныхъ пошлинъ, установленныхъ пароянскими царями. Значительное ускореніе было достигнуто, благодаря случайному открытію муссоновъ при императорѣ Клавдіи. Теперь островъ Цейлонъ сдѣлался важнымъ посредническимъ пунктомъ всей Левантской торговли. Туда приходили моремъ китайскіе и индійскіе товары; туда же пріѣзжали римскіе купцы — обыкновенно черезъ Египетъ и Красное море.

Римскіе купцы, вообще, сдѣлались, благодаря необходимости совершать отдаленныя экспедиціи, очень смѣлыми и энергичными путешественниками. Моремъ они изъѣздили огромное пространство отъ Британіи до Китая [1]); къ сѣверу они ѣздили вплоть до береговъ Балтики за янтаремъ и на всемъ пространствѣ между римской дунайской границей до сѣверныхъ предѣловъ европейскаго материка до сихъ поръ находятъ слѣды римскихъ купцовъ. На югъ и юго-востокъ они ѣздили до южной Аравіи и Эѳіопіи и привозили оттуда слоновую кость, зубы носорога, кости гиппопотама, обезьянъ, черныхъ рабовъ.

Но римскіе купцы не ограничивались простыми поѣздками. Они старались завязывать прочныя торговыя связи въ мѣстахъ, куда они пріѣзжали съ торговой цѣлью, и мы уже довольно рано встрѣчаемъ ихъ постоянныя поселенія въ различныхъ пунктахъ варварскаго міра. Тацитъ горько упрекаетъ римскихъ купцовъ, которые, забывъ родину, основались въ столицѣ маркоманскаго вождя Марбода въ 19 г. по Р. Х. У людей типа Тацита это могло еще вызывать осужденія, но другіе присмотрѣлись къ такимъ явленіямъ еще раньше, и никому не представлялось страннымъ встрѣчать римскія купеческія поселенія въ Орлеанѣ, Шалонѣ, Неверѣ, Делосѣ, Алексан-

[1]) Впрочемъ появленіе римскихъ купцовъ въ Китаѣ фактъ единичный; они попали туда въ качествѣ пословъ.

дріи, Циртѣ уже за нѣсколько десятковъ лѣтъ до Р. Х., т. е. еще до покоренія этихъ городовъ; а нѣсколько позже при Траянѣ осѣдлые римскіе купцы появились въ такихъ глухихъ углахъ, какъ укрѣпленія въ устьяхъ Фазиса (Кутаисск. губ.), Дона, на берегахъ Крыма, въ Азіи. Что касается румынскихъ провинцій, то въ любомъ маломальски важномъ торговомъ пунктѣ можно было встрѣтить колонію итальянскихъ купцовъ. Едва успѣваетъ пройти нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ завоеванія, и новая провинція буквально наполняется римскими купцами, которые торопятся разбогатѣть, не останавливаясь ни передъ какими средствами. Имъ это не всегда проходитъ безнаказанно: мѣстное населеніе часто устраиваетъ погромы, въ которыхъ находятъ смерть тысячи и десятки тысячъ купцовъ. Провинціальные купцы тоже обнаруживаютъ большую предпріимчивость, и мы иногда довольно неожиданно встрѣчаемъ, напр., кельтца въ Аквилеѣ, галла—въ Полѣ, африканца въ Цилли, никомедійца въ Лаконіи. Въ частности восточные купцы набираются за это время опыту, какъ бы предвидя ту роль, которую имъ придется играть на западѣ послѣ паденія имперіи [1]). Восточные купцы составляли наиболѣе многочисленный контингентъ неитальянскихъ купцовъ по всей имперіи; Беритъ, повидимому, также Дамаскъ и другіе сирійскіе города имѣли факторіи въ Путеоли, Тиръ имѣлъ кромѣ того и въ Римѣ.

Вообще говоря, всѣ жители имперіи, особенно послѣ того, когда Каракалла даровалъ право гражданства всѣмъ провинціаламъ, чувствовали себя дома на всемъ ея пространствѣ и очень широко пользовались тѣми неисчислимыми преимуществами, которыя доставляла жителямъ эта огромная организація, созданная государственной мудростью и эпохою продолжительнаго мира для торговыхъ сношеній.

Слѣдствіемъ расширенія и распространенія торговыхъ сношеній было упорядоченіе таможенныхъ сборовъ. Въ республиканскую эпоху въ организаціи таможеннаго обложенія господствовала очень большая путаница; теперь нужно было въ интересахъ самого фиска устано-

[1]) О сирійскихъ купцахъ на западѣ въ средніе вѣка см. ниже.

вить въ нихъ однообразіе; въ обложеніи торговли открылся новый источникъ дохода для казны, настолько крупный, что пренебрегать имъ было невозможно. И вотъ понемногу въ важнѣйшихъ гаваняхъ, въ пограничныхъ пунктахъ между провинціями, по внѣшней границѣ имперіи были устроены таможни, гдѣ взимались ввозныя, вывозныя и транзитныя [1]) пошлины, исчислялись пошлины не по мѣрѣ и вѣсу, какъ большей частью теперь, а по цѣнѣ товаровъ; обычный размѣръ пошлинъ составлялъ $2^1/_2\%$ со стоимости. Принципомъ взиманія пошлинъ было обложеніе торговли въ пользу фиска; идея покровительства туземной промышленности была чужда Риму. Поэтому пошлины падали исключительно на товары, а не на предметы, предназначавшіеся для собственнаго потребленія [2]).

III.

Все, казалось, благопріятствовало дальнѣйшему развитію римской торговли, но крахъ наступилъ скорѣе, чѣмъ можно было ожидать; при нѣсколько болѣе внимательномъ разсмотрѣніи вопроса, однако, легко выяснится, что въ пышномъ блескѣ I—II вв. уже заключались зародыши разложенія.

Весь строй народнаго хозяйства имперіи покоился на ложныхъ основаніяхъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше выяснялись его внутреннія противорѣчія. Ростъ благосостоянія билъ въ глаза, но онъ совершался односторонне: богатѣли только высшіе классы, главнымъ образомъ, представители денежнаго капитала; торговля давала огромные барыши; но къ ней не были пріобщены широкіе слои населенія, предметы первой необходимости рѣдко дѣлались объектами торговли; поэтому ея народно-хозяйственное значеніе было не велико; она не могла окончательно сокрушить остатки замкнутыхъ хозяйствъ

[1]) Транзитными пошлинами называется сборъ за право провоза товаровъ черезъ территорію.

[2]) Безпошлинно проходили также предметы, перевозимые за счетъ фиска; дикія животныя, назначенныя для цирковыхъ игръ; предметы, необходимые въ сельскомъ хозяйствѣ, перевозочныя средства, необходимыя въ торговлѣ. Освобождались отъ пошлинъ также и вещи, принадлежавшія опредѣленнымъ лицамъ: губернаторамъ провинцій, иностраннымъ посламъ, военнымъ и проч.

и не старалась объ этомъ. Безъ вліянія торговля, конечно, не оставалась, но то вліяніе, которое она оказывала, было губительно не столько для замкнутаго хозяйства, сколько для народнаго хозяйства вообще. Въ эпохи расцвѣта торговли естественно возвышается городъ, какъ торговый центръ, а съ возвышеніемъ города начинается процессъ притягиванія въ него сельскаго населенія. При нормальныхъ условіяхъ это объясняется болѣе высокимъ уровнемъ заработной платы, лучшими соціальными условіями и является прогрессивнымъ экономическимъ фактомъ; такъ было во вторую половину среднихъ вѣковъ, такъ бываетъ и теперь. Но въ эпоху римской имперіи отливъ населенія изъ села въ городъ означалъ не распаденіе остатковъ натуральнаго хозяйства, а ростъ толпы тунеядцевъ, привлеченныхъ въ городъ раздачами и слѣдовательно сокращеніе арміи производительныхъ людей.

Такой порядокъ могъ держаться, пока въ народно-хозяйственномъ обиходѣ обращались крупные капиталы; истощеніе денежныхъ рессурсовъ должно было означать для общества, у котораго подгнили устои производительныхъ силъ, полную гибель. Для римскаго общества этотъ моментъ наступилъ въ III в., хотя подготовлялся гораздо раньше.

Такъ какъ римская торговля все больше и больше дѣлалась служанкой роскоши господствующихъ классовъ, то предметы первой необходимости постепенно отступали на задній планъ и по суммѣ сводились къ относительно ничтожной цифрѣ; наоборотъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше возрасталъ привозъ дорогихъ товаровъ изъ-за границы, съ востока; вывозъ все больше отставалъ отъ ввоза и съ этимъ конечно, былъ тѣсно связанъ прогрессивно увеличивающійся отливъ изъ страны благородныхъ металловъ въ слиткахъ и въ деньгахъ. Расточительность богачей не знала никакихъ предѣловъ. Чтобы составить себѣ представленіе о томъ, какія бѣшенныя суммы платились за восточные товары, достаточно припомнить, что за одинъ вавилонскій коверъ давали отъ 45.000 до 200.000 руб. на наши деньги. Общій вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ въ слиткахъ и монетахъ исчисляютъ въ 200 милл. руб. въ годъ. Какое богатство было въ силахъ выдержать такія потери? Добыча рудниковъ естественно не

могла ихъ возмѣстить. Императоры понимали, повидимому, какими неисчислимыми бѣдствіями грозитъ такое положеніе дѣлъ, но они совершенно терялись, когда нужно было найти средство, чтобы устранить зло, а когда они додумались до лѣкарства, то оно оказалось губительнѣе самой болѣзни. Недостатокъ благородныхъ металловъ стали замѣщать лигатурой, и началась порча монеты. Серебряный динарій, стоившій около 35 коп. на наши деньги, въ началѣ чеканился изъ чистаго серебра; при Неронѣ къ нему стали примѣшивать 5—10% лигатуры; при Адріанѣ количество лигатуры возрасло до 20%, при Маркѣ Авреліи — до 25%, при Коммодѣ— до 30%. Септимій Северъ довелъ ее до 50—60%, а потомъ уже и не вычисляли. При Діоклетіанѣ динарій былъ монетой изъ чистой мѣди, цѣнностью въ 0,9 коп. на наши деньги; другими словами, онъ обращался не по номинальной, а по фактической цѣнности; это значитъ, что настоящій денежный обмѣнъ въ обществѣ прекращается, ибо деньги становятся товаромъ.

Ясно, какія послѣдствія долженъ былъ имѣть этотъ фактъ. Прежде всего неимовѣрно поднялись цѣны на все и Діоклетіанъ своимъ эдиктомъ 301 года тщетно старался поставить границу дальнѣйшему вздорожанію. Но за этимъ послѣдствіемъ скрывалось другое, болѣе общее — торговыя сношенія пошли на убыль, ибо при господствѣ плохой монеты невозможна никакая сколько-нибудь правильно организованная торговля. У кого оставались еще запасы хорошей старой монеты, старались приберечь ее и, конечно, не спускали ее въ оборотъ, гдѣ она была бы замѣнена плохой. Словомъ, капиталы такъ или иначе исчезли изъ народно-хозяйственнаго обихода, деньги превратились въ товаръ. Цвѣтущее денежное хозяйство погибало и наступала натурально-хозяйственная реакція.

Но государство не хотѣло мириться съ этимъ; весь строй администраціи, весь его бюджетъ, всѣ его потребности были приспособлены къ денежному хозяйству, и теперь, когда денежное хозяйство разрушалось, оно насильственно пыталось удержать то, что въ своемъ естественномъ видѣ держалось только денежнымъ хозяйствомъ. Во всѣхъ сферахъ жизни воцарилось принужденіе. Земледѣліе, сборъ податей, торговля — все это должно было итти

такъ, какъ того требовалъ интересъ фиска. Въ частности купеческіе капиталы, которые случайно были спасены въ эпоху государственнаго банкротства, были привлечены къ одной изъ важнѣйшихъ хозяйственныхъ функцій имперіи, — поставкѣ заморскаго хлѣба. Если фискъ узнавалъ, что у такого-то сохранилось еще достаточное количество денегъ, то его насильно записывали въ коллегію навикуляріевъ (navicularii) — такъ называлась должность. Отказа не полагалось; уйти было нельзя — возвращали; за всякій промахъ завербованные отвѣчали имуществомъ; занимаясь перевозкой хлѣба, они не имѣли права вести другое, свое дѣло; на корабляхъ ихъ не должно было быть другого груза; рейсъ они обязаны были держать прямо къ мѣсту назначенія: необходимыя остановки сводились къ минимальному времени.

Одно время путешествія навикуляріевъ были чуть не единственнымъ выраженіемъ коммерческой дѣятельности Рима. Но естественно, такое положеніе дѣлъ не могло продолжаться долго. Конецъ III и начало IV вѣка является періодомъ самой сильной натурально-хозяйственной реакціи, но когда при Константинѣ послѣ улаженія внутреннихъ смутъ, наступилъ порядокъ, государственная власть должна была обратить вниманіе на ненормальное положеніе дѣлъ. Началось улучшеніе монеты и сталъ, хотя очень медленно, возстанавливаться денежный обмѣнъ. Стала поправляться и торговля, но она теперь сосредоточилась на нѣкоторое время главнымъ образомъ въ восточной половинѣ имперіи. Въ земляхъ Западной имперіи она еще оживлялась, но не римская держава содѣйствовала этому оживленію. Государство вандаловъ въ сѣверной Африкѣ и вестготское королевство въ южной Франціи сдѣлались сильными конкуррентами Византійской имперіи, и когда восточный императоръ отказалъ Аэцію въ помощи противъ гунновъ, то не послѣдней причиной было торговое соперничество съ союзниками Аэція — вестготами. Торговое же соперничество сгубило столѣтіемъ позже и вандальскую державу.

IV.

Денежный крахъ конца III в. для восточной половины имперіи оказался менѣе гибельнымъ, чѣмъ для западной. Какъ только броженіе, вызванное варварами, улеглось или пронеслось на западъ, Восточная имперія снова стала устраиваться, воскресъ ея прежній военный престижъ, стала возобновляться ея культурная дѣятельность.

Со временъ императора Юстиніана (527—565) Византія дѣлается торговой посредницею между Востокомъ и Западомъ; она сохранила свою роль до тѣхъ поръ, пока буржуазія итальянскихъ и южно-французскихъ городовъ не отбила у нея этого положенія. Въ средніе вѣка Левантъ былъ поставщикомъ Европы. То, что позднѣе въ изобиліи стало получаться изъ Америки,—напр., хлопокъ, сахаръ, — теперь шло изъ Сиріи, Кипра и Малой Азіи; пряности и куренія шли изъ Индіи и Аравіи, шелкъ первоначально производился только въ Китаѣ.

Выгодное торговое положеніе Византіи обусловливалось прежде всего географическими условіями. Главные города имперіи лежали какъ разъ на перепутьи между Европою и Азіей. Издавна проложенные торговые пути соединяли имперію съ главными эмпоріями левантской торговли и съ главными рынками Запада. Только съ Китаемъ имперія не могла сноситься непосредственно; китайскіе купцы моремъ не ѣздили дальше Цейлона, а караваны доходили только до Туркестана. Въ дальнѣйшемъ движеніи къ Византіи китайскій шелкъ неминуемо долженъ былъ пройти черезъ Персію. По соглашенію Восточной имперіи съ Сассанидской были установлены три пограничныхъ пункта, гдѣ греческіе купцы получили отъ персидскихъ китайскій шелкъ. Это — Артаксата въ Арменіи, Низибія въ Месопотаміи и Каллиникумъ на Евфратѣ. Какимъ бы путемъ ни шелъ китайскій товаръ — торговые пути оставались прежніе — онъ попадалъ въ одинъ изъ этихъ городовъ и тутъ оплачивался таможеннымъ сборомъ. Тщетно старался Юстиніанъ избѣжать посредничества враждебной сассанидской державы, тщетно заключалъ онъ договоръ съ царемъ Эѳіопіи, чтобы орга-

низовать прямую доставку шелка моремъ черезъ Цейлонъ. Греческіе купцы, правда, доѣхали сами до Цейлона, но толку отъ этого не вышло, ибо и тамъ господствовали на рынкѣ персидскіе купцы. Лучше обстояло дѣло въ торговлѣ съ Индіей. Правда, и тутъ греки должны были подчиняться тому факту, что индійскіе товары доставлялись имъ черезъ руки персидскихъ и эѳіопскихъ купцовъ. Но у нихъ былъ и непосредственный путь для сношеній съ Индіей. Индійскіе купцы посѣщали одну греческую гавань, Клисму, на сѣверной оконечности Краснаго моря [1]); здѣсь заводились торговыя связи, и греческіе купцы сами отваживались ѣздить въ Индію. Бойкая торговля шла и съ Эѳіопіей; эта страна вывозила куренія, драгоцѣнные камни и въ большомъ количествѣ слоновую кость; жители Эѳіопіи занимались также перевозкой греческихъ купцовъ въ Индію и транзитомъ индійскихъ товаровъ.

Подъ конецъ Юстиніанова царствованія миссіонеры похитили у Востока тайну производства шелка [2]), и въ имперіи вскорѣ возникла оживленная промышленность. Частью, впрочемъ, она существовала и раньше: сырецъ, покупавшійся черезъ посредство персовъ, обрабатывался преимущественно въ придворныхъ фабрикахъ Константинополя [3]). А когда шелкъ сталъ разводиться на мѣстѣ, на-ряду съ Константинополемъ выдвинулись сирійскіе города Тиръ и Беритъ. Сирія, вообще была самой цвѣтущей провинціей имперіи. Ея главный городъ Антіохія немногимъ уступала по величинѣ, населенности и блеску Константинополю. Сирійскіе купцы были главными посредниками между Востокомъ и Западомъ [4]). Единственными, притомъ мало предпріимчивыми конкуррентами ихъ были египетскіе купцы.

[1]) Нынѣ Колсумъ, близъ Суэца.

[2]) Китай дѣятельно хранилъ эту тайну до тѣхъ поръ, пока одна китайская принцесса не вышла замужъ за Хотанскаго (въ Центральной Азіи) хана. Она привезла на свою новую родину коконы и яички шелковичныхъ червей и сѣмена тутоваго дерева. Цвѣтущая шелковая промышленность немедленно выросла въ странѣ. Изъ Хотана-то, по всей вѣроятности, и унесли тайну монахи.

[3]) На частныя фабрики онъ поступалъ рѣдко, и то по спеціальному разрѣшенію двора.

[4]) См. ниже.

Словомъ, греческіе купцы, которые по отношенію къ купцамъ Востока должны были ограничиваться почти исключительно пассивной ролью, были единственными представителями активной торговли на Западѣ. Въ ихъ рукахъ находился весь транзитъ. Вообще Византія съ половины VI до половины VII в. была владычицею торговли на Средиземномъ морѣ. Ей принадлежали тѣ береговыя полосы, гдѣ кончались торговые пути Востока—Египетъ и Сирія; ей принадлежало и побережье Чернаго моря, куда, хоть и не такъ регулярно, какъ на Югѣ, но все же попадали восточные товары. Однако этотъ блескъ продолжался всего столѣтіе. Пришли арабы и отбили у Византіи ея лучшія въ торгово-промышленномъ отношеніи провинціи—Сирію и Египетъ. То, что осталось, было слишкомъ немного, чтобы продолжать въ тѣхъ же размѣрахъ торговую политику. И византійскіе купцы очень недолго удерживали въ своихъ рукахъ активную торговлю съ Западомъ. На этотъ разъ ихъ соперниками были уже не восточные, а западные купцы.

ГЛАВА I.

Торговля въ раннее средневѣковье.

I.

Денежный кризисъ, разразившійся въ имперіи въ концѣ третьяго вѣка, имѣлъ неисчислимыя послѣдствія; изъ хозяйственнаго оборота почти совершенно исчезли деньги, и всѣ тѣ сдѣлки, обязательства, платежи, въ которыхъ они играли болѣе или менѣе крупную роль, нужно было измѣнять въ самой природѣ. И обязательства подданныхъ по отношенію къ государству, и обязательства государства по отношенію къ чиновникамъ и войску, и обязательства частныхъ лицъ между собою—всѣ они, за отсутствіемъ денегъ, стали выполняться натурой. Загладить губительныя послѣдствія краха было не легко, и до самаго конца Западной имперіи они не были заглажены. Это объясняетъ основной фактъ, который служитъ исходнымъ пунктомъ развитія средневѣковой торговли.

Варвары, которые завладѣли землями Западной имперіи, жили еще въ натуральномъ хозяйствѣ; въ деньгахъ они не нуждались; ихъ несложныя потребности въ пищѣ, платьѣ, оружіи удовлетворялись или собственными силами, или при помощи самой элементарной мѣны. Естественно, что когда они сдѣлались хозяевами въ странахъ, гдѣ воцарились болѣе или менѣе первобытныя хозяйственныя условія, то имъ это обстоятельство оказалось очень удобнымъ; лучшаго германцы не хотѣли. Но для прежнихъ римскихъ граждань этотъ фактъ былъ не безразличенъ: при другихъ условіяхъ, при сильной государственной власти, при толковой хозяйственной политикѣ прогрессивная тенденція старыхъ культурныхъ экономическихъ формъ взяла бы верхъ надъ вернувшимся въ сущности случайно хозяйственнымъ варварствомъ. Но тутъ на искусственно

создавшееся варварство наложилось варварство естественное, и судьбы экономическаго развитія Запада надолго опредѣлились благодаря такому соединенію.

Экономическій бытъ германцевъ въ общихъ чертахъ извѣстенъ намъ по описанію римскихъ писателей и по даннымъ позднѣйшихъ германскихъ юридическихъ памятниковъ. Его развитіе можетъ быть опредѣлено въ двухъ словахъ. Это — постепенный переходъ отъ полупервобытныхъ условій кочевой жизни къ организаціи замкнутой сельской общины. Какую бы стадію этого процесса мы не взяли, легко увидѣть, что ни на одной изъ нихъ общество не могло почувствовать потребности въ регулярномъ обмѣнѣ. И въ быту кочевыхъ охотниковъ, и въ полуосѣдломъ пастушескомъ быту, и въ быту осѣдлыхъ земледѣльцевъ — въ каждомъ изъ нихъ люди удовлетворяютъ своимъ потребностямъ собственными силами или силами семьи.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывался недостатокъ въ такихъ вещахъ, которыя не могли быть получены домашнимъ способомъ, удалой набѣгъ на болѣе богатое сосѣднее племя или городское населеніе заполнялъ прорѣхи хозяйственной дѣятельности. Военная добыча почти совершенно устраняла необходимость во внѣшней торговлѣ; что касается внутренняго обмѣна, то въ немъ представлялось еще меньше необходимости; обыкновенно группа вела совмѣстное хозяйство и добытые продукты дѣлились между всѣми ея членами. Если же по какимъ-нибудь случайнымъ обстоятельствамъ тотъ или иной изъ членовъ группы ощущалъ недостатокъ въ чемъ-нибудь, на помощь къ нему являлся обычай широкаго гостепріимства. Германецъ приходилъ къ любому изъ своихъ односельчанъ и всегда находилъ тамъ щедрое угощеніе; если хозяинъ и самъ не пользовался избыткомъ, то нуждающійся шелъ къ другому, нерѣдко захвативъ съ собою и своего перваго хозяина. Если кому-нибудь нравилась вещь, принадлежащая другому, онъ безъ всякой церемоніи выпрашивалъ ее, зная, что не встрѣтитъ отказа, и всегда готовый отдать по первой просьбѣ любую изъ своихъ вещей.

Обычаи германцевъ какъ нельзя болѣе типичны для начальныхъ стадій экономическаго развитія; у многихъ первобытныхъ

народовъ мы встрѣчаемся съ обычаемъ обмѣниваться подарками, какъ съ грубымъ суррогатомъ настоящаго обмѣна. Въ началѣ онъ не имѣетъ экономическаго характера: цѣнность вещей, которыми обмѣниваются, не принимается въ разсчотъ, но мало-по-малу характеръ этой процедуры становится иной: выпрашивая какую-нибудь вещь, стараются выбрать что-нибудь подороже, обращаютъ вниманіе на то, чтобы при отдариваніи не остаться въ накладѣ. У германскихъ племенъ процессъ перехода отъ простой мѣны къ экономической растянулся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на очень долгое время. Во Франціи еще въ XI вѣкѣ встрѣчается обмѣнъ подарками.

Такимъ образомъ, у германскихъ племенъ натуральное хозяйство господствовало безраздѣльно; послѣ завоеванія римскихъ провинцій, въ которыхъ къ тому времени воцарился экономическій порядокъ, мало чѣмъ отличавшійся отъ натуральнаго хозяйства, германцамъ ничего не стоило навязать имъ свои собственные экономическіе обычаи. Но естественно, что тутъ должна была наблюдаться нѣкоторая градація. Во внутреннихъ областяхъ Европы побѣда натуральнаго хозяйства была тѣмъ полнѣе, чѣмъ меньше коснулась страны романизація и чѣмъ слабѣе входила она въ широкую систему торговыхъ сношеній при имперіи. Позади всѣхъ стояли, конечно, не-романизованныя области внутренней Германіи, впереди другихъ—галльскія провинціи. Но тамъ, гдѣ торговля къ эпохѣ завоеванія успѣла оправиться отъ послѣдствій кризиса III вѣка, т.-е., главнымъ образомъ, на побережьи Средиземнаго моря, факты сложились иначе: торговля удержалась, но то была лишь тѣнь прежней торговой дѣятельности: теперь Европа играла совершенно пассивную роль. Совершенно обойтись безъ торговли Западъ не могъ; у высшихъ, болѣе богатыхъ круговъ населенія образовались привычки и потребности, для удовлетворенія которыхъ мѣстныхъ произведеній не хватало. Здѣсь еще разъ оправдалось то положеніе, которое гласитъ, что первоначальная торговля—служанка роскоши: дворы королей, герцоговъ, церковныхъ князей и крупныхъ бароновъ являлись главными потребителями тѣхъ товаровъ, для доставки которыхъ работали караваны въ Средней Азіи и корабли въ Индійскомъ океанѣ и Каспійскомъ морѣ.

II.

Посредниками этой міровой торговли были сирійскіе и еврейскіе купцы. Подъ именемъ сирійцевъ въ меровингскую эпоху объединялись всѣ купцы, пріѣзжающіе въ Европу изъ Малой Азіи и Египта. Они составляли довольно значительныя общины не только въ приморскихъ городахъ: Марселѣ, Нарбоннѣ, Бордо, но и въ Турѣ, Орлеанѣ; въ Парижѣ ихъ вліяніе было настолько велико, что одному сирійцу удалось купить себѣ епископскій санъ. Въ рукахъ сирійцевъ находилась почти вся торговля Средиземнаго моря; ими привозилось въ Европу большинство левантскихъ товаровъ, всѣ тѣ, которые приходили въ восточную имперію по южному направленію: китайскіе шелка, индійскія и арабскія пряности и куренья, слоновая кость изъ Индіи и Эѳіопіи, драгоцѣнные камни; позднѣе сюда присоединились шелковыя матеріи мѣстнаго византійскаго производства, а также продукты другихъ малоазіатскихъ фабрикъ. Но недолго пришлось сирійцамъ пользоваться безраздѣльно всѣми выгодами своего положенія. Арабское завоеваніе имѣло, между прочимъ, то послѣдствіе, что доставка левантскихъ товаровъ въ Европу перешла въ руки евреевъ.

Евреи появились въ западныхъ провинціяхъ еще до паденія Римской имперіи, но они начинаютъ играть выдающуюся общественную роль лишь въ эпоху послѣдовавшей за завоеваніемъ смуты. Въ ту пору всеобщей дезорганизаціи едва ли не у однихъ евреевъ сохранилось сознаніе солидарности. Ихъ общины, разбросанныя по всему земному шару, отъ Испаніи и Британіи до отдаленнѣйшихъ странъ востока, чувствовали себя членами одной великой семьи, и еврей изъ франкской имперіи, попавшій въ столицу хазарскаго хана или въ пышную резиденцію Аббасидовъ, немедленно находилъ соотечественниковъ, которые оказывали ему всѣ необходимыя услуги. Когда сѣверъ Африки, Египетъ, Сирія и Месопотамія изъ рукъ христіанъ, которые преслѣдовали ихъ, какъ невѣрныхъ, попали въ руки болѣе терпимыхъ мусульманъ, евреямъ представилась полная свобода коммерческой дѣятельности, и, опираясь на свои общины въ важнѣйшихъ городахъ Франціи, они немедленно вытѣснили „сирійцевъ“ и захватили въ свои руки всю левантскую торговлю.

Меровинги и вестготскіе короли въ Испаніи, которые охотно обращались къ еврейскимъ капиталамъ, часто преслѣдовали, насильно крестили и изгоняли изъ своихъ владѣній евреевъ, но ихъ не смущали невзгоды. Сильные своей энергіей и своими капиталами, столь рѣдкими въ то время, они быстро оправлялись, тѣмъ болѣе, что вчерашній гонитель на-завтра превращался въ смиреннаго просителя, готоваго за нѣсколько тысячъ солидовъ сдѣлать все, что угодно. При Каролингахъ положеніе евреевъ стало несравненно лучше. Карлъ Мартеллъ, Пипинъ Короткій, Карлъ Великій, Людовикъ Благочестивый прекрасно понимали, какимъ огромнымъ общественнымъ рессурсомъ являются еврейскіе капиталы и оказывали ихъ владѣльцамъ всевозможное покровительство.

Дѣятельность евреевъ теперь, какъ и всегда, была двоякая: они были единственными банкирами въ Европѣ и они держали въ своихъ рукахъ всю левантскую торговлю.

Ихъ значеніе заключалось въ томъ, что они были разсѣяны по всему свѣту, вездѣ пользовались даровой агентурой и даровыми складами. Они въ буквальномъ смыслѣ проходили міръ изъ конца въ конецъ. Пользовались они четырьмя путями. Первый шелъ моремъ изъ какой-нибудь южно-французской или испанской гавани до Фарамы въ Египтѣ, потомъ по сушѣ черезъ Суэцкій перешеекъ до Колсума, оттуда Краснымъ моремъ вдоль западнаго берега Аравіи въ Индійскій океанъ. Другой—моремъ приводилъ къ устьямъ Оронта въ Малой Азіи, оттуда шелъ сушей черезъ Антіохію и Алеппо къ Евфрату, по Тигру въ Персидскій заливъ и Индійскій океанъ. Изъ Индійскаго океана была открытая дорога въ Цейлонъ, Индію, Малакку и Китай. Другіе два пути были по преимуществу сухопутные: черезъ Испанію и Гибралтарскій проливъ въ Африку, по ея сѣверному побережію въ Сирію, затѣмъ въ Вавилонію, и оттуда черезъ южныя провинціи Персіи въ Индію и Китай. Или же: по европейскому материку, черезъ Германію и южную Русь въ столицу хозаръ (Итиль у устьевъ Волги), а оттуда по Каспійскому морю черезъ Трансоксанію (Бухара) и страну уйгуровъ въ Китай.

Евреевъ приходилось очень цѣнить. Арабы владѣли всей

сѣверной Африкой, въ ихъ рукахъ находились важнѣйшіе порты Леванта, какъ разъ тѣ, откуда до мусульманскаго завоеванія, главнымъ образомъ велась торговля съ европейскими городами. Первое время послѣ завоеванія, когда религіозный фанатизмъ сыновъ пророка не успѣлъ еще остыть, мирныя сношенія между христіанами и мусульманами совершенно прекратились. Евреи оказались въ роли единственныхъ посредниковъ между тѣми и другими. И, быть можетъ, внѣшняя торговля Европы не заглохла окончательно въ ту смутную эпоху только благодаря имъ. Позднѣе, когда взаимное озлобленіе нѣсколько поугасло и понадобилось вновь заводить мирныя сношенія, все тотъ же неизбѣжный еврей явился въ роли дипломата. Должность была нова, но онъ не смущался и несъ свои обязанности съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ велъ свои торговыя операціи.

Словомъ, внѣшняя торговля Европы, начиная съ эпохи арабскаго завоеванія, т.-е., примѣрно съ конца VII вѣка составляетъ монополію евреевъ. Слово „торговля“, впрочемъ, тутъ нужно понимать съ оговоркою: перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ былъ настолько великъ, что о послѣднемъ можно было совсѣмъ не упоминать. Правда, евреи не всегда являлись въ восточныя эмпоріи съ пустыми руками, но большинство тѣхъ товаровъ, которые они привозили туда, закупались не въ самой Европѣ, а гдѣ-нибудь по пути: если путь еврея шелъ черезъ Европу — въ византійскихъ владѣніяхъ, если черезъ Африку — въ Египтѣ. Западъ въ ту эпоху вывозилъ немного предметовъ на востокъ: это—рабы, фризскія сукна и металлы.

III.

Въ 628 году король франковъ Дагобертъ I даровалъ монастырю Сенъ-Дени близъ Парижа грамоту, которая уполномочивала его устраивать ежегодно, съ 9-го октября, четырехнедѣльную ярмарку и пользоваться всѣми доходами отъ нея. Ярмарка сдѣлалась центромъ, гдѣ каждый годъ въ теченіе мѣсяца сосредоточивалась вся европейская торговля. Сюда привозились драгоцѣнные продукты Востока: коренья, перецъ, шелковыя ткани, драгоцѣнные

камни, финифтевыя издѣлія, вещи изъ серебра и золота. Товары выставлялись въ спеціальныхъ лавочкахъ, продувной сиріецъ изо всѣхъ силъ старался расхваливать свое добро, убѣждая покупателя, важнаго барона или королевскаго дружинника, не покупать у еврея, торгующаго дешевле. Восточные купцы были героями ярмарки и наживали огромныя деньги; болѣе скромными барышами довольствовались европейскіе торговцы, которые привозили въ Сенъ-Дени продукты своихъ странъ и излишки собственнаго хозяйства. Тутъ были вина и масла изъ южной Франціи, медъ и воскъ изъ Бретани, полотна и марена изъ Нейстріи, металлы изъ Испаніи [1]) и Англіи, мѣха съ сѣвера, сукна изъ страны фризовъ, различныя издѣлія изъ сѣверной Италіи.

Современникамъ, которые даютъ указанія относительно товаровъ, стекающихся въ Сенъ-Дени, должно было казаться, что во всей Европѣ того времени существуютъ цвѣтущія промышленныя отрасли. Но мы имѣемъ основаніе думать, что картина, только что воспроизведенная со словъ лѣтописей, относится къ болѣе позднему времени, да къ тому же и прикрашена.

Есть еще одно свидѣтельство, которое на первый взглядъ даетъ очень краснорѣчивое указаніе на распространенность торговыхъ сношеній въ Европѣ VII вѣка. Въ старыхъ чешскихъ хроникамъ разсказывается такой эпизодъ. Въ серединѣ VI вѣка чешскій народъ подпалъ подъ власть дикихъ аваровъ; много лѣтъ томился онъ подъ игомъ, пока не освободилъ его одинъ купецъ, по имени Само, пріѣхавшій къ чехамъ по торговымъ дѣламъ изъ страны франковъ. Онъ сталъ во главѣ возстанія, разбилъ аварскія войска и соединилъ подъ своей властью чеховъ, моравовъ и нѣкоторыя другія славянскія племена въ нынѣшней Австріи. Тридцать пять лѣтъ стоялъ Само во главѣ чеховъ и умеръ въ 658 году.

Эпизодъ какъ будто указываетъ на то, что въ меровингскую эпоху между франками и полукультурными славянскими племенами средней Европы существовали торговыя сношенія, и чужеземные купцы пользовались у славянъ большимъ почетомъ и довѣріемъ. Но

---

[1]) Пока она не попала въ руки арабовъ.

дѣло въ томъ, что мы не знаемъ хорошенько, кто былъ родомъ Само, и есть основаніе думать, что властитель славянъ былъ не франкъ, какъ увѣряетъ чешская лѣтопись, а еврей. Во-первыхъ, подозрительно имя, во-вторыхъ, франкамъ, если даже они и торговали въ чужихъ земляхъ, нечего было дѣлать у славянъ, куда нужно было проходить черезъ враждебныя территоріи. А еврею земля чеховъ лежала какъ разъ по дорогѣ на Востокъ, и тотъ же Само могъ неоднократно проходить этимъ путемъ и прежде.

Всѣ другія соображенія также говорятъ за то, что въ то время торговля не должна была быть значительна. Дагобертъ могъ сознавать ея выгоды для страны, но едва ли онъ былъ въ силахъ что-нибудь сдѣлать въ этомъ направленіи. Этому препятствовали и хозяйственный строй, и общественно-политическія отношенія. Начавшіяся послѣ смерти Дагоберта смуты быстро разрушили то, что, быть можетъ, и удалось создать усиліямъ послѣдняго крупнаго представителя меровингской династіи. Непрерывныя войны, постоянныя нападенія кочевниковъ, упадокъ центральной власти, истощеніе казны — все это приводило къ тому, что даже внѣшняя торговля сокращалась, а внутренняя почти сводилась къ нулю. Ярмарка въ Сенъ-Дени въ эту эпоху дѣйствовала только по имени и не давала монастырю никакого дохода. Различныя мануфактуры на королевскихъ доменахъ, частью сохранившіяся еще отъ римскаго времени, пришли въ упадокъ, значительная часть ихъ совершенно исчезла, большія дороги перестали поддерживаться, проселочныя — попали во власть частныхъ лицъ; всюду завелись разбойники; рѣки, запруженныя плотинами и мельницами, какъ бы символизировали собою торжество натуральнаго хозяйства, по нимъ не стало возможности ѣздить съ товаромъ пристани, за ненадобностью, по большей части развалились. Каролингамъ пришлось вынести на своихъ плечахъ тяжелую работу: поддержать то, что еще можно было поддержать, и возстановить то, что погибло.

Дѣйствовать въ этомъ направленіи уже стали палатные мэры изъ Геристальскаго дома, но несомнѣнно наиболѣе цѣнныя услуги и въ этой области, какъ во многихъ другихъ оказалъ франкской имперіи Карлъ Великій. Онъ расширилъ и округлилъ свои владѣнія, доста-

вилъ государству безопасность извнѣ, спокойствіе внутри. Кочевники больше не безпокоили границъ, разбойники спрятались въ лѣса и не отваживались выходить на большія дороги, незаконные поборы въ пользу частныхъ лицъ исчезли по властному слову не любившаго шутить императора, пути сообщенія были исправлены. Карлъ такъ же, какъ и Дагобертъ, прекрасно понималъ важность хозяйственнаго развитія страны и дѣлалъ все, что было въ его силахъ. Знаменитый капитулярій De villis возстановилъ на королевскихъ доменахъ ремесла въ преобразованномъ видѣ. Вновь тутъ появились кузницы, плотничьи и столярныя мастерскія, вновь стали курить пиво и вино, мастера-спеціалисты стали заниматься выдѣлкой оружія и вещей изъ благородныхъ металловъ, въ нѣкоторыхъ доменахъ, напримѣръ, въ Арлѣ, Турѣ, Ліонѣ появились хорошія ткацкія мастерскія. Нѣкоторыя изъ крупныхъ императорскихъ помѣстій превратились въ настоящія фабрики, вывозившія небольшое количество изъ приготовляемыхъ тамъ товаровъ.

Императоръ старался поддерживать и торговлю, поощрялъ купцовъ, покровительствовалъ евреямъ, устраивалъ новыя ярмарки, заботился о старыхъ. Ярмарки обыкновенно устраивались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ собирались имперскіе сеймы; изъ нихъ наибольшее значеніе пріобрѣла ярмарка въ Ахенѣ, любимой резиденціи Карла. Ахенская ярмарка сдѣлалась главнымъ центромъ торговли въ имперіи Карла. Сюда не только пріѣзжали фризы со своими сукнами и привозились излишки императорскихъ мануфактуръ, но въ Ахенъ охотно собирались и болѣе отдаленные купцы. Саксы, только что покоренные, сдѣлались отличными торговцами и ѣздили въ Англію спеціально за оловомъ и свинцомъ, славяне съ восточной границы привозили металлы, добывавшіеся въ сѣверной Европѣ и мѣха изъ своей лѣсистой родины. Тутъ же былъ неизбѣжный еврей съ самыми дорогими восточными товарами и итальянскій купецъ, научившійся ѣздить въ Константинополь, откуда онъ привозилъ шелковыя матеріи, потреблявшіяся при дворѣ и всякія лѣкарственныя снадобья и приправы.

Ахенская ярмарка такъ же характерна для начала IX вѣка, какъ ярмарка въ Сенъ-Дени для середины VII вѣка. Послѣдняя

по своимъ оборотамъ меньше, но разницы по существу между ярмарками нѣтъ. Тѣ же товары, тотъ же способъ торга; мѣсто исчезнувшаго заняли другіе купцы.

Каталогъ европейскихъ товаровъ, привозившихся въ Ахенъ, дастъ прямыя, но къ сожалѣнію чуть не единственныя свѣдѣнія о томъ, въ какихъ частяхъ Европы существовало производство, способное отдавать излишекъ въ сторону. Кое-что мы знаемъ и изъ другихъ источниковъ.

Едва ли не наиболѣе важнымъ продуктомъ торговли уже и въ эту эпоху должна была сдѣлаться шерсть. По мѣрѣ умноженія народонаселенія, свободныхъ земель въ Европѣ становилось все меньше и меньше, площадь пастбищъ естественно сокращалась, такъ какъ все больше земли обращалось подъ пашню. Необходимость заботиться о пропитаніи отодвигала на задній планъ заботу о теплой одеждѣ. Такимъ образомъ дома шерсть стала изготовляться въ весьма ограниченномъ количествѣ и шерстяной матеріей старались запастись на сторонѣ при первой же возможности. Вотъ это обстоятельство и сдѣлалось причиною развитія шерстяного производства въ Европѣ. Центромъ его была страна фламандцевъ и фризовъ.

Еще въ эпоху римскаго владычества у древнихъ бельгійскихъ племенъ, нервіевъ и атребатовъ существовало шерстяное производство, и императоры воспользовались искусствомъ туземцевъ, чтобы основать тамъ фабрики. Отъ кельтовъ это искусство перешло къ германскимъ племенамъ, занявшимъ эту область: франкамъ и фризамъ принялось у нихъ на столько хорошо, что уже въ V — VI вв. они могли работать на вывозъ. При Карлѣ Великомъ тутъ уже была цвѣтущая промышленность, отдѣлившаяся отъ другихъ работъ и перешедшая отъ женщинъ къ мужчинамъ. Природныя условія: обиліе богатыхъ солью пастбищъ, близость Англіи, въ какомъ угодно количествѣ доставлявшей превосходнѣйшую тонкую шерсть, очень благопріятствовали развитію шерстяной промышленности въ этихъ странахъ. Выработанные фризами пріемы стали примѣняться и въ другихъ мѣстахъ; такъ, при Карлѣ Великомъ ткачи въ нѣкоторыхъ его доменахъ были обучены фризскому ре-

меслу. Но всѣ условія, необходимыя для процвѣтанія ткачества, соединялись только въ Нидерландахъ. Техника производства по тому времени была тамъ прекрасно разработана; даже труднѣйшая стадія въ работѣ — окраска — давалась фламандцамъ и фризамъ сравнительно легко. Шерстяныя матеріи были главнымъ продуктомъ, которымъ западъ могъ щегольнуть передъ востокомъ. Въ числѣ подарковъ, отправленныхъ Карломъ Великимъ Гарунъ-Альрашиду, они фигурировали на первомъ мѣстѣ и вообще пользовались большимъ спросомъ въ богатой имперіи Аббасидовъ.

Шерсть постепенно вытѣснила излюбленную съ давнихъ поръ одежду германскихъ племенъ: полотно и мѣха. Въ противоположность шерсти полотно въ раннее средневѣковье такъ и не сдѣлалось предметомъ производства на продажу; за то дома оно еще приготовлялось повсемѣстно въ большомъ количествѣ и уступало шерсти лишь съ трудомъ; мы, напримѣръ, знаемъ, что даже знатные франки при дворѣ Карла Великаго носили красные полотняные штаны. Такимъ образомъ шерсть была единственнымъ продуктомъ, обработка котораго въ Европѣ достигла болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ. Правда, въ нѣкоторыхъ крупныхъ помѣстьяхъ, въ монастыряхъ и пр. существовали мастерскія, изготовляющія оружіе, предметы, необходимые во время богослуженія, цвѣтныя стекла, но эти производства въ ту эпоху еще не пріобрѣли того значенія, которое они пріобрѣли потомъ, и на торговлю не оказывали почти никакого вліянія. И оружіе и богослужебные предметы изъ дорогихъ металловъ, поступающіе въ продажу, шли съ Востока или изъ мусульманской Испаніи.

Важнѣе были для торговли нѣкоторые продукты добывающей промышленности, какъ свинецъ и олово, привозимые изъ Англіи, желѣзо съ сѣвера, вино, которое во многихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ южной Франціи и въ прирейнскихъ странахъ изготовлялось прямо на продажу и пр.

IV.

Карлъ Великій не только заботился о томъ, чтобы насадить и поднять промышленность въ своей имперіи, онъ сдѣлалъ много и

для обезпеченія сбыта тѣмъ товарамъ, которые изготовлялись въ его имперіи съ избыткомъ.

Уже одна его завоевательная дѣятельность сослужила въ этомъ отношеніи большую службу Европѣ. Границы имперіи раздвинулись вплоть до Одера и Тиссы, въ ея составъ вошла сѣверная Испанія и такая богатая страна, какъ Ломбардія. Императоръ заботился о томъ, чтобы разбросанное по громадной территоріи населеніе не нуждалось ни въ чемъ необходимомъ и съ этой цѣлью широко пользовался услугами торговли. По всей недавно завоеванной странѣ были построены станціи, которыя служили, конечно, прежде всего стратегическимъ цѣлямъ, но для купцовъ онѣ представляли то удобство, что въ нихъ всегда можно было найти пристанище, пищу для себя, кормъ для животныхъ. Карлъ устроилъ даже нѣчто вродѣ пограничной таможенной линіи на востокѣ, которая шла черезъ города: Бардовикъ (близъ Гамбурга), Магдебургъ, Эрфуртъ, Гальштадтъ, Форхгеймъ, Регенсбургъ и Лорхъ. Въ пограничныхъ пунктахъ шелъ мѣновой торгъ съ сосѣдними полукультурными племенами; тутъ же жили спеціальные „посланцы“ (missi dominici), которые обязаны были слѣдить за тѣмъ, чтобы за границу не вывозилось оружіе и рабы, и давать купцамъ указанія относительно опасности или безопасности дорогъ. Не была забыта и западная граница; въ дальнѣйшихъ портахъ: Кантовикѣ (нынѣ не существуетъ), Булони, Руанѣ, Гентѣ, Слюисѣ, гдѣ тщательно поддерживались маяки, господствовала довольно оживленная торговля съ Англіей, Ирландіей и не покоренными частями Германіи.

Внутри страны возстановились рѣчныя торговыя сношенія, сдѣлавшіяся невозможными при послѣднихъ Меровингахъ. Торговля создала процвѣтаніе такихъ городовъ, какъ Турнэ на Шельдѣ, Мастрихтъ на Маасѣ, Вормсъ и Майнцъ на Рейнѣ. Особенно важное торговое значеніе пріобрѣлъ Майнцъ, гдѣ скрещивались два крупные пути: въ страну туринговъ на востокъ и въ страну фризовъ на сѣверъ. Сношенія съ фризскими суконщиками были настолько оживленныя, что у нихъ даже имѣлся особый кварталъ въ Майнцѣ; они привозили въ среднюю и верхнюю Германію свои сукна и увозили на свой туманный сѣверъ рейнскія вина и хлѣбъ. Они

по Майну и по Рейну привозили купленные товары въ Майнцъ на югъ, а отсюда везли ихъ дальше на сѣверъ. Чтобы еще болѣе упорядочить рѣчное судоходство и создать возможность водою проѣзжать всю Европу отъ Нѣмецкаго моря до Чернаго, Карлъ одно время носился съ мыслью соединить каналомъ Реуницъ, притокъ Майна и Альтмюль, притокъ Дуная, но неудобства почвы оказались настолько серьезны, что элементарная техника того времени не могла ихъ преодолѣть.

Еще дальше проникалъ взоръ геніальнаго императора. Онъ, повидимому, очень хорошо понималъ, что торговля въ его имперіи обречена на жалкое прозябаніе, если она не будетъ входить въ кругъ міроваго обмѣна. Европейскіе продукты принадлежали по большей части къ числу тѣхъ, которые на худой конецъ всякій могъ добыть дома или замѣнить чѣмъ-нибудь другимъ. Восточные товары были незамѣнимы. И вотъ императоръ пытается облегчить ихъ доставку изъ Византіи; для этого онъ съ героическимъ усиліемъ очищаетъ итальянскія воды и путь къ Марселю, Тулузѣ и Барселонѣ отъ сарацинскихъ пиратовъ. Но этого ему казалось мало; онъ слишкомъ хорошо зналъ, какъ мало подготовлены марсельскіе и другіе купцы къ заморскому плаванію; поэтому онъ вошелъ въ сношенія съ самимъ „повелителемъ правовѣрныхъ", халифомъ Гарунъ-Альрашидомъ. Въ 797 году онъ отправилъ въ Багдадъ посольство, сопровождаемое опытнымъ еврейскимъ купцомъ Исаакомъ; цѣль посольства заключалась между прочимъ въ томъ, чтобы добыться разрѣшенія халифа на устройство въ Марсели и Нарбоннѣ складовъ восточныхъ товаровъ: куреній, пряностей, жемчуга, драгоцѣнныхъ каменьевъ, стиклянныхъ издѣлій, шелковыхъ матерій и хлопка [1]). Халифъ принялъ посольство необыкновенно радушно. Послы вручили ему подарки императора, главное мѣсто среди которыхъ занимали крашенныя фризскія сукна. Несравненно богаче были подарки халифа, отправленные имъ Карлу и доставленные Исаакомъ (оба посла

[1]) Главная цѣль посольства, впрочемъ, не имѣла съ торговлей ничего общаго. Карлъ Великій просто хотѣлъ сговориться съ халифомъ относительно Іерусалима и христіанскихъ паломниковъ, ежегодно отправлявшихся въ большомъ количествѣ въ святыя мѣста.

умерли на возвратномъ пути). Гарунъ этимъ не ограничился и въ 807 году отправилъ къ Карлу новое посольство. Какихъ только диковинокъ не пришлось увидѣть придворнымъ императора. Тутъ былъ и слонъ, и попугаи, и обезьяны, и музыкальные инструменты, и бронзовые канделябры, и бронзовые часы, отбивающіе при помощи шариковъ время, и тончайшіе шелка, и всевозможныя куренія. Старый императоръ, смущенный такой невиданной роскошью, собралъ въ своей имперіи все, что было въ ней цѣннаго и вручилъ посламъ. Среди подарковъ фигурировали лошади и мулы изъ Испаніи, охотничьи собаки и тѣ же неизбѣжныя фризскія крашенныя сукна. Немногимъ могла похвастать Европа передъ Азіей.

Цѣль этихъ переговоровъ была вполнѣ достигнута. Восточные купцы устроили въ Марсели и Нарбоннѣ постоянные склады восточныхъ товаровъ и увозили на востокъ хлѣбъ, вино, масло, металлы и сукна. Подобные же договоры Карлъ заключилъ съ эмирами сѣверной Африки и даже съ испанскими эмирами, такъ что подъ конецъ его царствованія Барселона сдѣлалась значительнымъ рынкомъ, гдѣ кожаныя и шелковыя издѣлія Кордовы обмѣнивались на шерстяныя матеріи южно-французскаго производства.

Еще раньше (796 г.) императоръ даровалъ грамоту одному изъ англо-саксонскихъ королей, Оффѣ изъ Мерсіи, въ которой обѣщалъ свою благосклонность и свое покровительство всѣмъ англійскимъ купцамъ, торгующимъ въ имперіи, и требовалъ взамѣнъ того же для франкскихъ купцовъ, торгующихъ во владѣніяхъ Оффы.

Вообще Карлъ старался не упускать случая укрѣпить дружескія связи всюду, гдѣ ему не было необходимости воевать. Предметомъ его постоянныхъ заботъ было поддержаніе хорошихъ отношеній съ восточной имперіей. Для торговли связи съ Константинополемъ представляли большую цѣнность, вслѣдствіе того положенія, которое занимала въ мировомъ торговомъ оборотѣ Византія.

Таковы были тѣ мѣропріятія, къ которымъ обращался Карлъ Великій съ цѣлью поднять благосостояніе своихъ подданныхъ. И ему дѣйствительно удалось достигнуть нѣкоторыхъ результатовъ. Но торговля не сдѣлалась прочнымъ пріобрѣтеніемъ имперіи, она

не вытекала съ необходимостью изъ запросовъ народно-хозяйственной жизни и носила на себѣ характеръ искусственности; государство еще жило натурально-хозяйственнымъ строемъ, а Карлъ Великій хотѣлъ создать въ немъ сложную систему, основанную на мѣновой организаціи. Естественно, что плоды его дѣятельности почти всѣ погибли въ слѣдующій за его смертью періодъ, въ IX — XI вв., когда наступила такая смута въ Европѣ, въ которой торговля, дѣятельность, требующая прежде всего полной общественной безопасности, не могла процвѣтать.

Распаденіе имперіи, дробленіе власти и территоріи, появленіе мелкихъ владѣтелей, постоянныя ссоры между ними, непрерывныя нападенія арабовъ съ юга, мадьяръ съ востока, норманновъ—отовсюду, гдѣ только было море—таковы внѣшнія причины упадка торговли. Арабскіе разбойничьи корабли вновь забаррикадировали доступъ къ южно-французскимъ портамъ, норманны сильно подорвали благосостояніе промышленнаго побережья Фландріи и страны фризовъ. Большія рѣки сдѣлались вновь небезопасны для торговля, потому что на нихъ то и дѣло появлялись легкія судна сѣверныхъ пиратовъ; мелкія внутреннія рѣки украсились по старому частными заставами; заставы всякаго сорта появились и на сухомъ пути. Словомъ, настало царство феодализма съ его обособленностью, враждебной всякимъ сношеніямъ. Торговля, конечно, не заглохла окончательно, но она сильно сократилась въ своихъ размѣрахъ сравнительно съ предшествующимъ періодомъ. До насъ дошло любопытное извѣстіе, которое очень ярко характеризуетъ процессъ возвращенія отъ мимолетной сложной хозяйственной организаціи, введенной благодаря усиліямъ Карла Великаго, къ прежнему натурально-хозяйственному строю. Въ одной старой фламандской хроникѣ разсказывается про мѣропріятія графа Фландріи Балдуина III, царствовавшаго въ серединѣ X вѣка, слѣдующее: „Балдуинъ Младшій, сынъ Арнульфа Великаго, установилъ норму мѣновыхъ сдѣлокъ для тѣхъ, у кого не было денегъ. За двѣ курицы нужно было дать одного пѣтуха, одну овцу за два ягненка, одну корову за двухъ телятъ, одного теленка за двѣ овцы“. Опредѣленіе нормы обмѣна въ терминахъ сельско-хозяйственныхъ цѣнностей какъ нельзя болѣе характерно

для экономическаго момента. Оно показываетъ съ полной очевидностью, что экономическая политика Карла Великаго была вызвана не потребностями времени, а черезъ-чуръ широкимъ пониманіемъ своихъ задачъ геніальнымъ императоромъ. Ему еще удавалось поддерживать созданные имъ институты, но они погибли, какъ только не оказалось достаточно энергичной и сильной руки, чтобы поддерживать это искусственное насажденіе.

V.

Болѣе или менѣе дѣятельное участіе, которое принимали страны европейскаго запада въ торговлѣ ранняго средневѣковія, находилось въ зависимости отъ одного условія: отъ близости ихъ къ главнымъ эмпоріямъ міровой торговли,—къ Византіи и арабскимъ портамъ Средиземнаго моря. Это условіе выдвигало прежде всего Италію.

Въ центрѣ Италіи былъ Римъ съ папской куріей, слѣдовательно съ большимъ спросомъ на всевозможные предметы роскоши. Какъ онъ ихъ получалъ? Сами римляне никогда не отличались ни способностью къ торговлѣ, ни склонностью къ ней: имъ некогда было быть купцами. Часть всего ввозимаго было подарками, которыхъ курія много получила отовсюду и въ частности отъ византійскаго двора. Но эта часть была ничтожна въ сравненіи со всей суммою ввоза. Остальное доставлялось итальянскими купцами. Изъ городовъ, которые въ эту эпоху принимаютъ наиболѣе дѣятельное участіе въ левантской торговлѣ, на первомъ мѣстѣ стоятъ Амальфи на югѣ и Венеція на сѣверѣ, оба номинально подвластные Византіи, но фактически уже создавшіе у себя собственное управленіе [1]).

Торговое процвѣтаніе южныхъ городовъ создалось въ IX вѣкѣ благодаря дружескимъ сношеніямъ съ африканскими сарацинами; эти сношенія были настолько тѣсны, что амальфитанцевъ и ихъ со-

[1]) Слава такихъ крупныхъ городовъ, какъ Трани, Бриндизи, Тарентъ на югѣ, Пиза и Генуя на сѣверѣ создалась позднѣе. Въ ту эпоху она только что зарождалась. На югѣ одно время вмѣстѣ съ Амальфи выдвинулись Салерно, Неаполь и Гаэта, но вскорѣ они остались въ тѣни; ихъ затмила слава Амальфи.

юзниковъ обвиняли—и, повидимому, не совсѣмъ безъ основанія—въ укрывательствѣ сарацинскихъ пиратовъ и въ продажѣ сарацинамъ христіанскихъ рабовъ. Что касается чисто-торговыхъ сношеній, то амальфитанцы въ 870 году уже вели дѣла съ подданными аглабитскаго султана въ нынѣшнемъ Тунисѣ, а въ теченіе слѣдующихъ ста лѣтъ распространили свои торговыя связи дальше на востокъ. Въ 973 году они прекрасно знали дорогу въ Капръ и вообще въ Египетъ; нѣсколько позднѣе мы ихъ встрѣчаемъ въ Антіохіи и другихъ сирійскихъ портахъ. Связи съ мусульманами не мѣшали, конечно, жителямъ Амальфи вести дѣла и въ Византійской имперіи. Такъ какъ они считались подданными имперіи, то она была открыта всякому амальфитанцу для безпошлинной торговли. Амальфитанцы пользовались своимъ правомъ очень широко. Въ Константинополѣ у нихъ были свои оптовые магазины, одно время даже они образовали тамъ цѣлую колонію; они были желанными гостями въ любомъ изъ греческихъ городовъ и широко пользовались своимъ привилегированнымъ положеніемъ. Они вывозили много греческихъ товаровъ въ Европу и умудрялись доставлять на западъ тѣ знаменитыя пурпуровыя ткани, вывозъ которыхъ изъ Константинополя былъ строго запрещенъ императорами. Въ складахъ и магазинахъ Амальфи всегда можно было въ какомъ угодно количествѣ добыть драгоцѣнныхъ восточныхъ товаровъ, особенно же—рѣдкихъ въ Европѣ шелковыхъ матерій. Не только Римъ получалъ необходимые для него товары черезъ Амальфи, но и сѣверъ Италіи, находившійся, какъ можно было бы ожидать, въ сферѣ торговой дѣятельности Венеціи, часто пользовался услугами амальфитанскихъ купцовъ. Всему европейскому торговому міру было извѣстно имя Амальфи; его морскіе законы, кодифицированные подъ сильнымъ вліяніемъ римскаго права, такъ называемая Tabula Amalfitana, сдѣлались торговымъ правомъ чуть не всего побережья Средиземнаго моря. Но процвѣтанію Амальфи не суждено было продолжаться долго. Въ 1073 году городъ подчинился норманскому герцогу Роберту Гюискару и изъ подданнаго Византіи сдѣлался поневолѣ ея врагомъ. Конечно, всѣ торговыя льготы, которыми пользовались амальфитанскіе купцы въ городахъ имперіи,

сейчасъ же были уничтожены и они вслѣдствіе этого оказались не въ силахъ болѣе конкуррировать съ венеціанскими купцами. Торговля Амальфи стала быстро падать, а когда послѣ перваго крестоваго похода явились и другіе конкурренты, погибла окончательно.

Одновременно съ Амальфи на сѣверѣ Италіи зарождалась и крѣпла торговая мощь другого города, которая надолго пережила кратковременный расцвѣтъ торговой столицы юга.

Одно географическое положеніе предрекало Венеціи міровую роль въ исторіи торговли. Уже въ серединѣ IX вѣка ея корабли знали дорогу въ сѣверную Африку, Египетъ и Сирію, ея купцы посѣщали Римъ и другіе города внутренней Италіи—въ поискахъ за рабами. Что они возили на востокъ изъ Европы? Объ этомъ мы можемъ строить лишь болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія; оружіе, строевой лѣсъ, сукна фризскаго и французскаго издѣлія, рабы—таковы могли быть грузы венеціанскихъ кораблей, отправляющихся на востокъ. Лучше знаемъ мы, что они привозили въ Европу; русскіе мѣха, въ частности горностай, изъ Константинополя, тирскій пурпуръ изъ Сиріи, плащи съ вышитыми и вытканными фигурами птицъ арабско-персидскаго происхожденія и рядъ другихъ товаровъ—вотъ что продавали венеціанцы Европѣ. Съ византійскимъ дворомъ они находились въ наилучшихъ отношеніяхъ; таможенный досмотръ мало смущалъ ихъ; они не хуже амальфитанцевъ умѣли провозить запрещенныя къ вывозу дорогія матеріи. О регулярности и постоянствѣ ихъ частыхъ путешествій въ Константинополь свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что они перевозили почту между имперіей и Европой—пока, впрочемъ, одно письмо, привезенное ими въ столицу имперіи, не задѣло нѣкоей придворной чести, не навлекло неудовольствія на доставителей. Бывали между Венеціей и Константинополемъ и болѣе серьёзные поводы для взаимнаго охлажденія, и почти всегда такіе поводы доставлялись неугомонными венеціанскими купцами. Какъ уже замѣчено выше, главнымъ предметомъ вывоза изъ Европы были оружіе и строевой лѣсъ, которое доставлялось не только сѣверно-африканскимъ сарацинскимъ владѣтелямъ, но попадало и въ Сирію и Египетъ. Въ эту эпоху Византія какъ разъ вела упорную войну

съ мусульманами и на востокѣ, и на западѣ; благодаря талантамъ византійскихъ полководцевъ побѣда уже стала вновь склоняться на сторону имперіи, и Никифоръ Фока разрушилъ гнѣздо критскихъ пиратовъ—Хандаксъ (Кандію). Конечно, при этихъ условіяхъ Византіи не могло быть пріятно, что Венеція безпрестанно доставляетъ ея врагамъ средства для борьбы, и Іоаннъ Цимисхій въ 971 г. прямо потребовалъ отъ дожа, чтобы торговля боевымъ матеріаломъ была прекращена. Византія въ то время была сильна, а Венеція только что становилась на ноги. Пришлось подчиниться.

Но торговля съ сарацинами не прекращалась, и византійская дипломатія была слишкомъ дальновидна, чтобы требовать отъ Венеціи полнаго разрыва торговыхъ сношеній съ Азіей и Африкой. И дожи дѣлали все, чтобы только укрѣпить торговыя связи съ мусульманскими князьками. Дожъ Пьетро Орсеоло (991—1009) разослалъ съ этой цѣлью посольства ко всѣмъ сарацинскимъ владѣтелямъ въ Сиріи, Египтѣ, Сѣверной Африкѣ и Сициліи, чтобы добиться у нихъ торговыхъ льготъ для венеціанскихъ купцовъ. Посольства вполнѣ достигли цѣли. Въ то же время Орсеоло отправилъ въ 992 г. пословъ и къ константинопольскому двору, чтобы выхлопотать урегулированіе портовыхъ пошлинъ, которыя взимались пропорціонально аппетитамъ портовыхъ таможенныхъ чиновниковъ. Императоры Василій II и Константинъ охотно согласились, и пошлина была установлена въ размѣрѣ 2 солидовъ при въѣздѣ въ Константинопольскую гавань и 15 солидовъ при выѣздѣ изъ нея каждаго корабля съ товаромъ *). Такая такса считалась очень низкой и венеціанцамъ было запрещено подъ угрозою лишенія привилегіи провозить на своихъ корабляхъ товары амальфитанцевъ, барійцевъ и евреевъ. Съ своей стороны, венеціанцы должны были обязаться во всякій моментъ предоставить свои корабли для перевозки греческихъ войскъ въ Италію. Услуги, оказанныя венеціанской торговлѣ дожемъ Орсеоло, этимъ не ограничились. Въ 1000 г. онъ подчинилъ республикѣ разбойничье на-

---

*) Разница въ цѣнѣ ввозной и вывозной пошлины объясняется тѣмъ, что ввозимые венеціанцами товары были малоцѣнны, а вывозимые—большой цѣнности.

селеніе далматскаго побережья, сильно затруднявшее правильные рейсы по Адріатическому морю. При преемникахъ Орсеоло Венеція добилась такой привилегіи со стороны Византійскаго правительства, которая сразу дала имъ огромное преимущество надъ всѣми соперниками. Въ награду за помощь, оказанную венеціанскимъ флотомъ въ борьбѣ противъ норманскаго герцога Роберта Гюискара въ 1084 г. Алексѣй Комнинъ даровалъ венеціанскимъ купцамъ право безпошлинной торговли на всемъ протяженіи имперіи. Этотъ дипломъ открываетъ эру торговаго преобладанія Венеціи на востокѣ, продолжавшуюся нѣсколько столѣтій.

VI.

Италія была не единственной посредницей между Западомъ и Востокомъ, да она и не была въ состояніи въ ту эпоху снабжать восточными товарами всѣ западныя страны: для этого ея собственныя торговыя связи были слишкомъ незначительны. Сѣверная половина западной Европы получала восточные товары сѣвернымъ путемъ, который на востокѣ развѣтвлялся на два направленія: восточное—черезъ арабовъ и западное — черезъ Византію.

Въ настоящее время въ Швеціи, Норвегіи и сѣверной Россіи находятъ въ огромномъ количествѣ арабскія монеты: самая древняя изъ нихъ отчеканена въ 698 году, позднѣйшая — въ 1010 году; наиболѣе часто попадаются монеты, вычеканенныя въ промежутокъ между концомъ IX и серединою X вѣка. Большинство монетъ относится къ числу саманидскихъ *), аббасидскихъ, армянскихъ и закавказскихъ. Мы имѣемъ возможность прослѣдить очень подробно тотъ путь, которымъ попадали на далекій сѣверъ эти монеты. Среди нихъ имѣются, несомнѣнно, и награбленныя монеты **), но огромное большинство добыто мирнымъ путемъ, при помощи торговли.

---

*) Династія Саманидовъ царствовала въ нынѣшней Бухарѣ и части Персіи (Хорасанъ) въ эпоху отъ послѣдней четверти IX в. до конца X в.

**) Таково происхожденіе омайадскихъ диргемъ изъ Испаніи, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, увезены съ родины на корабляхъ норманскихъ пиратовъ.

Арабскіе купцы, по всей вѣроятности, никогда не доѣзжали до скандинавскихъ странъ и даже до Новгорода. Это и не представлялось необходимымъ, ибо въ лицѣ камскихъ болгаръ они имѣли превосходныхъ посредниковъ. Столица послѣднихъ, городъ Булгаръ, лежалъ между Казанью и Симбирскомъ. Тамъ ко времени прибытія арабскихъ купцовъ мѣстные торговцы, а частью и норманскіе „гости" свозили огромное количество тѣхъ товаровъ, какихъ требовалъ югъ; на первомъ мѣстѣ стояли мѣха: куньи, собольи, бѣличьи, горностаевые, лисьи, бобровые, заячьи; далѣе: козьи шкуры, бобровая струя, крупная рыба, янтарь, юфть, воскъ, медъ, орѣхи, кольчуги, мечи, овцы, крупный скотъ, хлѣбъ, невольники. Въ обмѣнъ на все это арабы давали свои деньги, а также драгоцѣнные камни и разныя издѣлія изъ стекла, бронзы и глины. Приблизительно тѣ же товары можно было достать въ столицѣ хозаръ, Итилѣ, у самыхъ устьевъ Волги, но, повидимому, выборъ былъ лучше въ Булгарѣ, ибо арабскіе купцы, добравшіеся изъ-за тридевять земель до Волги, почти никогда не останавливались передъ двухмѣсячнымъ путешествіемъ отъ Итиля до Булгара.

Скандинавскіе купцы находились въ сношеніяхъ съ болгарами частью черезъ біармійцевъ *), частью черезъ Русь. Новгородъ рано сдѣлался цвѣтущей эмпоріей сѣвера. Туда привозили норвежскіе, шведскіе, частью даже датскіе (изъ Шлезвига) купцы мѣха, пухъ, китовый усъ, ворвань, быть можетъ, и шерсть и получали въ обмѣнъ свободно циркулировавшія тамъ арабскія диргемы и нѣкоторые восточные товары, перевозившіеся дальше въ Европу. Изъ Новгорода сѣверные товары привозились въ Булгаръ. Однако, Русь торговала съ арабами больше черезъ Итиль, чѣмъ черезъ Новгородъ — Булгаръ. И арабскіе купцы знали эту особенность хозарской столицы. Они привозили туда огромное количество зеленыхъ бусъ, излюбленнаго украшенія тогдашнихъ русскихъ дамъ, за нитку котораго ихъ мужья охотно платили по

*) Народъ финскаго происхожденія, къ сѣверу отъ болгаръ, въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Пермской, Вятской, Вологодской и Архангельской.

диргемѣ. Въ обмѣнъ на свой традиціонный товаръ—мѣха, медъ, воскъ, невольники — русскіе получали также и другіе восточные товары, которые, вѣроятно, рѣдко попадали въ Булгаръ; это шелковыя и хлопчатобумажныя ткани, коренья, вино и дорогое оружіе. Полудикіе скандинавы не потребляли этихъ товаровъ, а русскіе къ тому времени успѣли познакомиться съ ними и оцѣнить ихъ, благодаря частымъ сношеніямъ съ Цареградомъ.

Царьградскія сношенія Руси относятся, вѣроятно, еще къ IX в. Варяжскій, или Великій греческій путь, шелъ, какъ извѣстно, съ Чернаго моря вверхъ по Днѣпру, затѣмъ волокомъ до Ловати черезъ озеро Ильмень, Волховъ, Ладожское озеро и Неву въ Балтійское море. Греческіе купцы, впрочемъ, рѣдко заѣзжали дальше Кіева, такъ что въ началѣ скандинавскіе купцы-воины одни проходили его изъ конца въ конецъ, но затѣмъ съ ними начинаютъ все сильнѣе и сильнѣе конкуррировать славяне. Частью уступая силѣ, частью изъ коммерческихъ соображеній византійскіе императоры должны были согласиться на заключеніе договоровъ съ русскими князьями (первый Олеговъ—907 года), по которымъ за русскими купцами обезпечивалось право безпошлинной торговли въ столицѣ имперіи. Вывозила Русь все то же — мѣха, продукты пчелинаго промысла, невольниковъ; вывозила золото, серебро, парчу, шелковыя матеріи, вино, фрукты, пряности.

Такъ какъ главная торговля въ эпоху ранняго средневѣковья шла съ Востокомъ, то существованіе двухъ путей въ восточной торговлѣ можетъ быть объяснено лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что одного было недостаточно. Отсюда естественно напрашивается вопросъ, какія страны обслуживались южнымъ и какія сѣвернымъ путемъ.

Относительно Франціи мы знаемъ очень хорошо, что все, что она получала изъ левантскихъ товаровъ въ эпоху послѣ Верденскаго договора, шло къ ней черезъ Италію. Непосредственныя сношенія съ Левантомъ сдѣлались невозможны послѣ того, какъ арабы захватили на берегу Прованса укрѣпленіе Фрессине (Fraxinetum) и почти цѣлое столѣтіе (889—975) пользовались имъ, какъ опорнымъ пунктомъ для разбойничьихъ походовъ на морѣ и на

сушѣ. Да и вся западная часть Средиземнаго моря находилась въ рукахъ арабовъ, такъ что изъ французскихъ гаваней не могло выйти ни одно судно, не рискуя попасть въ руки пиратовъ. Поэтому и паломники, отправляющіеся въ Святую землю, садились на судно въ одной изъ итальянскихъ гаваней. Что касается доставки товаровъ, то она происходила двоякимъ путемъ. Или итальянскіе купцы сами привозили ихъ на французскіе ярмарки *), или они ихъ передавали въ какомъ-нибудь пунктѣ французскимъ купцамъ.

Относительно Англіи вопросъ нѣсколько сложнѣе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что англійская духовная и свѣтская знать въ то время находилась въ сношеніяхъ съ Римомъ, куда ея представители довольно часто ѣздили по своимъ дѣламъ; несомнѣнно также, что они рѣдко возвращались изъ этихъ поѣздокъ, не накупивъ восточныхъ шелковыхъ и парчевыхъ матерій или ювелирныхъ издѣлій. По всей вѣроятности, и черезъ Францію получалось нѣкоторое количество товаровъ, но ихъ и въ самой Франціи было немного, чтобы она могла еще вывозить большое количество въ сосѣднюю страну. Судя по тому, что въ Англіи до сихъ поръ находятъ огромное количество восточныхъ монетъ, а въ Швеціи, особенно на островахъ Эландѣ и Готландѣ, множество монетъ англосаксонскихъ, относящихся къ этому періоду, мы можемъ заключить, что главная торговля Англіи съ востокомъ шла сѣвернымъ путемъ, черезъ посредство скандинавскихъ купцовъ; ихъ посредническая роль не подлежитъ никакому сомнѣнію: вѣдь въ Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ они хозяйничали безраздѣльно. Что касается товаровъ, служившихъ предметомъ торговли, то о нихъ очень трудно сказать что-нибудь опредѣленное; едва ли дорогіе восточные продукты попадали въ Англію этимъ путемъ. Мы уже видѣли, что въ Булгаръ, рынокъ скандинавскихъ купцовъ, арабы почти не привозили ни тканей, ни пряностей и куреній; обмѣнивали они сѣверные товары на монеты, драгоцѣнные металлы, стеклянныя издѣлія и проч. Эти-то удобныя для перевозки вещи частью и до-

*) Сомнительно, чтобы они посѣщали какую-нибудь, кромѣ Сенъ-Дени.

ставлялись въ Англію. Въ обмѣнъ оттуда получались металлы и главнымъ образомъ драгоцѣнная амбра.

Въ послѣдней четверти X вѣка, при королѣ Этельредѣ (978—1016) стали посѣщать Англію и купцы изъ Фландріи и Германіи. Скандинавскіе моряки мало-по малу оставили свои разбойничьи привычки, и море сдѣлалось болѣе безопаснымъ, чѣмъ раньше. Нѣмецкіе и фламандскіе купцы изъ тѣхъ городовъ, которые стояли на впадающихъ въ Сѣверное море рѣкахъ (Тиль, Девентеръ, Люттихъ, Кельнъ, Бременъ), проникли въ Англію, и за извѣстную пошлину и регулярные взносы на Рождество и Пасху *) получали право торговать на лондонскомъ рынкѣ. Но тутъ возникаетъ вопросъ, откуда попадали восточные товары въ Германію, сѣверомъ или югомъ.

VII.

До XII вѣка сѣверный путь игралъ сравнительно небольшую роль. Путь по Дунаю въ Черное море былъ закрытъ сначала аварами, потомъ мадьярами, которые основали въ низовьяхъ рѣки свою державу; но лишь съ середины XI вѣка мадьяры стали приходить къ пониманію пользы торговыхъ сношеній съ сосѣдями и допускать къ себѣ нѣмецкихъ и иныхъ купцовъ; да и то путешествіе въ Венгрію не принадлежало къ числу привлекательныхъ торговыхъ странствованій, ибо купцы нерѣдко оставляли у полудикихъ покупателей въ придачу къ товару еще и свои головы.

Въ X—XI в., впрочемъ, существовалъ обходный путь. Нѣмецкіе купцы спускались внизъ по Дунаю до тѣхъ поръ, пока рѣка текла по нѣмецкой территоріи: не доѣхавъ до венгерской границы, они поворачивали къ сѣверу и черезъ славянскія страны приходили въ Кіевъ. Отсюда сношенія съ востокомъ черезъ хозаръ продолжались до тѣхъ поръ, пока стоялъ у устьевъ Волги Итиль. Съ его разрушеніемъ (975) эти пути залегли, но значеніе Кіева отъ этого не пострадало. Черезъ столицу южной Руси про-

---

*) Два куска сѣраго сукна, одинъ коричневаго; десять фунтовъ перцу пять паръ перчатокъ и два боченка уксусу.

должались сношенія съ Царьградомъ. Вотъ почему купцы изъ Регенсбурга имѣли въ Кіевѣ постоянныя конторы, а кіевскіе купцы не разъ предпринимали путешествія въ германскія государства. Но былъ и промежуточный рынокъ между славянами и нѣмцами. Это— Юмна, или Воллинъ на южномъ берегу Балтійскаго моря у устьевъ Одера, торговый расцвѣтъ котораго относится къ концу XI вѣка. Изъ Гамбурга можно было въ восемь дней попасть въ Юмну, куда славянскіе купцы привозили всякаго рода товары, въ томъ числѣ и византійскіе. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о томъ, какимъ образомъ шла торговля нѣмцевъ съ этой славянской эмпоріей. Вѣрнѣе будетъ предположить, что ея размѣры не были очень велики, ибо въ то время, когда процвѣтала Юмна, сильно участились торговыя сношенія Германіи черезъ Альпы съ Италіей и, слѣдовательно, съ Левантомъ. Южный путь въ эту эпоху, несомнѣнно, имѣлъ руководящее значеніе и главная масса левантскихъ товаровъ доставлялась въ Германію черезъ Альпы, а не другими путями.

Путешествія черезъ Альпы совершались, какъ извѣстно, съ разными цѣлями еще въ древности. Уже и тогда излюбленнымъ проходомъ былъ Большой Сенъ-Бернаръ; онъ таковымъ остался и въ періодъ франкскаго владычества *). Когда его популярность установилась прочно, имъ стали пользоваться и при путешествіяхъ изъ Германіи. Но въ 888 г. образовалось самостоятельное Верхне-Бургундское герцогство, завладѣвшее обоими Сенъ-Бернарскими и нѣсколькими сосѣдними проходами, такъ что для путешествій въ Германіи приходилось выбирать другіе пути. Къ тому же въ системѣ Роны появились около того же времени сарацины, что тоже дѣлало путешествіе въ этомъ направленіи не безопаснымъ. Поэтому пріобрѣтаютъ популярность рейнскіе проходы. Сенъ-Готардъ не былъ еще извѣстенъ. Его роль до поры до времени исполняли—Lukmanier, Bernardin, Septimer, Julier и др. Нѣмецкіе купцы должны были ѣхать за восточными товарами въ Италію, на ярмарки въ Павію и

*) Посѣщался онъ, конечно, преимущественно съ военными и политическими цѣлями; поэтому популярность западнаго прохода объясняется очень легко. Политическіе центры франкской монархіи всѣ лежали на западѣ.

Феррару; туда пріѣзжали венеціанцы, привозившіе товары, необходимые для заальпійскихъ покупателей. Изъ нѣмецкихъ городовъ участвовали въ этой торговлѣ преимущественно верхнерейнскіе и дунайскіе города и Майнцъ, который и въ ту пору былъ все еще главнымъ торговымъ центромъ Германіи; онъ стоялъ на перекресткѣ трехъ торговыхъ путей: восточнаго, шедшаго черезъ Тюрингію и въ Русь, южнаго и самаго важнаго въ то время сѣвернаго. Фризскій районъ для Германіи тогда былъ важнѣе, чѣмъ Италія. Онъ былъ рынкомъ, куда шли продукты винодѣлія и хлѣбопашества прирейнскихъ областей; кромѣ того, оттуда шли сукна, которыя въ IX—X вв. не знали конкуррентовъ. Вообще, сношенія съ Италіей для Германіи пока не представляли особенной важности и имѣли второстепенное значеніе. Итальянскіе купцы едва ли появлялись за Альпами гдѣ-нибудь кромѣ Регенсбурга, а нѣмцы не рѣшались часто предпринимать болѣе отдаленныхъ путешествій. У насъ есть, впрочемъ, одно указаніе на то, что у крупныхъ купцовъ были связи въ Византіи: Оттонъ I поставилъ во главѣ одного посольства въ Константинополѣ богатаго майнцскаго купца Ліутфреда, очевидно, какъ человѣка, который уже бывалъ въ столицѣ Восточной имперіи.

Такимъ образомъ, выясняются, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, тѣ пути, по которымъ шли въ различныя части Европы восточные товары. Ихъ на мѣстѣ ничѣмъ обыкновенно нельзя было замѣнить; поэтому они были главнымъ предметомъ обмѣна. Но и въ Европѣ были нѣкоторые продукты, которые могли послужить для этой же цѣли. Намъ необходимо ознакомиться съ той торговлею, которая вызывалась неравномѣрнымъ распредѣленіемъ естественныхъ продуктовъ.

И въ этомъ отношеніи приходится выдвинуть на первый планъ экономическую роль шерсти. Мы видѣли, что еще въ каролингскій періодъ шерсть создала промышленность и сдѣлалась предметомъ торговли. Въ X—XI вв., хотя феодальныя смуты сильно затрудняли всякую мирную дѣятельность, шерсть пріобрѣла бóльшее торговое значеніе, чѣмъ раньше. Попрежнему главная масса шерсти добывалась въ Англіи, попрежнему обрабатывалась она чуть не сплошь во Фландріи и у фризовъ. Но техника производства шерстяныхъ

матерій улучшалась, количество выработки увеличилось, населеніе фламандско-фрисландскаго района сдѣлалось предпріимчивѣе. Шельда, Маасъ и Рейнъ соединяли нидерландскую территорію съ внутренней Франціей, Бургундіей, средней и южной Германіей; съ Англіей и скандинавскими странами она находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ; нѣмецкій купецъ, которому нужно было съѣздить въ Англію, англійскій паломникъ, направляющійся въ Римъ или въ какое-нибудь знаменитое континентальное аббатство,—не могли миновать фламандскаго или фрисландскаго порта; скандинавскій купецъ, по пути изъ Россіи въ Англію, непремѣнно заѣзжалъ туда. Въ фламандскомъ Брюгге и въ другомъ бойкомъ центрѣ Тилѣ, построенномъ на мѣстѣ старой торговой столицы фризовъ Дурстеда на Рейнѣ, встрѣчаются торгующіе и странствующіе люди всѣхъ національностей; на рѣкахъ внутри страны вновь отстраиваются разрушенные поселки и возникаютъ новые города: Валансьенъ, Камбре и Гентъ на Шельдѣ, Верденъ, Люттихъ, Мастрихтъ по Маасу. На французскихъ ярмаркахъ, въ Англіи, въ Германіи фламандцы и фризы—постоянные посѣтители. Въ Англіи ихъ хозяйственное значеніе огромно: они покупаютъ всю англійскую шерсть, частью и другое сырье (кожи, металлы); въ Германіи также фризъ всегда желанный гость, и во всѣхъ крупныхъ торговыхъ городахъ этой эпохи имѣются колоніи сѣверныхъ купцовъ (въ Вормсѣ, Кельнѣ, Страсбургѣ, Дуисбургѣ); въ Майнцѣ они занимаютъ лучшій кварталъ. Взамѣнъ своихъ шерстяныхъ и суконныхъ матерій фризы увозятъ изъ Германіи вино и хлѣбъ. Мы не знаемъ доподлинно, заѣзжали ли фризы въ Италію, но несомнѣнно, что они принимали участіе въ нѣмецко-итальянскихъ торговыхъ сношеніяхъ, если не въ качествѣ продающей, то въ качествѣ покупающей стороны.

Другой предметъ англійскаго вывоза—металлы—мы встрѣчаемъ уже въ Италіи. Ихъ ввозъ туда засвидѣтельствованъ однимъ любопытнымъ документомъ, проливающимъ нѣкоторый свѣтъ на торговлю Италіи до крестовыхъ походовъ. Выше было замѣчено, что вслѣдствіе образованія верхне-бургундскаго герцогства, Бол. Сенъ-Бернаръ былъ закрытъ для нѣмцевъ. Но ни бургундцы, ни сарацины, очевидно, не могли помѣшать тому, чтобы черезъ этотъ проходъ продолжались сношенія. Около середины X в. черезъ Бол. Сенъ-Бер-

пар провозилось, повидимому, довольно много товаровъ въ обоихъ направленіяхъ. Епископъ города Аосты, лежащаго нѣсколько къ югу отъ Бол. Сенъ-Бернара, составилъ въ 960 г. нѣчто вродѣ таможеннаго тарифа, первый образецъ въ этомъ родѣ изъ альпійскаго района. Полной картины движенія товаровъ черезъ Б. Сенъ-Готардъ мы изъ него не получимъ, но нѣкоторыя данныя очень интересны. Большинство параграфовъ тарифа—ставки на металлы и на металлическія издѣлія; повидимому, въ сыромъ видѣ металлы проходили въ Италію и обрабатывались въ ломбардскихъ, главнымъ образомъ миланскихъ, мастерскихъ въ оружіе, конскій уборъ и проч. Тутъ, между прочимъ, мы встрѣчаемъ олово, несомнѣнно происходящее изъ Корнуэльскихъ и Девонширскихъ рудниковъ и провезенное черезъ всю Францію. Упоминается тутъ же и обезьяна; очевидно, веселые звѣрки изъ Азіи и Африки не разъ появлялись на вершинѣ Альпъ, по пути въ терема знатныхъ европейскихъ дамъ. Слѣдуетъ упомянуть еще о винѣ, которое составляло предметъ торговли по крайней мѣрѣ въ одномъ районѣ, въ Эльзасѣ, и отчасти сосѣднихъ рейнскихъ и мозельскихъ областяхъ, отправлявшихъ его на сѣверъ, къ фламандцамъ и фризамъ. Что касается хлѣба, то хотя источники и часто говорятъ о немъ, какъ о другой статьѣ вывоза этихъ областей, сомнительно, чтобы вывозъ его былъ очень великъ. По крайней мѣрѣ, голодовки на бѣдномъ хлѣбомъ промышленномъ сѣверѣ въ эту эпоху шли одна за другой очень правильно, и мы не видимъ, чтобы рейнскому хлѣбу удавалось ихъ предотвращать.

VIII.

Какъ ни незначительны были описанныя торговыя сношенія, они требовали тѣмъ не менѣе соотвѣтствующихъ учрежденій, они должны были складываться въ какія-нибудь опредѣленныя формы, должны были вызывать къ себѣ то или иное отношеніе публичной власти.

Прежде всего, конечно, торговля предполагаетъ наличность опредѣленнаго класса торгующихъ людей, купцовъ. Мы видѣли, что въ разсматриваемую эпоху европейское общество еще не выдѣлило

изъ себя фиксированнаго купеческаго сословія нигдѣ, кромѣ какъ у фризовъ и фламандцевъ, и что торговля, особенно крупная, находилась въ рукахъ евреевъ. По отношенію къ послѣднимъ и вырабатывался первоначально взглядъ государства на купцовъ. Общественная власть въ этомъ отношеніи дѣйствовала повсюду одинаково. Она покровительствовала евреямъ и постоянно раздавала имъ торговыя привилегіи. Такъ было при Карлѣ Великомъ во всей его имперіи, такъ было при англосаксонскихъ короляхъ вплоть до Эдуарда Исповѣдника въ Британіи, такъ было при первыхъ преемникахъ Карла Великаго во Франціи и Германіи. Эти привилегіи имѣютъ то значеніе, что впослѣдствіи они дѣлались образцами для купеческихъ привилегій, раздаваемыхъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ мѣстнымъ купцамъ.

Средніе вѣка вообще любятъ привилегіи. Весь средневѣковый строй, построенный на неравенствѣ и изъятіяхъ, требовалъ, чтобы привилегіи играли въ немъ выдающуюся роль. И далеко не было случайностью то обстоятельство, что первыя торговыя привилегіи были даны евреямъ. Два факта соединились вмѣстѣ и сдѣлались причиною того, что еврей получилъ привилегированное положеніе. Съ одной стороны, не будь еврея, Западъ рисковалъ остаться безъ восточныхъ товаровъ, въ которыхъ онъ какъ-никакъ, а нуждался. Съ другой стороны, еврей въ западномъ обществѣ былъ человѣкомъ, лишеннымъ правъ. Народные обычаи, отлившіеся къ такъ называемыя варварскія правды, охраняли только своего, но охраняли его и тогда, когда онъ находился въ сферѣ дѣйствія другого обычнаго права. Еврея не защищалъ ни одинъ изъ этихъ кодексовъ; за убійство еврея ни по одному изъ нихъ не полагалось никакого вергельда. Естественно, что при такихъ условіяхъ странствовать среди враждебно настроенныхъ полудикихъ иноплеменниковъ, да еще съ дорогими товарами было занятіемъ не очень привлекательнымъ и безопаснымъ, и необходимо было, чтобы за еврея, нужнаго человѣка, вступилась центральная власть. И въ привилегіяхъ, получаемыхъ еврейскими купцами, соотвѣтственно двумъ указаннымъ обстоятельствамъ, было двѣ группы постановленій: одни охраняли жизнь и товаръ купца-еврея отъ злого умысла, другіе освобождали его

отъ податей, торговыхъ и таможенныхъ пошлинъ и государственныхъ повинностей.

Но евреи не одни были заграничными купцами; наряду съ ними торговали „фризы“ и итальянцы. Такъ какъ и они, несмотря на то, что были христіанами, не были въ очень большой безопасности на чужой сторонѣ, то охранныя грамоты и торговыя привилегіи стали выдаваться и имъ.

Что же представляютъ собою фризскіе купцы? Прежде всего большинство ихъ—люди свободнаго происхожденія. Это сдѣлается понятнымъ, если припомнить, что фризскій купецъ—прежній морской разбойникъ, владѣлецъ разбойничьяго корабля, грабившій берега сѣверной Европы еще задолго до появленія тамъ норманновъ. Въ эпоху поселенія „фризовъ“ въ нынѣшней Голландіи закрѣпощеніе свободныхъ элементовъ только-только начиналось, и люди, ушедшіе въ море, избѣжали его. Кромѣ того, въ лѣсистыхъ и болотистыхъ равнинахъ Фландріи и Голландіи не было почвы для быстраго развитія феодальныхъ отношеній. Не было такой почвы, какъ извѣстно, и въ Италіи. Поэтому и тамъ оставалось достаточно свободныхъ элементовъ, чтобы создать нѣкоторое количество торгующихъ людей. И, конечно, не было случайностью то обстоятельство, что купцы, торгующіе за границею, были свободными людьми. Крѣпостное состояніе не давало необходимой для торговыхъ экскурсій самостоятельности. Человѣкъ не имѣлъ возможности располагать собою въ зависимости отъ условій: надъ нимъ была чужая воля. На чужбинѣ купецъ, откуда бы онъ ни пріѣхалъ, завѣдомо считался свободнымъ человѣкомъ. Въ послѣдующій періодъ несовмѣстимость широкихъ запросовъ торговли съ несвободой сказалась еще яснѣе. Несвобода должна была пасть, и свободное состояніе сдѣлалось неотъемлемымъ и повсемѣстнымъ титуломъ купеческой профессіи.

Были въ описываемую эпоху торгующіе люди и среди несвободныхъ. Но ихъ было очень немного. Они теперь лишь понемногу начинаютъ выдѣляться изъ общей семьи „людей“ феодальнаго сеньера и не образуютъ сословія. Въ крупныхъ помѣстьяхъ они завѣдуютъ обмѣномъ различныхъ продуктовъ, въ разныхъ его

частяхъ производящихся не въ одинаковыхъ размѣрахъ. Между различными помѣстьями въ эту эпоху обмѣнъ только-только зарождается, такъ что эти несвободные торговцы, которые въ будущемъ создадутъ ядро купеческаго сословія, не могутъ еще выбраться на просторъ и безпрепятственно отдаться избранной профессіи.

Какимъ же образомъ торговали тѣ купцы, которые составляли большинство въ это время? Какъ уже замѣчено, пріѣзжать въ чужую страну съ дорогимъ грузомъ было далеко не безопасно. А такъ какъ духъ наживы былъ сильнѣе страха передъ опасностями, то люди все-таки шли, но, конечно, принимали мѣры противъ возможныхъ на пути непріятностей. Наиболѣе обычной изъ такихъ мѣръ было соединеніе въ караваны. У фризовъ она практиковалась почти постоянно; любили прибѣгать къ ней и итальянцы. Купцы, предполагающіе отправиться по одному направленію, собирались вмѣстѣ, нагружали товаромъ цѣлый поѣздъ телѣгъ, вооружались сами съ головы до ногъ, вооружали слугъ, да нанимали еще зачастую эскортъ вооруженныхъ людей. Такой караванъ могъ двигаться въ путь довольно безопасно. Въ случаѣ нужды онъ могъ не только выдержать летучее нападеніе шайки разбойниковъ, но даже при благопріятныхъ условіяхъ отсидѣться за повозками отъ серьезнаго непріятеля. Путешествіе водою представляло меньше опасностей. Тутъ только чаще приходилось откупаться отъ многочисленныхъ сеньеровъ, которые не пропускали судовъ дальше до уплаты извѣстной пошлины. Пріѣхавъ въ какой-нибудь опредѣленный заранѣе пунктъ, купцы разбирали товары и разъѣзжались по разнымъ направленіямъ, смотря по тому, гдѣ у кого создалась кліентура. И вотъ начиналось странствованіе купца по городамъ и помѣстьямъ. Городовъ, т. е. рынковъ, было еще мало, такъ что главными потребителями были помѣстья. Распродавъ товаръ,—а это дѣлалось не такъ скоро,—купецъ съ пустой повозкой и туго набитой мошной, возвращался къ сборному пункту поджидать товарищей. Если всѣ благополучно миновали разставленныя на нихъ ловушки, то караванъ налегкѣ двигался въ обратный путь. Бывало, впрочемъ, что чужеземные купцы, распродавъ привезенный товаръ, скупали мѣстные продукты, которые и отвозили на родину. Вернувшись

домой, караванъ расходился до слѣдующаго раза. Обыкновенно составъ его членовъ мѣнялся мало. Это создавало извѣстную связь между ними и иногда служило началомъ болѣе тѣснаго единенія.

Господство этого типа торговли, — развозной (Hausier-oder Wanderhandel) объясняется отсутствіемъ рынковъ. Настоящій рынокъ появляется въ слѣдующую эпоху, тогда, когда устанавливается правильный обмѣнъ между помѣстьями, когда объектами такого обмѣна становятся предметы первой необходимости. Въ разсматриваемое время рынокъ только зарождался.

IX.

При меровингахъ и первыхъ каролингахъ не существовало въ числѣ королевскихъ привилегій рыночной регаліи. Каждый помѣщикъ воленъ былъ основывать рынокъ на своей землѣ. Но фактически огромное большинство рынковъ въ это время принадлежало королю. Объясняется это тѣмъ, что современное право отдавало въ распоряженіе и пользованіе короля всѣ тѣ земли, которыя не находились въ частной собственности и не принадлежали къ общинной землѣ. Подъ такую квалификацію подходили не только лѣса и пустопорожнія земли, но и дороги, служившія общественнымъ сношеніямъ, и площади. Рынки, основанные въ такихъ мѣстахъ послѣ франкскаго завоеванія, причислялись къ королевскимъ рынкамъ, такъ же, какъ и рынки, находящіеся на королевскихъ доменахъ*). Наряду съ королевскими были и частные рынки. Такъ какъ рыночной регаліи не существовало, то королевская власть не оспаривала ихъ у владѣльцевъ. Частныхъ рынковъ было сравнительно много на монастырскихъ земляхъ; у одного парижскаго аббатства св. Діонисія (St. Denis) было нѣсколько рынковъ, разбросанныхъ по всей имперіи. Кромѣ такихъ рынковъ въ юридическомъ смыслѣ, были и другія торжища, которыя общественная власть, заинтересованная въ томъ, чтобы

---

*) Въ число рынковъ первой категоріи попали, такимъ образомъ, всѣ рынки, находившіеся въ старыхъ римскихъ городахъ. Лишь позднѣе, не раньше конца IX в., стали они переходить вмѣстѣ съ другими королевскими правами въ руки сеньеровъ.

существовали только законные рынки, не могла устранить. При всякомъ престольномъ праздникѣ толпа вѣрующихъ устремлялась въ церковь или монастырь имени чествуемаго святого, и немедленно тутъ же у церковныхъ дверей, а то и внутри церкви, появлялись товары заѣзжаго купца. Нѣкоторыя изъ такихъ торжищъ выросли потомъ въ настоящіе рынки, но большинство исчезло, когда обмѣнъ получилъ правильную организацію.

Въ это время еще нѣтъ или почти нѣтъ ежедневнаго постояннаго рынка. Большинство, какъ королевскихъ, такъ и частныхъ рынковъ—періодическія ярмарки; даже еженедѣльные рынки не являются общераспространеннымъ институтомъ до появленія правильнаго обмѣна.

Королевская власть очень дорожила своими рынками и всячески старалась присвоить себѣ рыночную регалію. Причиною такой заботливости о рынкахъ были не интересы торговли, а интересы фиска. Въ ту пору финансовая организація, вообще, была въ довольно плачевномъ состояніи, и доходы государства падали съ каждымъ царствованіемъ. Не только меровингскіе короли горько жалуются на оскудѣніе казны; самъ Карлъ Великій не разъ испытывалъ затрудненія отъ недостатка денегъ. При этихъ условіяхъ естественно, что казна должна была дорожить всякимъ доходомъ и хотя торговыя пошлины давали не Богъ вѣсть сколько, но какъ меровингскіе, такъ и каролингскіе короли придавали имъ большое значеніе.

Торговыя пошлины дѣлились на двѣ категоріи: транзитныя и рыночныя. Первыхъ было очень много; главными были слѣдующія: при проѣздѣ черезъ мосты взималась мостовщина (pontaticum), при проѣздѣ черезъ ворота — воротная пошлина (portaticum), за проѣздъ черезъ дороги—колесная пошлина (rotaticum) съ телѣгъ и пылевая (pulveraticum) съ всадниковъ и стадъ, при нагрузкѣ и выгрузкѣ товаровъ въ пристаняхъ—набережный сборъ (ripaticum) и т. д. Большинство этихъ пошлинъ въ эту эпоху взимались въ пользу фиска королевскими чиновниками; всѣ главные пути сообщенія, какъ сухопутные, такъ и рѣчные, всѣ главные мосты и пристани считались въ верховномъ владѣніи короля и лишь очень незначительная часть принадлежала частнымъ лицамъ. Но тамъ, гдѣ

пошлины принадлежали послѣднимъ, онѣ взимались не въ силу особаго королевскаго соизволенія; таможенной регаліи ни при меровингахъ, ни при первыхъ каролингахъ не было, такъ же, какъ и рыночной; источникомъ права взиманія торговыхъ и таможенныхъ пошлинъ была помѣщичья власть. Это право считалось теоретически какъ бы возмѣщеніемъ за расходы, понесенные помѣщикомъ на исправное содержаніе торговыхъ путей.

Рыночныя пошлины также въ большинствѣ принадлежали королю, такъ такъ ему принадлежали городскія площади, и онъ владѣлъ на титулѣ доменовъ наиболѣе выгодными въ торговомъ отношеніи пунктами. Но королевскій фискъ получалъ изъ тѣхъ доходовъ, которые собирались для него съ проѣздныхъ и рыночнымъ пошлинъ, очень немного. Чиновники, занимавшіеся этимъ дѣломъ, какъ чиновники всѣхъ временъ и народовъ при отсутствіи контроля, становились грабителями, по произволу увеличивали заставы и цифру пошлинъ, утаивали деньги, ассигнованныя на исправленіе путей. Уже меровингскимъ королямъ приходилось бороться со своими чиновниками (эдиктъ 614 г.), но впервые строгія мѣры противъ нихъ были приняты Карломъ Великимъ. Геристальскій капитулярій 779 г. требовалъ, чтобы уничтожены были всѣ незаконныя заставы. Но даже Карлу не удалось, повидимому, добиться прекращенія чиновничьяго произвола, ибо эдикты противъ этого зла повторяются какъ въ его царствованіе, такъ и при его преемникахъ. Преслѣдованіе новыхъ незаконно поставленныхъ таможенныхъ заставъ королевской властью создало презумпцію, что только король можетъ разрѣшать новыя заставы, и люди, уже владѣющіе такими заставами, позаботились о сфабрикованіи соотвѣтствующихъ фальшивыхъ грамотъ, хотя для лицъ, владѣющихъ заставами на законномъ основаніи, въ этомъ не было никакой юридической необходимости. Благодаря этому, постепенно создалось представленіе о томъ, что таможенный сборъ есть регалія; регаліей стали считать рыночную пошлину. Распоряженія Карла касались также и этого вида пошлинъ; владѣльцы рынковъ, явившихся позже геристальскаго эдикта, должны были испрашивать у короля спеціальное соизволеніе на сборъ рыночныхъ пошлинъ; безъ такого дозволенія помѣщики не имѣли права взимать пошлины. А такъ

какъ безъ такого права не было смысла держать рынокъ, то мало-по малу вошло въ обычай испрашивать соизволеніе на основаніе рынка. Такъ создалась и рыночная регалія. Это случилось при послѣднихъ каролингахъ. Въ эдиктѣ 864 г., изданномъ Карломъ Лысымъ, онъ уже въ полной силѣ. Привилегированный рынокъ давалъ своему владѣльцу не только право на взиманіе пошлины съ товаромъ, продающихся на рынкѣ, но и съ тѣхъ, которые во время рынка продаются внѣ его. Это правило, созданное въ интересахъ владѣльца рынка, какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ средневѣковому представленію о привилегіяхъ и въ будущемъ разовьется въ цѣлую сѣть обязательныхъ постановленій о куплѣ-продажѣ на городскихъ рынкахъ.

Зная, что изъ себя представляютъ рынки и торговыя пошлины въ раннее средневѣковье, нетрудно понять юридическую основу и смыслъ купеческихъ привилегій, о которыхъ говорилось выше. Такъ какъ большинство таможенныхъ сборовъ взимается въ пользу короля, то король можетъ отказаться отъ нихъ въ пользу лицъ, обязанныхъ уплачивать эти пошлины. Освобожденіе отъ пошлинъ бывало или полное: оно было дѣйствительно на пространствѣ всего королевства, или частичное: оно дѣйствовало на опредѣленной территоріи. Этими привилегіями, кромѣ заграничныхъ купцовъ, особенно много пользовались церкви или монастыри. Владѣнія аббатства св. Діонисія, напримѣръ, были разбросаны по всей имперіи, и отдѣльныя помѣстья могли обмѣниваться продуктами только при уплатѣ большихъ таможенныхъ сборовъ. Королевская грамота, освобождавшая монастырскихъ людей отъ этихъ пошлинъ, приносила, такимъ образомъ, весьма чувствительную выгоду казнѣ аббатства.

X.

Вотъ при какихъ условіяхъ торговали люди въ ту эпоху. Картина, нарисованная выше, можетъ оказаться невѣрной, если не будетъ сдѣлана одна весьма существенная оговорка. Современникамъ, которые передаютъ намъ всѣ приводившіеся здѣсь факты, они должны были представляться весьма краснорѣчивыми, ибо фономъ для нихъ былъ натурально хозяйственный строй. Но мы должны держаться на-

сторожѣ, чтобы не впасть въ ошибку исторической перспективы и впечатлѣніе современниковъ не принять за непреложный фактъ. Наличность изображенныхъ учрежденій не уполномочиваетъ думать, что до XII в. торговля играла сколько-нибудь важную роль въ хозяйственномъ обиходѣ Европы. Наоборотъ, ея роль была очень не велика, и это станетъ понятно, если мы припомнимъ, какъ складывались въ то время производственныя отношенія. Натуральное хозяйство продолжало быть господствующей формою экономической организаціи. Помѣстіе было ея главнымъ типомъ, и это помѣстіе представляло изъ себя самодовлѣющее цѣлое. Если бы на Западную Европу вдругъ нахлынули съ трехъ сторонъ безчисленныя полчища норманновъ, сарацинъ и мадьяръ и опустошили бы ее всю за исключеніемъ одного помѣстья гдѣ-нибудь по Рейну или по Мозелю, то послѣднее продолжало бы жить своей жизнью, даже не почувствовавъ перемѣны. Поля продолжали бы снабжать людей хлѣбомъ, льномъ, пастбища—мясомъ и шерстью, виноградники—виномъ, мастерскія—ремесленными издѣліями. Люди были бы сыты, одѣты, обуты, вооружены; въ какомъ-нибудь уголкѣ помѣстья, навѣрное, нашлось бы духовное лицо, чтобы взять на себя попеченіе о душахъ. А больше ничего и не нужно было населенію нашего помѣстья. Деньги, обмѣнъ—все это не принадлежало къ числу тѣхъ отношеній, безъ которыхъ невозможно обойтись. Обмѣнъ, конечно, представлялъ бы удобства. Напр., ленъ въ нашемъ помѣстьѣ родился плохо, а въ сосѣднемъ очень хорошо; тутъ въ немъ былъ недохватъ, тамъ не знали, куда дѣвать его. За то виноградъ у тѣхъ былъ хуже и вино кислѣе. Вотъ иногда помѣщики и обмѣнивались подарками; одинъ пришлетъ нѣсколько возовъ льна, другой—полдюжины бочекъ вина. Но такъ какъ то, другое помѣстье исчезло, то приходилось со льномъ быть бережливѣе и не такъ скоро изнашивать полотняную одежду. Въ утѣшеніе можно было позволить себѣ выпить вечеромъ вмѣсто одной кружки вина двѣ. Автономность хозяйственныхъ единицъ въ эту эпоху не только была фактомъ; она доходила до сознанія людей, и люди видѣли въ этомъ своего рода преимущество. Такъ, нѣкоторыя нѣмецкія общины запрещали своимъ членамъ обмѣниваться продуктами съ сосѣдними общинами и вообще преслѣдовали всякую торговую дѣятельность.

При этихъ условіяхъ и количество торгующихъ людей не могло быть велико. Цифры, конечно, не могутъ быть даны, потому что въ то время никто ихъ не считалъ, но, напр., мы съ увѣренностью можемъ утверждать, что ихъ было далеко не достаточно для того, чтобы основывать спеціальныя купеческія поселенія. Такихъ поселеній мы не знаемъ вплоть до второй половины XI в. Вообще, нужно замѣтить, что уровень экономическаго развитія континентальной Европы въ концѣ IX вѣка понизился даже по сравненію съ VI и этотъ упадокъ продолжался до конца XI в. Въ глухіе два вѣка почти не замѣтно никакого движенія впередъ, ничего новаго не вносится въ хозяйственный обиходъ. Общество въ экономическомъ отношеніи топчется на одномъ мѣстѣ, и лишь медленно развиваются въ немъ тѣ принципы, которые явились въ жизнь при каролингахъ. Но такой отдыхъ былъ необходимъ. Общество накопляло силы, и эти силы понадобились, когда отъ него вдругъ потребовалась страшно напряженная работа на хозяйственномъ поприщѣ въ слѣдующую эпоху.

Эта работа совершенно преобразовала экономическій видъ Европы. Тянулась она нѣсколько столѣтій и зовется хозяйственнымъ переворотомъ конца среднихъ вѣковъ.

ГЛАВА II.

Хозяйственный переворотъ и его ближайшіе результаты.

I.

Въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, какъ и во всѣхъ другихъ, замѣна стараго новымъ происходитъ не сразу. Лишь постепенно отпадаютъ пришедшія въ несоотвѣтствіе съ условіями части, лишь постепенно нарождаются и развиваются другія, сдѣлавшіяся необходимыми, благодаря тѣмъ же условіямъ. Многое изъ того, что въ послѣдующій моментъ эволюціи является наиболѣе характернымъ, было въ зародышѣ дано уже въ предшествующій моментъ. Многое изъ того, что въ предшествующій моментъ стало обнаруживать признаки упадка, еще сохраняется въ видѣ слабыхъ переживаній въ моментъ послѣдующій.

Такая медленная замѣна стараго новымъ происходила въ хозяйственныхъ отношеніяхъ Запада въ промежутокъ между серединою XII вѣка и серединою XIV в. Къ началу XV в. въ культурныхъ странахъ Запада остаются лишь немногія воспоминанія о господствовавшемъ въ раннее средневѣковье экономическомъ строѣ. Замѣна эта состоитъ, какъ извѣстно, въ вытѣсненіи системы самодовлѣющаго натуральнаго хозяйства системою денежнаго и мѣнового хозяйства. Мы знаемъ, что признаки обмѣна были и въ предшествующую эпоху, что деньги обращались и тогда; точно также не исчезли слѣды натуральнаго хозяйства и въ XV и даже въ XVIII вѣкахъ. Но характеристика экономической эпохи дается по господствующей системѣ хозяйства, а со середины XII в. господство въ хозяйственныхъ отношеніяхъ Европы переходитъ къ денежно-мѣновой системѣ.

Трудно съ опредѣленностью установить причины этого колос-

сальнаго по своему значенію факта. Ихъ можно указывать только въ очень общей формулировкѣ, и мы едва ли ошибемся, если будемъ считать наиболѣе общей причиною всѣхъ явленій, характеризующихъ хозяйственный переворотъ, ростъ народонаселенія. Переходъ къ болѣе интенсивнымъ формамъ земельнаго хозяйства, раскрѣпощеніе крестьянъ, переводъ повинностей съ барщины на твердый, по преимуществу денежный оброкъ, мобилизація и вздорожаніе земельныхъ участковъ, колонизація, духъ передвиженія, охватившій Европу и нашедшій свой исходъ въ крестовыхъ походахъ, наконецъ, возрожденіе торговли и промышленности,—все это представляется результатомъ одного руководящаго факта, роста населенія Европы. Всѣ перечисленныя перемѣны, въ свою очередь, находятся въ тѣсной связи и другъ друга обусловливаютъ.

На эволюціи торговли переворотъ долженъ былъ сказаться особенно ярко. Благодаря ему явилось то условіе, которое одно можетъ содѣйствовать прочному развитію торговыхъ сношеній: разъединеніе производителя и потребителя. И чѣмъ дальше, чѣмъ разстояніе между тѣмъ и другимъ становилось больше и, слѣдовательно, тѣмъ шире раскидывалась сѣть обмѣна. Возрожденіе торговли получало толчокъ съ двухъ сторонъ. Въ самой Европѣ завязывались сношенія между помѣстьями; внѣ Европы устанавливались болѣе тѣсныя связи съ Востокомъ.

Мы видѣли, что раньше торговля между помѣстьями почти не существовала, ибо въ ней не было необходимости, но эта необходимость мало-помалу должна была явиться сама собою. Нужда въ обмѣнѣ могла явиться по многимъ причинамъ. Было очень много помѣстій, гдѣ, благодаря природнымъ условіямъ, выгодно было оставить хлѣбопашество и перейти на другой промыселъ. Такъ, природа Фландріи и Фрисландіи очень благопріятствовала скотоводству, въ частности разведенію овецъ; такъ, въ прирейнскихъ и мозельскихъ помѣстьяхъ очень выгодно было разводить виноградники, въ горахъ сама собою напрашивалась разработка руды, въ приморскихъ помѣстьяхъ,—рыболовство, въ помѣстьяхъ, лежащихъ близъ соляныхъ озеръ—солевареніе. Такъ какъ каждый изъ этихъ промысловъ былъ выгоднѣе, чѣмъ хлѣбопашество, особенно, если почва была негодна

для посѣва хлѣбныхъ злаковъ, то естественно хлѣбопашество забрасывалось, и люди весь свой трудъ направляли на болѣе выгодные промыслы. Но съ переходомъ къ новымъ промысламъ появлялись и новыя задачи. Во-первыхъ, нужно было сбыть добытые продукты, во-вторыхъ, нужно было купить хлѣба. То и другое дѣлало необходимымъ существованіе правильнаго хлѣбнаго рынка. Его появленіе вызывалось потребностью какъ людей, отбившихся отъ хлѣбопашества, такъ и людей, продолжавшихъ имъ заниматься. Одно должно было явиться вмѣстѣ съ другимъ, ибо хлѣбопашцы и нехлѣбопашцы были сторонами въ торговыхъ сдѣлкахъ. Крестьянинъ, которому не разъ приходилось продавать хлѣбъ человѣку, случайно пришедшему къ нему съ шерстью или льномъ, долженъ былъ очень скоро прійти къ тому выводу, что ему выгоднѣе обмѣнять необходимое ему количество льна на хлѣбъ, чѣмъ трудиться надо льномъ дома; и на слѣдующій годъ онъ на мѣстѣ льна сѣялъ тоже хлѣбъ, и собранное зерно хранилъ на случай прибытія людей, желающихъ вымѣнить его на что-нибудь другое. Однако, какъ той, такъ и другой сторонѣ было гораздо удобнѣе не итти на авось, а знать навѣрное, гдѣ что можно сбыть или получить. У крестьянина, заготовившаго запасъ хлѣба, могло въ концѣ концовъ не оказаться ни соли, ни льна, потому что къ нему не доѣхали люди съ этими предметами; а хлѣбъ у него сгнилъ бы въ плохихъ амбарахъ или его съѣли бы крысы. Съ другой стороны, люди, везущіе по помѣстьямъ соль или желѣзо, могли привезти свой товаръ назадъ, не получивъ въ обмѣнъ ни одного мѣшка зерна, потому что ихъ предупредили. Существованіе рынка въ значительной степени устраняло всѣ эти неудобства. Стоило ему просуществовать нѣкоторое время, какъ вся округа, которую онъ обслуживалъ, отлично узнавала, на что тамъ можно было разсчитывать. Рынокъ видоизмѣнялъ свой характеръ, смотря по продуктамъ. Въ началѣ не было или было мало ежедневныхъ рынковъ; они появились нѣсколько позднѣе, когда обмѣнъ совершенно вошелъ въ плоть и кровь общественнаго организма. Первоначально самымъ обычнымъ типомъ рынка былъ еженедѣльный хлѣбный рынокъ. Его устраивали обыкновенно въ центрѣ тянувшихъ къ нему помѣстій; если было укрѣп-

леніе или стояло какое-нибудь аббатство, то рынокъ возникалъ подъ ихъ стѣнами. При наличности рынка обмѣнъ все больше и больше увеличивался и вся больше и больше принималъ характеръ денежнаго обмѣна. Къ деньгамъ крестьяне мало-по малу привыкли, ибо они должны были копить ихъ на оброкъ. Такъ путемъ естественной эволюціи производительныхъ отношеній явился обмѣнъ, становившійся все болѣе и болѣе характерной чертой хозяйственной системы.

II.

Внутренней эволюціи помогали внѣшнія событія, среди которыхъ первое мѣсто по своему экономическому значенію занимаютъ крестовые походы. Ихъ значеніе выясняется на нѣсколькихъ фактахъ.

Когда говорятъ о переходѣ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, то обыкновенно совершенно обходится вопросъ, откуда взялись въ Европѣ деньги. Какъ будто денегъ было много и до того, или подразумѣвается само собою, что они откуда-то явились въ огромномъ количествѣ и вполнѣ естественнымъ путемъ. Между тѣмъ дѣло не такъ просто. Вѣдь въ теченіе всего ранняго средневѣковья деньги очень рѣдки; большинство золотой и серебряной наличности осталось еще отъ римскихъ временъ, она постепенно таяла, частью деньги продолжали отливать на востокъ, частью припрятывались въ землю для безопасности и выходили изъ обращенія. Обновить же запасы драгоцѣнныхъ металловъ было нечѣмъ; рудники почти не разрабатывались, а военной добычи было мало. Одинъ только разъ лѣтописцы разсказываютъ о томъ, что въ руки христіанскаго войска попала дѣйствительно богатая добыча — это при взятіи главнаго лагеря аваровъ войскомъ Карла Великаго. Но экономическихъ результатовъ взятія аварскаго лагеря мы прослѣдить не въ состояніи, да ихъ и не видно. Чеканится денегъ до описываемой эпохи мало, а остается въ обращеніи еще меньше. Между тѣмъ съ конца XI в. они откуда-то появляются. Откуда-же? Повидимому, въ буквальномъ смыслѣ слова изъ-подъ земли, и мы можемъ даже указать причины, почему вѣками пролежавшее въ землѣ золото

пускается теперь въ оборотъ. Паломнику и крестоносцу деньги нужны во что бы то ни стало. Мы знаемъ, насколько обычнымъ явленіемъ было закладывать земли богатому аббату, чтобы получить отъ него золото на необходимые дорожные расходы. Еще естественнѣе было со стороны барона обратиться къ собственнымъ вассаламъ и даровать имъ различныя льготы взамѣнъ единовременнаго денежнаго взноса. На такія цѣли у крестьянъ деньги находились всегда и сами бароны дивились тому, откуда они взялись. Не одинъ вѣковой кладъ появился такимъ образомъ на свѣтъ Божій, чтобы купить свободу потомкамъ припрятавшаго его человѣка. Эти деньги моментально пускались въ оборотъ. Первымъ дѣломъ объ нихъ узнавалъ еврей-купецъ, и появлялся въ замкѣ барона съ великолѣпнымъ вооруженіемъ и породистымъ боевымъ конемъ. То, что не попадало въ руки еврея, шло на другіе расходы, и когда, наконецъ, рыцарь пускался въ далекій путь, въ его кожаномъ поясѣ сиротливо звенѣли немногіе оставшіеся у него солиды и денаріи. Съ другой стороны, и виллану деньги стали нужнѣе съ тѣхъ поръ, какъ барщинная повинность все чаще стала переводиться на денежный, по преимуществу оброкъ. Благодаря всему этому, денежная наличность въ Европѣ нѣсколько увеличилась. Потомъ подоспѣла военная добыча (Антіохіи, Іерусалима, Константинополя), стали аккуратно разрабатывать рудники. Однако, несмотря на это, вплоть до открытія Америки деньги все время были очень дороги.

Другимъ послѣдствіемъ крестовыхъ походовъ было установленіе непосредственной и постоянной связи съ Левантомъ. Европейскіе купцы, которые до того были рѣдкими гостями въ портахъ Леванта, теперь заводятъ тамъ постоянныя конторы; левантскіе товары, которые были страшно дороги и которые можно было достать только у еврея, упали въ цѣнѣ и сдѣлались гораздо болѣе обыкновенными на европейскихъ рынкахъ. Въ Европѣ появляется роскошь, явленіе, почти незнакомое раннему средневѣковью, и торговля сейчасъ же дѣлается ея послушной служанкой. Европейскій купецъ вытѣсняетъ еврея. Привозимые имъ восточные товары также требуютъ рынка; эта тенденція встрѣчается съ тенденціей внутренняго хозяйственнаго развитія. Одни еженедѣльные рынки уже перестаютъ удовлетворять

запросамъ: болѣе обычнымъ дѣластся когда-то господствовавшій типъ рынка-ярмарки, гдѣ можно получать всякіе восточные товары.

Хозяйственной эволюціи отвѣчала эволюція соціальная. При тѣхъ широкихъ требованіяхъ, которыя предъявляла человѣку торговая дѣятельность, несвободный торговецъ сталъ явленіемъ ненормальнымъ. Такъ какъ полученіе свободы перестало уже быть чѣмъ-то недосягаемымъ, то вилланъ, привыкшій быть посредникомъ въ обмѣнѣ продуктовъ между отдѣльными частями помѣстья, выкупаетъ свои повинности и получаетъ возможность свободно отдаться привлекавшей его торговой дѣятельности. Прежде другихъ переходятъ на свободное положеніе люди описанныхъ выше нехлѣбопашескихъ помѣстій, вслѣдъ за тѣмъ процессъ сословной дифференціаціи начинается и въ чисто-хлѣбопашескихъ помѣстьяхъ. По отношенію къ послѣднимъ всѣ эти отбившіеся отъ земледѣлія элементы сдѣлались потребителями. Они стали нуждаться въ хлѣбѣ, мясѣ, пивѣ, одеждѣ, оружіи и проч., т. е. во всемъ томъ, что при прежнихъ условіяхъ они имѣли дома и чего теперь лишились. Другими словами, съ каждымъ шагомъ хозяйственной эволюціи необходимость рынка выяснялась все больше и больше, и чѣмъ важнѣе становилась его роль, тѣмъ глубже шла дифференціація единой феодальной семьи. Мало-по малу образуется цѣлое купеческое сословіе, первое сословіе послѣ духовнаго, объединенное исключительно профессіей. Вслѣдъ за нимъ образуется другое, которое тоже явится носителемъ новыхъ хозяйственныхъ принциповъ—ремесленное. А когда образуются сословія, тогда легко создаются необходимыя для него учрежденія. Но прежде, чѣмъ перейти къ характеристикѣ этихъ учрежденій, необходимо прослѣдить тѣ измѣненія въ торговыхъ сношеніяхъ, которыя были произведены хозяйственнымъ переворотомъ.

III.

Внѣшнія причины въ исторіи всегда дѣйствуютъ быстрѣе, чѣмъ внутреннія. Такъ было и въ исторіи торговли. Тѣ факты, которые исподволь въ самой Европѣ подготовляли переходъ натуральнаго хозяйства въ денежно-мѣновое, лишь медленно и постепенно созда-

вали новыя ступени экономической эволюціи, а открытіе для Европы левантскихъ рынковъ оказало свое вліяніе немедленно. Поэтому, и оживленіе торговли началось съ той страны, которая прежде другихъ воспользовалась выгодами установленія прямыхъ сношеній съ Востокомъ, съ Италіи.

Въ числѣ крестоноснаго ополченія флоты трехъ важнѣйшихъ итальянскихъ республикъ *) Генуи, Пизы и Венеціи играли очень большую роль и не разъ оказывали существенныя услуги рыцарямъ. На нихъ перевозилась часть ополченія изъ Европы въ Азію, они оказывались цѣнными союзниками, когда нужно было производить военныя операціи на водѣ, какъ это было при осадѣ Антіохіи. Но настоящая дѣятельность открылась для нихъ послѣ завоеванія Іерусалима. Чтобы упрочить свое положеніе въ Палестинѣ, Готфриду Бульонскому, его преемникамъ и другимъ владѣтелямъ христіанскихъ княжествъ было необходимо захватить всѣ порты сирійскаго побережья Средиземнаго моря, ибо они одни устанавливали связь между молодыми восточными феодальными княжествами и ихъ общей старой метрополіей, Европою. А эта задача была совершенно невыполнима безъ хорошаго флота. И вотъ въ теченіе всей первой четверти XII вѣка генуэзскія, венеціанскія и пизанскія галеры то и дѣло появляются въ восточномъ углу Средиземнаго моря, чтобы помочь крестоносцамъ завладѣть тѣмъ или инымъ портомъ, остававшимся въ рукахъ невѣрныхъ. Въ 1101 г. пали Арсуфъ и Цезарея, въ 1102 г.—Триполи, въ 1104 г.—Сенъ Жанъ д'Акра (Акка)—всѣ четыре благодаря помощи генуэзцевъ; генуэзцы же содѣйствовали въ 1110 году взятію Берита; въ томъ же году съ помощью генуэзцевъ и венеціанцевъ былъ взятъ Сидонъ. Въ 1124 г. венеціанцы помогли взять старый славный Тиръ. Пизанцы дѣйствовали преимущественно въ сѣверномъ антіохійскомъ княжествѣ. Естественно, за каждую изъ оказанныхъ имъ услугъ итальянцы требовали щедраго вознагражденія и, конечно, получали его. Такъ, по договору съ венеціанцами въ 1100 г., Готфридъ Бульонскій уступалъ имъ въ каждомъ городѣ Іерусалимскаго коро-

*) Онѣ незадолго передъ этимъ добились полной самостоятельности отъ своихъ властителей.

левства по церкви съ рыночною площадью, а въ тѣхъ городахъ, которые могли быть завоеваны съ ихъ помощью—треть города въ собственность, а городъ Триполи (тогда онъ не былъ завоеванъ, а потомъ венеціанцы его прозѣвали) цѣликомъ. Кромѣ того, имъ была дарована полная свобода отъ податей и отъ берегового права. Генуэзцы за помощь, оказанную ими Балдуину при взятіи Арсуфа, Цезареи и Акки получили въ собственность по трети каждаго города и городскихъ земель, по кварталу въ Іерусалимѣ и Яффѣ, далѣе, треть взимавшихся въ Аккѣ портовыхъ пошлинъ, полную свободу отъ пошлинъ во всемъ королевствѣ и обѣщаніе объ уступкѣ трети всякаго завоеваннаго съ ихъ помощью города. Кромѣ того, отъ графовъ Триполійскихъ генуэзцы получили цѣлый городъ Малый Джибель (между Беритомъ и Триполи) и треть самаго Триполи. Такимъ образомъ, генуэзцы сильно опередили венеціанцевъ въ Сиріи; у послѣднихъ было одно только крупное торжество — взятіе Тира, за что они и получили треть города. Но, вообще говоря, всѣ три итальянскія республики имѣли свои конторы и факторіи во всѣхъ важнѣйшихъ портахъ. Постепенно наряду съ ними устроились тамъ и другія колоніи средиземноморскихъ городовъ: Марселя, Нарбонны, Монпелье, Барселоны и итальянскихъ республикъ, которыя мало-помалу добились независимости и между которыми все болѣе и болѣе видное мѣсто стала занимать Флоренція.

Главное значеніе этихъ фактовъ заключается въ томъ, что теперь Европа перестала нуждаться въ посредничествѣ Византіи; европейскіе купцы могли закупать восточные товары въ сирійскихъ портахъ, куда караваны изъ Багдада и Дамаска подвозили ихъ въ какомъ угодно количествѣ. Здѣсь они были гораздо дешевле, чѣмъ въ Константинополѣ и Херсонесѣ; итальянцамъ не приходилось уже болѣе дѣлиться своими прибылями съ греческимъ купцомъ. Они мало-помалу сдѣлались смѣлѣе, стали сами предпринимать путешествія въ глубь Азіи, чтобы на мѣстѣ получать дорогіе товары. Такія путешествія съ избыткомъ окупали рискъ, сопряженный съ ними. А на востокѣ въ концѣ XI и началѣ XII в. шла такая же оживленная торговля, какъ при Аббасидахъ. Она теперь сосредо-

точивалась, главнымъ образомъ, у южныхъ береговъ Аравіи и въ Персидскомъ заливѣ (Адепъ и островъ Кейшъ). Отсюда предпринимались путешествія въ Индію и Китай; сюда привозили мускусъ, алоэ, алойное дерево, перецъ, кардамонъ, корицу, мускатные орѣхи, камфору; персидская сѣра вывозилась въ Китай, китайскій фарфоръ въ Византію, греческая парча въ Индію, индійская сталь въ Алеппо, алеппское стекло въ Іеменъ. Самой большой эмпоріей востока все еще продолжалъ быть Багдадъ, куда стекались произведенія Персіи, Центральной Азіи и Китая. Мы не знаемъ, попадали ли европейскіе купцы въ Багдадъ, но въ крайнемъ пунктѣ крестоносныхъ владѣній, въ Эдесскомъ графствѣ (сѣв. Месопотамія), по всей вѣроятности, происходилъ оживленный торгъ между сирійскими и армянскими купцами, съ одной стороны, и европейскими—съ другой. А тѣ транспорты товаровъ, которые изъ торговыхъ центровъ передней Азіи караваннымъ путемъ шли въ сирійскіе порты, по преимуществу направлялись черезъ Алеппо для сѣверныхъ портовъ, и черезъ Дамаскъ для южныхъ.

Словомъ, Іерусалимское королевство и его вассальныя княжества сдѣлались значительными торговыми государствами. Здѣсь въ большихъ, чѣмъ когда-либо размѣрахъ, происходилъ торговый обмѣнъ между Востокомъ и Западомъ. Важнѣйшимъ портомъ была Акка; за нею слѣдовали Тиръ, Беритъ, Триполи, Лаодикея и проч. Даже Іерусалимъ былъ значительнымъ торговымъ центромъ, ибо черезъ него вели торговые пути изъ Аравіи и Египта. Да и въ самыхъ владѣніяхъ крестоносцевъ было много продуктовъ, которые служили предметами вывоза въ Европу: фрукты (апельсины, лимоны, смоква, миндаль) изъ Триполи и Тира, вино изъ ливанскихъ виноградниковъ, оливки, сахарный тростникъ, хлопокъ и шелкъ въ сыромъ и обработанномъ видѣ, шелковыя матеріи изъ Антіохіи, Триполи и Тира, стекло изъ Тира и проч.

Благосостояніе купцовъ, которые захватили въ свои руки торговое посредничество между востокомъ и западомъ, стало быстро возрастать. Они стали опытнѣе, предпріимчивѣе, смѣлѣе. Теперь итальянцы не боялись конкуррировать съ греческими купцами даже въ самой Византіи. Пользуясь тѣми льготами, которыя даровали

имъ первые три Комнина, особенно Мануилъ, и преимуществами своей монеты передъ низкопробной греческой, они стали отнимать у византійцевъ рынокъ за рынкомъ. Мѣстнымъ купцамъ было не подъ силу тягаться съ молодой энергіей итальянцевъ. Весь XII в. шла упорная, отчаянная борьба и, несмотря на всѣ усилія грековъ, они должны были уступить по всѣмъ пунктамъ. Глухой ропотъ противъ „франковъ“ и западнической политики Комниновъ перешелъ при Алексѣѣ II (1183) въ открытую революцію; вдохновителемъ ея былъ Андроникъ, а активными элементами—купцы и ремесленники. Революція сопровождалась избіеніемъ жившихъ въ столицѣ чужестранцевъ, большинство которыхъ были итальянскіе купцы. Но византійская торговля отъ этого ничего не выиграла, а погромъ 1183 г. сдѣлался однимъ изъ поводовъ для завоеванія Константинополя крестоносцами четвертаго похода (1204).

Руководящая роль въ этомъ походѣ принадлежала Венеціи, и Венеція воспользовалась его результатами больше другихъ. Старый Дандоло зналъ, что дѣлалъ, когда опутывалъ своими интригами простодушныхъ рыцарей, натравленныхъ имъ передъ тѣмъ на сокровища Константинополя. Основаніе Латинской имперіи—кульминаціонный пунктъ въ развитія венеціанскаго могущества. При дѣлежѣ владѣній Византіи Дандоло забралъ себѣ самые лакомые въ коммерческомъ отношеніи куски. Къ Адріатической республикѣ отошли чуть не всѣ острова, въ томъ числѣ Критъ, Корфу, Эвбея, гавани Херсонесъ и Галиполи; въ Константинополѣ былъ расширенъ венеціанскій кварталъ. Вообще Венеція пріобрѣла такой вѣсъ и такое вліяніе въ новой имперіи, что одно время была мысль перенести резиденцію даже на берега Босфора. Теперь Венеція пріобрѣла перевѣсъ и надъ своими соперницами: Пизой и Генуей, которымъ приходилось выпрашивать у нея, выражаясь современнымъ языкомъ, права наибольшаго благопріятствованія. Руководители венеціанской политики прекрасно понимали соотношеніе силъ между Пизой и Генуей; поэтому съ Пизой уже въ 1206 г. былъ заключенъ тѣсный союзъ, а Генуя только въ 1218 г. выговорила для своихъ купцовъ, торгующихъ въ Константинополѣ, тѣ права и привилегіи, которыми тѣ пользовались до завоеванія.

Опираясь на Константинополь, венеціанцы во всѣ стороны расширяютъ свои торговыя сношенія. Въ 1247 г. они появляются въ Кіевѣ, въ 1260 г.—въ Крыму, около того же времени—въ Азовѣ. Во владѣнія иконійскаго султана они проникли очень рано. Даже заклятый врагъ „франковъ", никейскій императоръ Ласкарисъ, позволилъ венеціанцамъ безпошлинно торговать у себя. Больше, чѣмъ полвѣка, продолжалась безусловная торговая гегемонія гордой республики. Первый ударъ былъ ей нанесенъ взятіемъ Константинополя греками (1261). Возстановленіе имперіи доставило преобладаніе сопернице Венеціи—Генуѣ, которая вскорѣ послѣ того (1284) раздавила Пизу и побѣдою при Курзолѣ (1298) отплатила Венеціи за прежнія униженія. Основанная генуэзцами въ Крыму Кафа (Ѳеодосія) подорвала торговлю венеціанскихъ черноморскихъ колоній и заставила Венецію, особенно послѣ разрушенія Таны (Азова) монголами (1317), вновь перенести центръ тяжести своей торговой дѣятельности въ сирійскіе и египетскіе порты.

V.

Пока въ Черномъ и Мраморномъ моряхъ шли поиски за новыми путями и новыми рынками, торговля въ восточномъ углу Средиземнаго моря продолжала процвѣтать. Акка, завоеванная Саладиномъ, была въ 1191 г. вновь отнята крестоносцами третьяго похода и сдѣлалась еще болѣе блестящимъ торговымъ центромъ, но уже генуэзцы не пользовались тамъ такими огромными привилегіями. Тамъ явились купцы изъ всѣхъ средиземноморскихъ портовъ и торговыхъ городовъ: кромѣ Венеціи и Пизы, тамъ были представители Флоренціи, Сіены, Пьяченцы, Монпелье, Марселя, Нарбонны, Барселоны; даже англичане пришли туда съ отрядомъ Ричарда Львиное Сердце. Близъ сирійскаго побережья явились дружественныя христіанскія государства. Кипръ при Лузиньянахъ сдѣлался значительной эмпоріей; небольшая киликійская Арменія давала свободный проходъ купцамъ. Съ сирійскими портами все успѣшнѣе конкуррировала египетская Александрія. Товары, проходившіе черезъ нее, шли водою по всему огромному пространству отъ Китая и Индіи до Венеціи, Марселя и Барселоны—за исключеніемъ неболь-

шого клочка суши между Краснымъ моремъ и Ниломъ. Это было дешевле, скорѣе и вѣрнѣе. Въ Александріи собирались товары со всего востока; здѣсь получали ихъ европейскіе купцы, пріѣзжавшіе туда разными путями со всѣхъ концовъ Европы. Достаточно сказать, что среди нихъ фигурируютъ даже нѣмцы и русскіе. Передовыя торговыя державы, во главѣ которыхъ стояли все тѣ же Венеція, Генуя и Пиза, не только покупали, но и продавали; это весьма не нравилось христіанскимъ владѣтелямъ Сиріи, ибо итальянцы доставляли египетскимъ султанамъ боевой матеріалъ. При заключеніи въ 1156 г. договора съ Пизою іерусалимскій король Балдуинъ IV грозилъ, что если пизанцы будутъ продавать фатимидскому султану строевой лѣсъ, желѣзо и смолу, то эти товары будутъ отниматься у нихъ силою.

Когда европейцамъ открылись левантскіе порты, сѣверные торговые пути *) естественно должны были утратить свое значеніе, потому что югомъ тѣ же товары можно было получать дешевле и скорѣе. Кромѣ того, сношенія черезъ Каспійское море и Волгу затруднились благодаря движенію монголовъ. Но мало-помалу, когда завоевательные походы монголовъ прекратились и основалась монгольская держава, то предпріимчивые купцы, научившіеся ладить съ татарами, нашли новые пути на Востокъ. Черезъ монгольскую территорію они стали проникать въ Китай, куда, впрочемъ, уже въ XIV в. отваживались ѣздить и моремъ.

Главнымъ учрежденіемъ, помощью котораго европейскіе купцы на мѣстѣ вели правильный обмѣнъ съ востокомъ, были такъ называемые fondaco **). Въ тѣсномъ смыслѣ фондако—это товарный складъ чужеземныхъ купцовъ, но вслѣдствіе своеобразныхъ условій торговли въ средніе вѣка, понятіе, обнимаемое имъ, сдѣлалось значительно шире и стало означать не только склады, но своего рода торговыя колоніи иноземцевъ. Мы встрѣтимся съ этимъ учрежденіемъ и въ Европѣ, но оно должно было получить этотъ видъ именно на Востокѣ, гдѣ соединеніе склада съ поселеніемъ почти всюду оказы-

*) См. выше стр. 35 и слѣд.

**) Иначе fundicum, fundicium, отъ арабскаго слова fundic, гостинница, восходящаго по греческому корню.

валось единственно возможной формою организаціи постоянныхъ торговыхъ сношеній. Восточные фондаки помѣщались въ европейскихъ кварталахъ и представляли собою огромныя многоэтажныя зданія настолько солидной конструкціи, что современники часто называли ихъ крѣпостцами. Внутри оставался свободный дворъ, на которомъ происходила упаковка и распаковка товаровъ. Самые склады находились большею частью въ подвалахъ; въ верхнихъ этажахъ устраивались помѣщенія для пріѣзжавшихъ купцовъ. Въ восточныхъ фондакахъ разгуливали на свободѣ прирученные звѣри, которые вмѣстѣ съ садами придавали имъ своеобразный мѣстный колоритъ, а отъ незаконныхъ поползновеній сыновъ Магомета европейцевъ иногда охраняли свиньи. Впрочемъ, фондаки были подвержены большимъ стѣсненіямъ въ тѣхъ городахъ, которые находились въ мусульманскихъ владѣніяхъ. На ночь ворота запирались снаружи, чтобы ни одинъ „франкъ" не вышелъ ночью на улицу; внѣшніе запоры налагались и по пятницамъ на нѣсколько часовъ; то было время, когда мусульмане собирались въ свои мечети на молитвы.

Почти въ каждомъ крупномъ фондакѣ было по консулу, который завѣдовалъ допущеніемъ купцовъ въ помѣщеніе и внутренней полиціей; на экономѣ (fundicarius) лежала хозяйственная часть. Болѣе мелкіе фондаки ничѣмъ не отличались отъ постоялыхъ дворовъ. Почти каждый торговый городъ южныхъ береговъ Европы, поддерживающій сношенія съ востокомъ, имѣлъ въ важнѣйшихъ портахъ Леванта свое фондако. Оно было ядромъ факторіи. Особенно многочисленны, благоустроены и внушительны были фондаки венеціанцевъ; второе мѣсто занимали генуэзскіе.

Время съ конца XIII по конецъ XIV в. является эпохой наибольшаго расцвѣта левантской торговли. Количество городовъ, принимающихъ участіе въ ней, росло съ каждымъ десятилѣтіемъ; товары, привозимые съ востока въ Европу, дѣлались разнообразнѣе и многочисленнѣе. Обмѣнъ съ Азіей оказывалъ могущественное вліяніе на торговлю въ самой Европѣ, гдѣ мало-по малу успѣли обнаружиться и результаты внутренней экономической эволюціи; то и другое вмѣстѣ совершенно преобразовало народно-хозяйственную физіономію запада.

IV.

Первымъ послѣдствіемъ оживленія левантской торговли было увеличеніе оборотовъ итальянской транзитной торговли. Итальянскія городскія республики вывозили теперь изъ левантскихъ портовъ и переправляли въ другія европейскія страны въ нѣсколько разъ больше товаровъ, чѣмъ раньше, когда онѣ принуждены были пользоваться посредничествомъ Византіи. Точныхъ данныхъ о размѣрахъ ввоза въ Италію съ востока и вывоза оттуда на сѣверъ и на западъ у насъ, къ сожалѣнію, не имѣется, такъ что мы не можемъ даже сказать ничего достовѣрнаго относительно того, сколько потреблялось въ самой Италіи и сколько провозилось дальше. Нужно думать, что въ теченіе XII в. количество левантскихъ товаровъ, потребляемыхъ въ Италіи и въ остальной Европѣ, было приблизительно одинаково; папскій и норманскій дворы требовали много, освобождавшіеся жители городовъ пышно справляли медовое время своихъ вольностей, а Европа была еще довольно бѣдна. Въ дальнѣйшемъ Европа стала еще больше и больше увеличивать свое потребленіе и перегонять Италію.

Такъ какъ первое время южно-французскіе и другіе порты были не въ состояніи соперничать съ итальянскими на востокѣ, то большинство левантскихъ товаровъ проходило черезъ Италію. Отъ нея расходились во всѣ концы Европы торговые пути. Одинъ шелъ моремъ черезъ Гибралтарскій проливъ мимо Франціи и Англіи во Фландрію, другой—отъ Ліонскаго залива по Ронѣ и Сонѣ въ глубь Франціи и по Мозелю и Рейну въ Нѣмецкое море, третій—черезъ Альпы. Главнымъ проходомъ здѣсь первоначально продолжалъ быть Большой Сенъ-Бернаръ; съ нимъ соперничали только Септимеръ и Бреннеръ, но уже начинали пріобрѣтать популярность другіе проходы системы Роны и Рейна: Лукманьеръ, Гримзель, Симплонъ. Сенъ-Готардъ, наиболѣе удобный изъ всѣхъ альпійскихъ проходовъ, былъ открытъ лишь позднѣе. Этими путями восточные товары переходили изъ Италіи въ другія страны. Дорогія матеріи, преимущественно шелковыя, издѣлія изъ драгоцѣнныхъ металловъ, оружіе, стеклянные фабрикаты, куренія, благоуханія, пряности, цѣлительныя

средства, фрукты, вино, лошади,—все это привозилось съ востока все въ большемъ и большемъ количествѣ, и спросъ на эти товары въ Европѣ возросталъ съ каждымъ годомъ. Мы увидимъ ниже, какъ была организована распродажа ихъ на мѣстѣ.

Другое послѣдствіе близкаго знакомства съ востокомъ заключалось въ томъ, что Италія, а вслѣдъ за нею и другія страны Европы переняли у восточныхъ народовъ секреты его производства, и въ Европѣ стала все больше и больше развиваться мѣстная промышленность, получившая могучій толчекъ со стороны. Развитіе промышленности всегда предполагаетъ дифференціацію производства по странамъ и областямъ. Различныя условія приводятъ къ тому, что одна какая-нибудь отрасль производства процвѣтаетъ въ одномъ мѣстѣ, другая въ другомъ. Такая дифференціація вызываетъ необходимость обмѣна, который растетъ по мѣрѣ ея усложненія. Поэтому, для того, чтобы какъ слѣдуетъ понять характеръ торговыхъ сношеній въ XII — XIII вѣкахъ, необходимо хоть вкратцѣ ознакомиться съ состояніемъ промышленности въ Европѣ въ эту эпоху.

Текстильная промышленность стояла теперь, какъ и раньше, на первомъ планѣ и развивалась съ необыкновенною быстротою. По мѣрѣ того, какъ разлагалось натуральное хозяйство, становилось все болѣе и болѣе невыгоднымъ приготовлять одежду дома; явился спросъ на простыя матеріи и этому спросу удовлетворяла на первыхъ порахъ мѣстная текстильная промышленность. Теперь всякій покупалъ, по крайней мѣрѣ, часть своей одежды, и на рынкѣ появились наряду съ высокими сортами матерій, разсчитанными на удовлетвореніе спроса со стороны богачей, и грубые, простые сорта, потребителями которыхъ были крестьяне. Притомъ торговля матеріями не могла ограничиться однимъ какимъ-нибудь округомъ, ибо почти никогда не бывало такъ, чтобы одна какая-нибудь мѣстность умѣла приготовлять одинаково хорошо всякіе сорта. Необходимость широкаго обмѣна вытекала отсюда сама собою.

Въ потребленіи полотна и полотняныхъ издѣлій произошли къ этому времени нѣкоторыя перемѣны. Въ верхней одеждѣ шерстяныя матеріи постепенно вытѣснили полотняныя. Знаменитыя красныя шаровары, которыя были неразлучнымъ спутникомъ франка еще въ

эпоху Карла Великаго, исчезли. Даже въ бѣльѣ шерсть конкуррировала съ полотномъ. Зато полотно нашло себѣ новое примѣненіе. Среди высшихъ классовъ сталъ распространяться обычай употребленія постельнаго и столового бѣлья.

По самому своему существу приготовленіе полотна болѣе соотвѣтствовало строю домашняго хозяйства, чѣмъ приготовленіе шерсти. Поэтому, льняной промыселъ былъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ промысловъ въ селѣ. Его поручали женщинамъ, такъ какъ онъ очень легокъ и не отрываетъ отъ болѣе трудной работы мужчинъ. Но даже этотъ промыселъ рано проникъ въ города, и въ числѣ первыхъ нѣмецкихъ цеховъ мы встрѣчаемъ цехъ ткачей постельнаго тика въ Кельнѣ (1149). Были даже спеціальные центры полотнянаго производства: Констанцъ въ Германіи и Реймсъ во Франціи производили особенно тонкіе сорта полотна. Во Франціи, кромѣ Шампани, славилась Бургундія, въ Германіи—Лотарингія и окрестности Констанца и Сенъ-Галлена, въ Италіи — Тоскана и Ломбардія, во Фландріи—Арра, Валансьенъ и Куртре; даже Испанія упоминается, какъ страна, гдѣ выдѣлывается хорошее полотно.

Такимъ образомъ, полотно было продуктомъ, довольно легко добываемымъ гдѣ угодно, и по одному этому оно не могло служить объектомъ оживленной торговли. Совсѣмъ въ другомъ положеніи была шерстяная промышленность. Техника обработки шерсти очень сложна, требуетъ силы (валяніе) и искусства. Поэтому шерсть никогда почти не была продуктомъ кустарнаго промысла и въ болѣе раннее время не потреблялась въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Только со времени разложенія натурально-хозяйственнаго строя крестьянамъ открылась возможность получать шерстяныя матеріи на рынкѣ. Это одно дѣлало шерсть товаромъ, очень подходящимъ для обмѣна; но была и другая причина. Техника приготовленія шерстяныхъ матерій была очень неодинакова въ разныхъ мѣстахъ, и различіе въ техническихъ пріемахъ сильно вліяло на различіе качества матеріи. Валяніе шерсти производилось или простымъ способомъ (ногами) или механическимъ (валяльныя мельницы были изобрѣтены очень рано). Во Фландріи и Парижѣ послѣ долгаго опыта съ мельницами было признано, что простой способъ даетъ сукно лучшаго качества;

въ мастерскихъ Сенъ-Галленскаго монастыря принуждены были отказаться отъ механическаго валянія при приготовленія хорошихъ сортовъ сукна. Способъ окраски тоже оказывалъ воздѣйствіе на обмѣнъ. Не всюду удавались всѣ цвѣта; здѣсь умѣли отлично красить въ красное, но портили всѣ остальные, тамъ удавались только сѣрые. Естественно, то, что не выходило, послѣ долгихъ опытовъ, малопомалу забрасывалось, и такимъ образомъ для полученія опредѣленной матеріи нужно было непремѣнно обращаться въ опредѣленное мѣсто. Такія же различія создавались разнообразіемъ въ пріемахъ тканія, стрижки и проч. Словомъ, хотя производство шерсти и было распространено всюду, но товаръ принадлежитъ къ числу самыхъ выгодныхъ для торговля, ибо каждая страна вырабатывала сукно особаго сорта, а нѣкоторые изъ особенно цѣнныхъ сортовъ можно было достать только въ опредѣленной странѣ.

Лучшая по качеству шерсть добывалась теперь, какъ и прежде, въ Англіи, и обѣ классическихъ страны шерстяной промышленности пользовались одна почти исключительно, другая въ очень большихъ размѣрахъ англійской шерстью. Рѣчь идетъ о Фландріи и Италіи.

V.

Промышленность фламандско-фрисландскаго района, какъ мы знаемъ, славилась во всей Европѣ со временъ менапіевъ и атребатовъ. Главныя техническія усовершенствованія въ дѣлѣ выдѣлки суконъ шли въ Европу отсюда. Валяльная мельница была фламандскимъ изобрѣтеніемъ, окраскѣ суконъ съ ея многочисленными секретами, училась Европа у фламандцевъ. Вліяніе Фландріи и ея промышленности легко прослѣдить по всей Европѣ. Въ Вѣнѣ красильщики суконъ называются флемингами, въ Англіи уже съ начала XII в. дѣлаются, и довольно успѣшно, попытки привлечь фламандскихъ ремесленниковъ, и имъ, несомнѣнно, обязана своимъ позднѣйшимъ расцвѣтомъ англійская промышленность. По Маасу и въ Пикардіи выростаетъ въ городахъ цвѣтущая шерстяная промышленность подъ очевиднымъ вліяніемъ сосѣдней Фландріи. Даже гордая своимъ старымъ искусствомъ Италія, если не училась

у Фландріи, то пользовалась ея фабрикатами. Весь фламандско-фрисландскій районъ былъ усѣянъ крупными промышленными центрами; Брюгге, Иперпъ, Арра, Гентъ, Брюссель, Мехельнъ, Лувенъ, Камбре, Валансьенъ и др. соперничаютъ между собою въ искусствѣ, и эта конкурренція ведетъ какъ къ улучшенію товара, такъ и къ диффеpанціаціи сортовъ сукна. Удобное положеніе страны, удобные морскіе и рѣчные пути соединяли Фландрію и ея главную эмпорію Брюгге съ одной стороны съ Англіей, французскимъ побережіемъ и Средиземнымъ моремъ, съ другой — съ внутренней Франціей и Германіей, а черезъ Альпы съ Италіей. Лучшіе сорта фламандскихъ суконъ—тѣ, которые были доступны по своей цѣнѣ только богатымъ, частью прямо переправлялись въ Италію, чтобы быть транспортированными на Востокъ.

Расцвѣтъ фламандской суконной промышленности относится къ XII в. Въ XIII в. одинъ Иперпъ производилъ въ годъ отъ 30000 до 80000 кусковъ сукна. Англійской шерсти не хватало, приходилось вывозить изъ Навары и Испаніи. Организація производства здѣсь, какъ и въ Италіи, а позднѣе и повсюду, была поставлена на капиталистическую ногу. Обычное цеховое устройство, которое было приспособлено къ городскому рынку, совершенно не годилось, когда производство расширялось и имѣло въ виду міровой рынокъ. Какой-нибудь булочникъ или кузнецъ—въ одно и то же время и купецъ, и ремесленникъ. Онъ прямо продаетъ свое издѣліе покупателю. Наоборотъ, ткачи, валяльщики, стригали и красильщики суконныхъ матерій только въ томъ случаѣ могли удовлетворять спросу, если надъ ними стоялъ человѣкъ, который былъ хорошо знакомъ съ состояніемъ рынка и могъ успѣшно направлять ихъ работу. Такимъ образомъ, разбогатѣвшій купецъ становился во главѣ предпріятія, а ремесленники дѣлались зависимыми отъ него. Онъ закупалъ оптомъ шерсть, раздавалъ работу, принималъ готовый товаръ и направлялъ его туда, куда нужно. Въ Брюгге, Гентѣ и Иперпѣ такая организація сдѣлалась обычной. За ремесленниками былъ учрежденъ строгій надзоръ, имѣющій цѣлью охранять репутацію производства. И, благодаря всему этому, Фландрія долго сохраняла за собою свои рынки.

Въ самой Италіи искусство выдѣлки суконъ осталось еще въ качествѣ наслѣдія отъ римскихъ временъ, но въ раннiй періодъ оно не имѣло большого экономическаго значенія, ибо итальянская шерсть—очень низкаго качества. Когда левантская торговля стала доставлять въ изобиліи дорогія краски, то вопросъ о развитіи суконной промышленности возникъ самъ собою; но такъ какъ не было никакого разсчета красить такими красками плохія сукна изъ итальянской шерсти, то шерсть стали привозить изъ Гарбо (въ нынѣшней Португаліи), Испаніи и Туниса. Качество этой шерсти было превосходно, и она уступала только англійской. Съ начала XIII в. появилась въ Италіи и англійская шерсть, что вызвало оживленный обмѣнъ между Италіей, Англіей и Фландріей *). Вывозъ англійской шерсти въ Италію, однако, не сразу принялъ большіе размѣры. Только съ третьей четверти XIII вѣка онъ достигаетъ крупныхъ цифръ. Въ 1277—1278 г., напр., изъ общаго количества вывезенной шерсти 29,6% досталось на долю Италіи **).

Первыми піонерами суконно-ткацкаго дѣла въ Италіи были монахи ордена гумиліатовъ, которые выучились своему искусству въ Нидерландахъ. Оттуда была перенесена на югъ валяльная мельница, тамъ узнали монахи секреты выдѣлки тонкихъ сортовъ сукна. Въ теченіе XIII в. монастыри гумиліатовъ, а съ ними и суконно-ткацкія мастерскія, распространились сначала по Ломбардіи, затѣмъ проникли и въ сосѣднія области: Венецію, Эмилію, Тоскану. Ихъ усердно зазывали къ себѣ изъ всѣхъ городовъ, и монахи охотно шли и дѣлились своимъ искусствомъ со всѣми желающими.

Самымъ раннимъ изъ крупныхъ центровъ шерстяной промышленности былъ Миланъ. Начало выработки тамъ суконъ въ большихъ размѣрахъ должно быть отнесено къ концу XII в. Послѣ оружія и боевыхъ коней сукна были главнымъ предметомъ миланской торговли. Миланскія сукна продавались не только въ самой Италіи и за Альпами, но въ большомъ количествѣ шли на Востокъ, вплоть до отдаленныхъ, находившихся въ самомъ сердцѣ Азіи, татарскихъ

*) Въ послѣдней находились склады англійской шерсти.

**) Брабантъ и Голландія вмѣстѣ получили больше—32,2%, а Франція (21,8%) и Германія (11,6%)—меньше.

кочевій. Изъ другихъ городовъ сѣверной Италіи наиболѣе цвѣтущую шерстяную промышленность имѣли Монца, Мантуя и Пьяченца. Всѣ эти города, однако, были оставлены далеко позади расцвѣтомъ шерстяной промышленности во Флоренціи. Другіе тосканскіе города, какъ Пиза, Сіена, Пистойя, Лукка также были крупными центрами шерстяного дѣла и вели оживленную торговлю, но во Флоренціи суконная промышленность получила такую организацію, которая вскорѣ сдѣлалась типичной.

Сукноткачество во Флоренціи практиковалось съ незапамятныхъ временъ; уже въ IX в. этимъ занимались въ монастыряхъ; съ середины XI в. въ городѣ постепенно появляются валяльщики, красильщики и другіе ремесленники шерстяного производства, а въ началѣ XIII в. появляется спеціальный цехъ суконнаго производства, arta della lana. Но еще раньше, въ 1182 г. впервые упоминается другой цехъ, тоже занятый суконнымъ дѣломъ, arte di Calimala. Въ то время, какъ Lana фабриковалъ сукно съ начала до конца, Calimala избралъ другой путь. Высокая техника и дорогія красящія средства, которыми владѣли флорентинцы, давали имъ возможность скупать по дешевой цѣнѣ заграничные полуфабрикаты и грубые сорта и подвергать ихъ отдѣлкѣ и обработкѣ у себя. Во Франціи производилось много этихъ плохихъ сортовъ; Calimala скупалъ ихъ цѣлыми партіями, и въ его мастерскихъ ихъ стригли, апретировали, красили; сукно получало совершенно другой видъ и экспортировалось не только на востокъ, но и назадъ во Францію. Закупка сукна партіями требовала, конечно, большого оборотнаго капитала; поэтому принципъ мелкаго ремесленнаго производства былъ совершенно непримѣнимъ въ операціяхъ Калималы; они, какъ во Фландріи, стали на капиталистическую ногу, и ремесленники мало-помалу оказались въ полномъ хозяйственномъ подчиненіи у завѣдующихъ предпріятіями купцовъ. Calimala была своеобразной организаціей; но и настоящая выдѣлка сукна въ Италіи также пріобрѣтаетъ капиталистическій характеръ. Флорентинскій Lana представляетъ очень типичный примѣръ этого. Тамъ ремесленникъ работалъ на предпринимателя, снабжавшаго его сырьемъ и принимавшаго отъ него готовое сукно. Произошло это потому, что

крупному торговцу, имѣвшему возможность покупать шерсть на мѣстѣ въ большомъ количествѣ, она обходилась гораздо дешевле, чѣмъ мелкому ремесленнику. А болѣе раннее появленіе крупныхъ капиталовъ въ Италіи является результатомъ всего экономическаго развитія страны. За Альпами возможность появленія крупныхъ капиталовъ долго умѣли устранять путемъ мелочной регламентаціи торговли и промышленности; въ Италіи торговля съ Левантомъ, завязавшаяся сейчасъ же послѣ перваго крестоваго похода, быстро реализовала результаты предшествовавшаго обмѣна съ Африкой и Сиріей, быстро создала крупные капиталы. Конечно, въ итальянскихъ городахъ остались и мелкіе ремесленники и мелкіе торговцы—во Флоренціи существовала особая корпорація купцовъ, торговавшихъ въ розницу итальянскимъ (нефлорентинскимъ) сукномъ *), — но надъ ними появилась купеческая аристократія. Въ частности текстильное производство, по крайней мѣрѣ во Флоренціи, приняло уже въ XIII в. типичную форму домашней промышленности, въ которой ремесленники находятся въ полной зависимости отъ купца-капиталиста. Организованное такимъ образомъ производство достигло очень большихъ размѣровъ и работало, конечно, главнымъ образомъ на вывозъ. Современный историкъ разсказываетъ, что въ 1308 г. въ одномъ Lana было почти 300 суконодѣлательныхъ предпріятій и ежедневно во Флоренціи производилось до 10000 штукъ сукна. Но въ это время городъ еще не пользовался тонкой англійской шерстью. Черезъ 30 лѣтъ, когда ее стали привозить, количество мастерскихъ упало до 200, количество суконъ до 70—80 тысячъ, но цѣнность всего производимаго сукна значительно возрасла. Что касается цеха Calimala, то въ это время его 20 мастерскихъ перерабатываютъ до 10000 штукъ сукна, цѣнностью въ 300000 флориновъ.

Во Франціи суконное производство было довольно сильно распространено, но хорошихъ сортовъ здѣсь приготовлять не умѣли. Наиболѣе замѣчательныя фабрики были въ Пикардіи (Амьенъ, Абвиль, Сенъ-Кантенъ), въ Парижѣ, Сенъ-Дени, Шартрѣ, въ

*) Такъ наз. arte di Por San Maria, названіе, какъ и названіе Calimala, происходило отъ мѣста, гдѣ помѣщался цехъ.

Шампани (главнымъ образомъ Шалонъ на Марнѣ); этотъ районъ обрабатывалъ грубую мѣстную шерсть и частью низкіе сорта англійской. Выше стояло производство въ южныхъ городахъ, пользовавшихся хорошей испанской шерстью: въ Тулузѣ, Монпелье, Нарбоннѣ, Нимѣ, Авиньонѣ и проч.

Во Франціи мы также встрѣчаемся съ попытками покончить съ чистой цеховой системою въ шерстяномъ дѣлѣ. Въ Парижѣ, да и въ другихъ городахъ, изъ среды нѣсколькихъ группъ ремесленниковъ, занимавшихся обработкою сукна, выдѣлились валяльщики, которые проводили сукно черезъ послѣднія стадіи производства, причемъ или сами занимались стрижкою или отъ себя нанимали людей, которые стригли его. Когда отдѣлка была закончена, тѣ же валяльщики становились изъ ремесленниковъ купцами и продавали сукно потребителямъ. Другіе ремесленники, по самой техникѣ дѣла, конечно, не могли продавать готоваго сукна.

Въ Германіи расцвѣтъ шерстяной промышленности, создавшій богатство нѣмецкаго бюргерства, такъ же, какъ и въ Англіи, относится къ болѣе позднему періоду. Въ XII—XIII вѣкѣ мы наблюдаемъ только первые шаги. Первое упоминаніе о сукноткачествѣ въ Германіи мы встрѣчаемъ въ 1099 г. Оно впервые возникаетъ въ наиболѣе цвѣтущемъ городѣ того времени, Майнцѣ. Тринадцатый вѣкъ можетъ быть названъ вѣкомъ территоріальнаго распространенія шерстяной промышленности въ Германіи. Въ концѣ его было сдѣлано изобрѣтеніе, относимое обыкновенно къ 1530 г., была построена первая самопрялка. По благодаря консерватизму нѣмецкаго ремесленнаго строя, изобрѣтеніе долго не оказывало того вліянія на производство, какого можно было бы ожидать. Веретено не сдавалось и до середины XVI в. вело упорную борьбу съ самопрялкой, борьбу, отголоски которой попали и въ современную литературу. Такъ, въ XIII в. одинъ благочестивый мужъ пожертвовалъ страсбургскому монастырю бегиновъ—эти нѣмецкіе гумиліаты—необходимую сумму для основанія шерстяного промысла, но подъ тѣмъ условіемъ, что прялка будетъ изгнана оттуда. Распредѣленіе производства по районамъ въ общемъ было таково. Юго-западная Германія (Ульмъ, Базель, Страсбургъ) изготовляла главнымъ обра-

зомъ сѣрые, т. е. некрашенныя сукна, юго-восточная (Регенсбургъ и др.) — полусваленныя матеріи, а рейнская область (Кельнъ, Майнцъ, Вормсъ, Шпейеръ) черныя сукна.

Но даже по даннымъ XIII в. мы можемъ сдѣлать заключеніе о томъ, что и въ Германіи производство сукна не удержится въ рамкахъ цеховой ремесленной системы, не знающей неравенства между различными группами ремесленниковъ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ, напр., изъ равноправной массы цеховъ выдѣляются ткачи. Они сами покупаютъ шерсть, даютъ ее вымыть и сбить своимъ слугамъ и затѣмъ направляютъ ее чесальщицамъ и прядильщицамъ, которые считаются членами цеха, но занимаются работою на дому. Красильщики, къ которымъ затѣмъ переходитъ пряжа, — самостоятельные ремесленники, но они находятся всецѣло на службѣ у ткачей и не могутъ работать на не-членовъ цеха. Красильня принадлежитъ цеху, а краска, вайда, покупается самими ткачами. Валяльщики и стригали — также являются уже наемными рабочими ткачей и ихъ зависимость отъ послѣднихъ настолько велика, что цехъ ткачей устанавливаетъ плату, которую валяльщики и стригали обязаны платить своимъ слугамъ. Само собою разумѣется, что въ рукахъ ткачей находится всецѣло торговля выработаннымъ во Франкфуртѣ сукномъ *).

VI.

Шерстяная промышленность уже и въ эту эпоху занимала доминирующее положеніе на европейскомъ континентѣ. Это легко объясняется тѣмъ, что она существовала изстари, и теперь, когда явились благопріятныя условія, быстро достигла цвѣтущаго состоянія. Двѣ другихъ отрасли текстильнаго производства: шелковое и хлопчатобумажное, наоборотъ, были новы въ Европѣ и явились результатомъ сношеній съ Востокомъ. Условія ихъ появленія въ Европѣ сказались прежде всего въ томъ, что какъ та, такъ и другая привились наиболѣе прочно и пріобрѣли самостоятельное значеніе прежде всего въ той странѣ, которая была во всѣхъ отно-

*) Расцвѣтъ англійской шерстяной промышленности относится къ болѣе позднему періоду и будетъ разсмотрѣнъ въ другой связи.

шеніяхъ ближе къ востоку, въ Италіи. Европа потребляла шелковыя ткани въ довольно большомъ количествѣ. Они шли какъ на одежду, такъ, главнымъ образомъ, и на церковное облаченіе, но шелковыя ткани были дороги, ибо ихъ приходилось покупать у византійскихъ и мусульманскихъ купцовъ. Главная и лучшая часть шелковыхъ матерій продолжала привозиться изъ Китая, но были, какъ мы знаемъ, фабрики и въ Византійской имперіи. Въ Европѣ первыя мастерскія, приготовляющія шелковыя матеріи, появились не раньше середины XII в.; на этотъ разъ первенство принадлежитъ югу, гдѣ были живы какъ культурныя, такъ и хозяйственныя традиціи мусульманской эпохи. Норманскіе короли призвали въ Палермо въ 1148 г. греческихъ мастеровъ, и въ Сициліи выросла очень значительная промышленность. Въ обѣихъ главныхъ торговыхъ республикахъ, въ Венеціи и Генуѣ, шелковое производство явилось позднѣе, около середины XIII в.; но оно рано существовало въ ихъ восточныхъ колоніяхъ. Оба города предупредили Тоскана. Во Флоренціи, повидимому, уже въ концѣ XII в. существовало шелковое производство, но оно влачило тамъ довольно жалкое существованіе, пока Лукка не передала Флоренціи сдѣланныхъ ея мастерами техническихъ изобрѣтеній.

Если Флоренція была центральнымъ пунктомъ шерстяного производства, то Лукка по справедливости считалась царицею въ сферѣ шелковаго дѣла. Ея мастера значительно усовершенствовали технику производства, особенно парчи и тонкихъ сортовъ матерій; въ Луккѣ была изобрѣтена великолѣпная окраска ткани въ сѣрый, красный, фіолетовый и синій цвѣта; тутъ же нашли секретъ украшенія шелковыхъ матерій тончайшими нитями чистаго золота и различными прямо сотканными вмѣстѣ съ матеріей фигурами (леопарды, грифы, птицы, цвѣты и гербы). Луккскія шелковыя матеріи съ XIII в. очень успѣшно конкуррировали на европейскомъ рынкѣ съ византійскими и восточными. Шелковое дѣло въ Луккѣ, какъ и шерстяное въ крупныхъ центрахъ, было организовано капиталистически. Купецъ-предприниматель раздавалъ работу на домъ ткачамъ и принималъ отъ нихъ уже готовый фабрикатъ. Какъ зѣницу ока хранили граждане города секретъ своего ремесла, но уже въ XIII вѣкѣ одинъ

изъ самыхъ главныхъ—устройство шелкопрядильной машины, сдѣлался извѣстенъ въ Болоньѣ, а въ самомъ началѣ XIV в., когда Лукка потеряла свою независимость, ея секреты сдѣлались достояніемъ Италіи; Венеція, Флоренція, Генуя, ломбардскіе города немедленно воспользовались появленіемъ бѣглецовъ изъ Лукки, чтобы основать у себя шелковыя фабрики. Но настоящій расцвѣтъ шелковой промышленности въ этихъ городахъ относится къ болѣе поздней эпохѣ.

Изъ другихъ городовъ Европы хорошо поставленное шелковое производство имѣлъ Парижъ, гдѣ уже въ XIII вѣкѣ было шесть корпорацій, занятыхъ покупкой и обработкой шелка, Цюрихъ и Констанцъ.

Что касается хлопка, то хотя хлопчатникъ и росъ въ южной Европѣ, но лучшіе промысловые сорта его шли съ Востока. Италія и на этомъ поприщѣ опередила другія страны. Тамъ уже въ концѣ XII в. въ Венеціи, Миланѣ, Пьяченцѣ и нѣкоторыхъ другихъ ломбардскихъ городахъ существовало хлопчатобумажное производство. Въ другихъ странахъ: въ Испаніи, Фландріи, Германіи оно появилось позже; но въ Германіи оно пріобрѣло совершенно самостоятельное значеніе. Въ Констанцѣ, Базелѣ, Ульмѣ, Аугсбургѣ хлопокъ потреблялся въ большомъ количествѣ на выдѣлку бумазеи, которая быстро завоевала себѣ популярность на европейскихъ ярмаркахъ.

Продукты текстильной промышленности занимали первое мѣсто среди предметовъ европейскаго обмѣна. Но наряду съ ними появляются и другіе товары, которые занимали на ярмаркахъ и въ телѣгахъ разъѣзжающихъ купцовъ очень замѣтное мѣсто.

Расцвѣтъ текстильной промышленности потребовалъ тщательнаго подбора красящихъ веществъ, ибо только при томъ условіи, что европейскія краски не будутъ уступать восточнымъ, возможна была сколько-нибудь серьезная конкурренція съ Левантомъ. Поэтому красящія вещества играли въ торговлѣ весьма существенную роль. Для красной краски употреблялся кермессъ, или дубовый червецъ (coccus ilicis), червячокъ, вродѣ вывезенной впослѣдствіи изъ Америки кошенили, но уступающій послѣдней въ содержаніи красящаго вещества. Онъ появляется въ Европѣ не позже конца XII в., и его культура легко прививается въ Испаніи и южной Франціи, а

позднѣе проникаетъ и дальше на сѣверъ. Для окраски въ желтый цвѣтъ шелъ шафранъ, вещество, почти универсальнаго употребленія, его можно было встрѣтить, начиная съ XII вѣка, и въ мастерской художника, и въ красильнѣ ремесленника, и въ лавочкѣ дрогиста, и въ кухнѣ богатыхъ людей. Его культура принялась также сначала въ Испаніи и Италіи, а потомъ и въ южной Германіи. Индиго извѣстно съ древнихъ временъ; въ торговыхъ документахъ оно появляется въ Италіи въ серединѣ XII в., въ южной Франціи въ серединѣ XIII, нѣсколько позже въ Англіи. Въ Германію и сѣв. Францію оно проникло гораздо позже, ибо тамъ предпочитали пользоваться для окраски въ синій цвѣтъ вайдою (франц. пастель, у насъ синило, синиль; Isatis tinctoria). Для зеленаго цвѣта употреблялась смѣсь, въ которую входилъ опперментъ. Для приданія блеска тканямъ въ краску примѣшивали квасцы. Начиная съ XIV в., въ Европѣ появляются и другія краски: красное, желтое и болѣе сандальное дерево, мѣдянка и проч.

Не могло не увеличиться также потребленіе разныхъ москательныхъ товаровъ, съ употребленіемъ которыхъ познакомились крестоносцы на востокѣ и привезли съ собою въ Европу. Для кухни шли пряности, въ медицинскомъ дѣлѣ—всякія лѣкарственныя вещества, въ домашней жизни—благовонія, въ церквахъ – куренія. Мало-помалу появляются въ Европѣ аптекари и москательные торговцы, пріобрѣтающіе постепенно весьма выдающееся мѣсто въ городскомъ быту *). Въ качествѣ пряностей шли перецъ, калганъ, гвоздика, корица, инбирь, мускатные орѣхи, шафранъ, кардамонъ; въ качествѣ лѣкарствъ между другими: манна, трагантъ, алоэ, лакрица (сладкое дерево), нубеба; въ богослуженіи употреблялось много ладона и воска; послѣдній шелъ изъ Россіи, Польши, Богеміи, Венгріи, Испаніи и африканскихъ береговъ.

Добываніе металловъ стояло до XIV вѣка еще не на очень высокой ступени. Серебро добывалось въ Шварцвальдѣ, на Юрѣ, въ Эльзасѣ, въ Тиролѣ, въ нынѣшней Швейцаріи, въ сѣверной Италіи; желѣзо—въ южной Германіи, Швейцаріи и сѣверной Ита-

*) Во Флоренціи цехъ аптекарей принадлежалъ къ числу семи старшихъ.

ліи, мѣдь преимущественно въ Швеціи, Англіи, подъ Динаномъ и Гюи во Фландріи и около Гослара въ Германіи; олово—въ Англіи (въ Испаніи его добываніе пало), а съ XII в. въ Богеміи, гдѣ оно оказалось лучше и чище англійскаго, отчасти также во Фландріи.

Оружейное производство процвѣтало, главнымъ образомъ, въ сѣверной Италіи. Миланскія оружейныя мастерскія славились на всю Европу. Миланскіе мастера научились не только копировать лучшіе образцы восточнаго оружія, но и сами сдѣлали цѣлый рядъ открытій, упрочившихъ за ихъ произведеніями, кромѣ европейскихъ, еще азіатскіе рынки: татары и сарацины давали большіе деньги за миланское вооруженіе. Изъ мѣстныхъ изобрѣтеній едва ли не самыми славными были знаменитые панцыри, считавшіеся почти непроницаемыми. Послѣ Милана славились своимъ оружіемъ Павія и Венеція въ Италіи, Золингенъ, Пассау, Регенсбургъ, Страсбургъ и Майнцъ въ Германіи, Динанъ и Гюи во Фландріи, Толедо въ Испаніи.

Еще одна отрасль промышленности достигла блестящаго расцвѣта въ XIII в.—стекольное производство въ Венеціи. Это искусство было перенесено въ городъ съ востока въ XII в., но въ XIII оно уже славилось на всю Европу, потому что эмигрировавшіе изъ Константинополя греческіе рабочіе научили венеціанцевъ всѣмъ своимъ секретамъ. Стекольное производство обнимало собою и мозаику. Въ это время Венеція производила и сбывала въ огромномъ количествѣ кубки, графины для напитковъ, флаконы для духовъ, стаканы филигранной работы, знаменитыя венеціанскія зеркала, стеклянные цвѣты, коробки, бусы, оконныя стекла. Лучшій товаръ продавался въ Европѣ, сорта похуже сбывались въ Африку и Азію. Венеціанскія издѣлія доходили до Китая, гдѣ мандарины носили стеклянныя венеціанскія пуговицы, и до Татаріи, появлялись въ Индійскихъ островахъ и Эѳіопіи, гдѣ предки теперешнихъ негровъ были такъ же падки до стеклянныхъ цвѣтныхъ бусъ, какъ и наши черные современники.

ГЛАВА III.

Организація средневѣковой торговли въ ея цвѣтущій періодъ.

I.

Оживленіе торговыхъ сношеній прежде всего отозвалось на количествѣ рынковъ. Это и понятно. Прежде предметы первой необходимости крайне рѣдко поступали въ продажу, и если, напр., шерстяныя матеріи служили объектомъ торговли, то огромная масса общества не считала ихъ для себя необходимыми. Что же касается до предметовъ роскоши, то изъ-за нихъ не было необходимости устраивать постоянные или частые періодическіе рынки: для этого было достаточно ярмарокъ. Теперь же, когда хлѣбъ, ленъ, полотно, шерсть, сукно, обувь, оружіе стали мало-помалу дѣлаться предметомъ обмѣна, то необходимость въ рынкахъ почувствовалась очень живо, и они стали появляться всюду, гдѣ условія этому благопріятствовали.

Прежде всего они явились, какъ и естественно ожидать, въ римскихъ городахъ, которые согласно общему колонизаціонному плану римлянъ, строились въ удобныхъ мѣстахъ. Кое-гдѣ, въ большихъ civitates, т. е. настоящихъ городахъ, въ которыхъ имѣлись муниципальныя учрежденія, рынки сохранились со временъ сѣдой старины; въ этихъ случаяхъ они находились внутри городскихъ стѣнъ. Другіе римскіе города, тѣ, которые были основаны въ качествѣ простыхъ крѣпостей, не имѣли рынковъ съ самаго начала, но если имъ удавалось пережить грозу варварскихъ передвиженій, ихъ удобное положеніе обыкновенно также заставляло устраивать тамъ рынокъ; въ отличіе отъ первыхъ эти рынки ютились обыкновенно снаружи городской стѣны. Римскихъ городовъ было наперечетъ, слѣдовательно, рынковъ тоже. До XII в. не было причинъ, которыя могли бы вызвать

массовое основаніе рынковъ. Если есть указанія на то, что вокругъ монастырей, королевскихъ дворцовъ, помѣстій и проч. образуются рынки въ VIII—XI вѣкахъ, то такихъ случаевъ чрезвычайно мало. Эра рынковъ открывается съ середины XII в.

Среди новооснованныхъ рынковъ нужно различать двѣ категоріи: появившіяся, такъ сказать, произвольно и построенные опредѣленными лицами съ опредѣленной цѣлью.

Очень не трудно представить себѣ, въ какихъ мѣстахъ могли возникать рынки сами собою. Скрещенія двухъ торговыхъ дорогъ, важнѣйшія рѣчныя переправы—это мѣста, гдѣ иногда происходитъ задержка; такъ, если у купца товаръ не очень хорошо запакованъ—а средневѣковая таможенная практика не поощряла сложныхъ упаковокъ—онъ былъ не прочь поторговать, пока мостъ или паромъ заняты другими, и должностныя лица сеньеры досматриваютъ товаръ. Практика мало-помалу прививалась; проходило нѣсколько лѣтъ, и купецъ уже считалъ выгоднымъ нарочно остановиться тутъ на день-другой, чтобы сбыть часть своего товара. Или, напримѣръ, на мѣстѣ добычи цѣнныхъ продуктовъ земли: соли, металловъ. Купецъ пріѣзжалъ туда, чтобы запастись необходимымъ ему товаромъ, но по средневѣковому обычаю онъ пріѣзжалъ туда съ полными телѣгами, и пока онъ заключалъ сдѣлки, пока приготовляли ему необходимое количество выбраннаго имъ продукта, его телѣги отлично торговали. Окрестные жители узнавали о томъ, что въ данномъ пунктѣ въ извѣстное время года можно найти купца съ разнымъ товаромъ и, забравъ съ собою лишки своего хозяйства, тоже пріѣзжали туда; кремеры раскладывали свои палатки, и готовъ періодическій рынокъ, ярмарка. Или еще: нѣсколько купцовъ сговорились составить караванъ и условились сойтись въ одномъ мѣстѣ. Дороги и заставы, съ одной стороны, собственныя дѣла—съ другой, задержали кого-нибудь изъ участниковъ каравана. Ясное дѣло, что остальные пользуются случаемъ, чтобы поторговать, тѣмъ болѣе, что окрестное населеніе знаетъ время сбора и уже заранѣе поджидаетъ купцовъ. И опять создаются ярмарки. Еще чаще ярмарки создавались около церкви или монастыря, пріурочиваясь къ престольному празднику.

Но купцы не любили такихъ рынковъ и ярмарокъ, которые образовались сами собою и не имѣютъ никакого сильнаго покровителя. Въ ту пору шутить съ этимъ не приходилось. Собрались купцы, раскрыли возы, а хищный рыцарь тутъ какъ тутъ. Налетѣлъ со своими людьми, ограбилъ купцовъ дочиста и былъ таковъ. Кому жаловаться?

Иначе дѣло обстояло, когда рынокъ основывался по уговору или просто по приглашенію какого нибудь барона на его землѣ и подъ его покровительствомъ. Ограбить такой рынокъ было уже дѣломъ не безопаснымъ, ибо за купцами стоялъ сыльный баронъ. Если къ перечисленнымъ выше благопріятнымъ условіямъ присоединялась еще и такая защита, то рынокъ процвѣталъ и дѣлался началомъ прочнаго торговаго поселенія, но бывало и такъ, что купцы, не стѣсняясь тѣмъ, что на лицо не было ни одного изъ благопріятныхъ условій, тѣмъ не менѣе устраивались подъ защитою какого-нибудь крѣпкаго бурга, замка, монастыря и проч., и не обманывались въ своихъ разсчетахъ.

Однако, чаще, чѣмъ купцамъ, инниціатива основанія рынка принадлежала самимъ баронамъ, духовнымъ и свѣтскимъ, крупнымъ и мелкимъ. Бароны были хорошими практиками и отлично поняли духъ тѣхъ измѣненій, которыя были произведены въ Европѣ хозяйственнымъ переворотомъ. Выгоды, которыя сулило имъ обладаніе рынкомъ, были значительны, хлопотъ по управленію имъ было немного. Такъ какъ со временъ послѣднихъ каролинговъ появилась рыночная регалія, то приходилось испрашивать у королевской власти разрѣшенія на основаніе рынка, на сборъ въ немъ таможенныхъ и торговыхъ пошлинъ и на чеканку монетъ. Въ Англіи королевская власть никогда не теряла этой своей регаліи. Во Франціи она была утрачена, но возвращена при послѣднихъ капетингахъ, а въ Германіи императорамъ удавалось удерживать ее до начала XIII вѣка; потомъ она была поглощена общей анархіей. Но даже когда было необходимо испрашивать разрѣшенія, то оно было не болѣе, какъ формальностью, и государство никогда не отказывало въ выдачѣ соотвѣтствующей грамоты. Притомъ грамота на основаніе законнаго рынка (legitimus mercatus), т. е. рынка разрѣ-

шеннаго публичной властью и снабженнаго таможенной и монетной привилегіей, выдавалось только духовному или свѣтскому барону; ее никогда не могла получить какая-нибудь община или какая-нибудь купеческая ассоціація. Такимъ образомъ, силою вещей всякій рынокъ, для того, чтобы имѣть шансы на процвѣтаніе, независимо отъ экономическихъ условій, долженъ былъ заботиться и о политическихъ, долженъ былъ имѣть своего господина.

Отношеніе къ рынку этого господина было въ принципѣ отношеніемъ помѣщика. На его землѣ рынокъ функціонировалъ, онъ, въ случаѣ необходимости, получалъ отъ публичной власти соотвѣтствующее разрѣшеніе и оказывалъ рынку защиту. За все это онъ пользовался извѣстными правами. Власть его на личность купцовъ не распространялась, ибо купцы обыкновенно были свободными людьми, но за право торговли они платили пошлины сеньеру со всѣхъ товаровъ въ размѣрахъ, имъ назначенныхъ и арендную плату за рыночныя помѣщенія. Кромѣ того, сеньеръ, который въ принципѣ считался отвѣтственнымъ за порядокъ и правильную торговлю на рынкѣ, былъ для его участниковъ судьей какъ по спеціально торговымъ тяжбамъ, такъ и по дѣламъ о нарушеніи рыночнаго мира [1]). Судъ тоже былъ источникомъ дохода согласно еще старымъ иммунитетскимъ правиламъ, въ силу которыхъ королевская власть уступала штрафныя деньги сеньеру. Всѣ доходы въ совокупности составляли весьма солидную сумму, и сеньеры очень старались устраивать у себя рынки. Помѣщали его по возможности около центральнаго пункта помѣстія, монастыря, церкви, замка; если помѣщикомъ былъ самъ король,—около королевскаго дворца. Когда это почему-либо представлялось неудобнымъ, то выбирали по возможности такое село, которое цѣликомъ принадлежало сеньеру и гдѣ не было бы земель, принадлежащихъ другому помѣщику или свободнымъ крестьянамъ.

Въ XII—XIII в. помѣщики, увлекаемые жаждою большихъ

[1]) По средневѣковымъ понятіямъ всякое огороженное мѣсто пользовалось миромъ, за нарушеніе котораго полагалась извѣстная пеня. Нарушеніемъ мира считались драка, убійство и проч. Особенно тяжкая пеня постигала виновныхъ за нарушеніе королевскаго мира, а рынокъ, какъ институтъ, въ принципѣ утвержденный королемъ, подводили подъ послѣднюю категорію.

доходовъ, основали много рынковъ совершенно зря, не считаясь съ запросами торговли. Конечно, они несли и наказаніе, ибо такіе рынки оказывались мертворожденными, и несмотря на всѣ привилегіи, которыя въ изобиліи обѣщали купцамъ помѣщики, тѣ туда не шли, и рынокъ мало-помалу исчезалъ. Но запросы торговли были очень велики, и такихъ неудачныхъ рынковъ сравнительно было мало. Наоборотъ, большинство ихъ не только не приходило въ упадокъ, а процвѣтало все больше и больше; вокругъ рынковъ въ этихъ случаяхъ выростало понемногу купеческое поселеніе, которому помѣщикъ опять охотно давалъ всевозможныя привилегіи. Онъ не только не посягалъ на личную свободу поселенцевъ, но соглашался считать свободными тѣхъ крѣпостныхъ, которые прожили тамъ годъ съ днемъ. Повинности, которыхъ онъ требовалъ съ купцовъ, были не въ примѣръ крестьянскимъ очень легкія; обыкновенно они состояли въ невысокомъ, неподвижномъ, опредѣлявшемся на много лѣтъ впередъ денежномъ оброкѣ, который фактически былъ не чѣмъ инымъ, какъ арендной платой при вѣчно-наслѣдственной арендѣ.

Чтобы возможно было превращеніе простого рынка въ купеческое поселеніе, нужно было, чтобы онъ былъ по крайней мѣрѣ еженедѣльнымъ. Рынокъ, функціонировавшій рѣже, не былъ способенъ привлечь колонистовъ. Нужно помнить, что если рынокъ открывался разъ въ недѣлю, то и въ остальные дни дѣла не прекращались; сидѣли за срочной работою ремесленники, перебирали товаръ купцы; не такъ трудно было, въ случаѣ нужды, контрабанднымъ путемъ раздобыть что-нибудь. Въ рыночной день, разумѣется, оживленіе увеличивалось, изъ окрестностей съѣзжались крестьяне со своимъ товаромъ, происходилъ обмѣнъ, рынокъ запасался на недѣлю пищевыми продуктами, крестьяне—рыночными товарами. Еженедѣльный рынокъ переставалъ удовлетворять хозяйственнымъ запросамъ, когда жители привыкали къ обмѣну. Они уже чувствовали стѣсненіе въ томъ, что нельзя въ любой день отправиться на рынокъ, купить чего нужно и пріѣхать домой. Все настоятельнѣе и настоятельнѣе представлялось необходимымъ превратить еженедѣльный рынокъ въ ежедневный. Съ юридической стороны препят-

ствій по этому обыкновенно не было, потому что грамоты давались сеньерами по большей части безъ обозначенія рода рынка. Когда вокругъ еженедѣльнаго рынка выростало купеческое поселеніе, то этотъ фактъ самъ собою превращалъ еженедѣльный рынокъ въ ежедневный. Иногда купеческое поселеніе основывалось до существованія рынка, а рынокъ являлся потомъ. Что касается ярмарокъ, то онѣ не были способны создать поселенія, а въ такихъ областяхъ, напр., какъ центральная часть Германіи, въ которой не было городовъ, основанныхъ не въ средніе вѣка, мы почти не знаемъ примѣровъ, чтобы ярмарка послужила началомъ поселенія. Это и понятно. Она по самому своему характеру длится недолго, и въ не-ярмарочное время мѣсто находится въ полномъ запустѣніи. Ярмарки, наоборотъ, сами ищутъ уже существующаго бойкаго поселенія.

Возникновеніе рыночныхъ поселковъ является очень важнымъ моментомъ въ исторіи торговли. Около тѣхъ пунктовъ, гдѣ возникаютъ рынки, около замковъ, монастырей, усадебъ и проч., уже имѣется обыкновенно поселеніе; это—сельская община. Рыночные поселки вливаютъ въ нее струю свѣжей крови. Со своими учрежденіями, существующими для торговли и вызванными къ жизни торговлею, купеческій поселокъ совершенно преобразовываетъ учрежденія сельской общины и помѣстія, и изъ слiянія старыхъ и новыхъ элементовъ образуется городъ *). Городъ уже цѣликомъ служитъ торговлѣ и промышленности. Въ процессѣ возникновенія городовъ торговля сыграла главную роль, но затѣмъ сами города являются могущественнымъ орудіемъ распространенія и укрѣпленія торговли. Города образуются подъ ферулою помѣщичьей власти, но почти вездѣ имъ удается черезъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени стряхнуть съ себя сеньеріальную опеку и пріобрѣсти самостоятельность. Всѣ функціи и привилегіи, которыя при возникновеніи городовъ принадлежали помѣщикамъ, переходятъ къ городской общинѣ. Торговые и таможенные доходы, судъ,

*) Возникновеніе города и городскихъ учрежденій, оцѣнка вліянія рынка и рыночныхъ учрежденій на городское устройство, изложено въ другой книжкѣ настоящей коллекціи «Средневѣковые города», къ которой мы и отсылаемъ читателя.

управленіе, все дѣлается ея достояніемъ, и всѣмъ этимъ она пользуется въ интересахъ то одного торговаго, то и торговаго, и ремесленнаго класса. Въ тѣхъ случаяхъ, когда города захватываютъ политическую власть и становятся фактически независимыми ни отъ кого республиками, интересы торговли и промышленности дѣлаются главной направляющей пружиной ихъ политики. Это особенно хорошо видно изъ исторіи итальянскихъ республикъ.

II.

Рыночная площадь является наиболѣе существенной частью города. Въ старыхъ городахъ она не всегда помѣщается въ центрѣ, но истинное значеніе рынка выясняется лучше всего изъ планировки новооснованныхъ городовъ. Тамъ прежде всего отмѣривали просторную площадь подъ рынокъ и отъ нея лучами проводили улицы. На рыночной площади сосредоточивалась вся жизнь города, рынокъ былъ въ буквальномъ смыслѣ его сердцемъ. Въ XII—XIII вѣкахъ на рынкѣ иногда прямо подъ открытымъ небомъ засѣдалъ городской совѣтъ, исполняли свои обязанности городскіе судьи. Когда городъ строилъ себѣ ратушу, онъ строилъ ее почти всегда на рыночной площади. Тутъ же сначала помѣщались висѣлица и позорный столбъ, пока отцы города не находили, что они безъ малѣйшаго ущерба для его достоинства могутъ быть вынесены за стѣны.

Въ центрѣ рынка обыкновенно находился фонтанъ, который въ позднѣйшее время городъ богато разукрашивалъ скульптурной работой. Иногда фонтанъ сочетался съ такъ называемымъ „Роландомъ“, статуей закованнаго въ броню рыцаря съ обнаженнымъ мечомъ въ рукахъ. Это — символъ того, что городъ обладаетъ правомъ высшаго судопроизводства и правомъ наказанія смертью и членовредительствомъ. Въ первое время въ нѣкоторыхъ городахъ особенно важныя дѣла разбирались въ буквальномъ смыслѣ „подъ Роландомъ“.

Рыночнымъ символомъ, знакомъ того, что рынокъ открытъ и функціонируетъ подъ охраною публичной власти, былъ крестъ, который съ XII в. стали выставлять на рынкѣ, потомъ появились

специальные рыночные флаги, соломенная метла, рѣже шляпа на шестѣ. Когда рынокъ кончался, символъ убирали.

На видномъ мѣстѣ на площади, иногда въ спеціальномъ помѣщеніи стояли большіе городскіе вѣсы, составлявшіе одинъ изъ источниковъ городскихъ доходовъ. Всѣ взвѣшиванія должны были производиться исключительно на нихъ; частныхъ вѣсовъ не допускалось. Это принужденіе распространялось какъ на мѣстныхъ, такъ и на заѣзжихъ торговцевъ.

У домовъ, окружающихъ рынокъ, не исключая ратуши и даже собора, если послѣдній находился на рыночной площади, лѣпились лавки и лавочки; ими были заняты всѣ мало-мальски подходящіе углы, да и сами дома, выходившіе на рынокъ окнами или арками, обыкновенно представляли собою магазины, принадлежавшіе болѣе крупнымъ купцамъ. Но обыкновенно этихъ помѣщеній не хватало и лавки приходилось устраивать на самой площади. Тутъ тѣснились подвижныя помѣщенія мелочныхъ торговцевъ, кремеровъ, тутъ устанавливались рядами повозки сельскихъ жителей, пріѣхавшихъ на рынокъ съ хлѣбомъ, зеленью, мясомъ, дичью. Тутъ же ремесленники выставляли предметы своего издѣлія по цехамъ: здѣсь сапожники, кожевники, шорники, тамъ кожевщики, слесаря, дальше токари, столяры, плотники и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. ювелиры обязаны были имѣть тутъ же мастерскую. Иногда для наиболѣе солидныхъ торговцевъ отводились помѣщенія въ самой ратушѣ. Въ Германіи этой привилегіей пользовались различные торговцы сукномъ. Помѣщенія въ первое время обыкновенно нанимались купцами и ремесленниками у сеньера, потомъ они либо выкупались въ частную собственность, либо цѣликомъ дѣлались достояніемъ городской общины, которая уже отъ себя сдавала ихъ въ аренду торговцамъ.

Въ рыночные дни на площади царило большое оживленіе. Отъ разсвѣта до сумерекъ толпились тамъ люди всѣхъ сословій: бюргерши осаждали лавки ювелировъ и кремеровъ, рыцарь торговалъ броню или мечъ у оружейника, важный и степенный членъ городского совѣта прицѣнивался къ мѣхамъ у заѣзжаго сѣвернаго купца, отецъ-экономъ сосѣдняго монастыря возвращался съ запасомъ ладана,

крестьянинъ показывалъ пріятелю обновку —шляпу, купленную только что. Тутъ же неподалеку долженъ былъ распаковывать свои возы проѣзжавшій черезъ городъ купецъ-оптовикъ съ грузомъ разноцвѣтныхъ суконъ: городъ имѣлъ право требовать этого отъ всякаго чужеземнаго купца, проѣзжавшаго съ товаромъ, въ силу одной изъ своихъ привилегій. Его осаждали мѣстные торговцы сукномъ, обрадовавшіеся случаю обновить по дешевымъ цѣнамъ свои запасы. По рынку важно прохаживались городскіе смотрители, наблюдавшіе за тѣмъ, чтобы не нарушалась „справедливая цѣна“, чтобы не было барышничества, чтобы не заключалось сдѣлокъ внѣ рынка.

Чѣмъ больше былъ городъ и чѣмъ значительнѣе его обороты, тѣмъ тѣснѣе было на рыночной площади, и естественнымъ результатомъ увеличенія торговли было отдѣленіе отъ центральнаго главнаго рынка другихъ, спеціальныхъ. Такъ, во многихъ городахъ были особенные скотопригонные, конскіе, хлѣбные, сѣнные, дровяные, угольные, рыбные, мясные, соляные, хмѣлевые, льняные, вайдовые рынки, которые иногда помѣщались на площадяхъ, а то просто на широкихъ улицахъ, запруживали движеніе, производили безпорядокъ, но такъ какъ товары, привозимые туда, были очень необходимы, то городскія власти не препятствовали крестьянамъ, бывшимъ главными поставщиками такихъ рынковъ, производить свои операціи.

III.

Еженедѣльный и ежедневный рынокъ не могли удовлетворить всѣмъ запросамъ торговли въ средніе вѣка. Въ то время уже намѣтилась потребность въ установленіи связей между различными промышленниками и торговыми районами, а средствъ къ постоянному поддержанію этихъ связей у эпохи не было. Сношенія приходилось поддерживать при помощи продолжительныхъ, трудныхъ и опасныхъ торговыхъ путешествій. Неудобства этихъ путешествій давно уже заставили людей задуматься надъ тѣмъ, какимъ образомъ довести ихъ до минимума. Единственнымъ средствомъ, которое удовлетворяло въ большей или меньшей степени этой потребности, представлялась ярмарка, или, какъ гласитъ другое названіе, напоминавшее время рѣдкихъ ярмарокъ при церквахъ,—месса.

Если и теперь еще, въ XX в., нашъ Макарій и его младшіе братья процвѣтаютъ, не смотря на существованіе желѣзныхъ дорогъ, телеграфа, телефона и сложной коммерческой техники, то для среднихъ вѣковъ потребность собрать въ опредѣленный срокъ въ опредѣленномъ мѣстѣ всѣ товары міроваго рынка, представлялась прямо настоятельной. Города были разобщены между собою, корреспонденція между купцами, живущими въ разныхъ мѣстахъ, почти невозможна. Заранѣе назначенный и разъ навсегда извѣстный сборный пунктъ устранялъ главныя неудобства. Опасности пути, конечно, оставались, но средневѣковый человѣкъ былъ радъ и тому, что они сокращались. Въ самомъ дѣлѣ, какому-нибудь купцу, напр., изъ Страсбурга было далеко не все равно, ѣхать ли въ Венецію и Миланъ или на Шампанскія ярмарки. Вестфальскій купецъ предпочиталъ два раза съѣздить въ Шампань или во Франкфуртъ, чѣмъ даже въ южно-германскіе города; даже для ульмскаго или вѣнскаго купца не всегда легко рѣшалась альтернатива—перевaливать черезъ Альпы или ѣхать въ болѣе отдаленный путь на сѣверъ. Однимъ словомъ, ярмарка въ средніе вѣка была необходимостью, и никогда ярмарочный торгъ не процвѣталъ въ такой степени, какъ въ средніе вѣка.

Было время, когда ярмарки были чуть не единственнымъ видомъ рынковъ въ Европѣ. Это было до наступленія новыхъ экономическихъ условій, когда единственнымъ крупнымъ товаромъ, циркулировавшимъ на міровомъ рынкѣ, были продукты востока да сукна фламандско-фрисландскаго района. Съ тѣхъ поръ потребность въ обмѣнѣ выросла, а пути сообщенія и торговая организація не стали лучше. Количество ярмарокъ сильно увеличилось. Ихъ было по нѣскольку въ каждой странѣ: Италія, Испанія, Англія, Фландрія имѣли каждая свои очень посѣщаемыя ярмарки, но главныя находились во Франціи и Германіи.

Во Франціи славились: старая ярмарка въ Сенъ-Дени, такъ назыв. Lendit, которая имѣла, скорѣе, мѣстный, чѣмъ международный характеръ, затѣмъ ярмарки въ Бокэрѣ на Ронѣ, недалеко отъ Марселя; это былъ съѣздъ торговцевъ востока и юга. Тутъ фигурировали купцы изъ Константинополя, Александріи, сирійскихъ портовъ, Туниса, Марокко, Венеціи, Генуи, Барселоны и изъ всѣхъ

городовъ южной Франціи. На первое мѣсто среди какъ французскихъ, такъ и европейскихъ ярмарокъ занимали знаменитыя шампанскія ярмарки.

Трудно представить болѣе благопріятное сочетаніе географическихъ и политическихъ условій. Шампань находилась въ узлѣ всѣхъ путей, по которымъ шла міровая торговля. Она лежала по дорогѣ купцовъ, идущихъ изъ Англіи въ Италію, изъ Фландріи въ Германію и къ Средиземному морю, она граничила съ промышленнымъ фламандскимъ райономъ, съ одной стороны, хлѣбородными и винодѣльными областями Германіи—съ другой, по ней протекали Сена и Маасъ, почти до границъ ея доходили Сона съ юга и Мозель съ востока. Графы Шампани прекрасно понимали все значеніе ярмарокъ и не жалѣли усилій, чтобы доставить посѣщавшимъ ихъ купцамъ полную безопасность и возможность свободной торговой дѣятельности; они покровительствовали купцамъ по пути на ярмарку или съ ярмарки, наказывали мелкихъ хищниковъ, умѣли обуздывать даже такихъ бароновъ, какъ герцоги лотарингскіе; они учредили спеціальныхъ чиновниковъ для ярмарки, установили цѣлые институты, необыкновенно хорошо приспособленные къ путанной, но по существу элементарной торговой организаціи того времени. Купецъ ѣхалъ въ Шампань съ полнымъ довѣріемъ, почти не опасаясь за цѣлость своего имущества. Благодаря всему этому шампанскія ярмарки, начиная со второй четверти XII в. и до начала XV, служили средоточіемъ товарнаго обмѣна и денежныхъ операцій въ Европѣ.

Всѣхъ шампанскихъ ярмарокъ было шесть и продолжались онѣ въ четырехъ городахъ почти безъ перерыва годъ въ такомъ порядкѣ: въ Труа, въ Провенѣ, опять въ Труа, въ Ланьи, въ Барѣ и опять въ Провенѣ. Начинался этотъ циклъ въ іюнѣ и кончался въ іюнѣ. Порядокъ каждой изъ ярмарокъ въ общемъ былъ слѣдующій. Первая недѣля отводилась на распаковку товаровъ и установку ихъ въ лавкахъ; желающій могъ еще увезти назадъ свое добро, не заплативъ пошлины. На девятый день начиналась суконная ярмарка, когда сукна и другія матеріи становились главнымъ предметомъ сдѣлокъ. Тутъ продаются ковры изъ Фландріи и Пикардіи, французскія и нѣмецкія полотна, бумажныя ткани съ юга и востока,

шелка изъ Венеціи и Ломбардіи, индійскій муслинъ и самые разнообразные сорта суконъ и шерстяныхъ матерій. Вечеромъ на десятый день ярмарку обходятъ спеціальные глашатаи и кричатъ: Hare! Hare! Это называлось Hare des draps и означало, что матеріи нужно убирать. На другой день открывалась ярмарка кожаныхъ и мѣховыхъ товаровъ, которая также заканчивалась къ извѣстному сроку. Съ самаго начала и до заключительнаго Hare шла торговля вѣсовыми товарами, т. е. кореньями, благоуханіями, аптекарскими товарами, красками, саломъ, солью, шелкомъ-сырцомъ, льномъ, коноплею и проч. Скотомъ и лошадьми тоже торговали до конца ярмарки. Въ послѣдніе дни заканчиваются счета на столахъ у мѣнялъ, но кредиторы обыкновенно требуютъ уплаты прошлогодняго долга за нѣсколько дней до Hare des draps, чтобы имѣть возможность пустить деньги въ суконныя операціи.

Оживленіе на ярмаркѣ царитъ необычайное. Тутъ на небольшомъ пространствѣ собираются купцы со всей Европы. Фламандцы, нѣмцы съ Рейна и изъ Верхней Германіи, итальянцы, испанцы, провансальцы, англичане, французы со всей Франціи, толкутся, тѣснятся, спорятъ, торгуются. Пестрая смѣсь племенъ и нарѣчій, многоязычный говоръ, пререканія и ссоры... Тутъ жонглеръ примостился и разсказываетъ веселый фабліо, тамъ представляютъ Петрушку; веселыя женщины пристаютъ къ степенному нѣмецкому бюргеру; а онъ пугливо оглядывается по сторонамъ, нѣтъ ли земляка; бродячіе школьники лѣзутъ со своими насмѣшками къ почтенной матронѣ, которая не знаетъ, какъ ей отъ нихъ отвязаться. Тутъ же неизбѣжные монахи; рыцарь жадно поглядываетъ на рослаго боевого коня, приведеннаго изъ Италіи, а юркій еврей вертится около него, почуявъ дѣло. Ярмарочные пристава ведутъ на спеціальный судъ, состоящій изъ купцовъ, неисправнаго должника; другія стражи прекращаютъ во-время драку между двумя мелочными торговцами, повздорившими изъ-за покупателя. Купцы изъ одного и того же города угощаютъ купленнымъ здѣсь же виномъ своего консула. Изрѣдка появляется на ярмаркѣ самъ графъ въ сопровожденіи свиты, ярмарочныхъ стражей, важнѣйшихъ коп-

суловъ и „ректора", т. е. главнаго представителя итальянскихъ купцовъ *).

Надзоръ за ярмарками былъ порученъ ярмарочнымъ приставамъ (custodes nundinarum, или grands maitres или baillis des foires); они завѣдуютъ полиціей и администраціей, слѣдятъ за тѣмъ, чтобы исполнялись ярмарочныя постановленія, обнародовали эти постановленія, привлекаютъ къ суду купцовъ и исполняютъ судебные приговоры. Ихъ замѣстители называются clercs de foires; канцлеръ (chancelier, или garde du sceau des foires) хранитъ печать ярмарки и прикладываетъ ее къ ярмарочнымъ актамъ въ доказательство ихъ подлинности. За порядкомъ на ярмаркѣ, за безопасностью дорогъ слѣдятъ сержанты (sergents des foires), которые являются своего рода городовыми. Наконецъ, ярмарочные нотаріусы свидѣтельствуютъ всякаго рода письменныя сдѣлки и договоры между купцами. Финансовая часть находилась въ рукахъ мелкихъ должностныхъ лицъ, которыя собирали торговыя пошлины, завѣдовали взвѣшиваніемъ, мѣрами и проч.

Шампанскія ярмарки были фокусомъ европейской торговли XII—XIV вв. Нѣмецкія ярмарки были основаны, большой частью позднѣе, чѣмъ шампанскія, но благодаря географическимъ условіямъ, тоже пріобрѣли большое значеніе. Изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть на первомъ мѣстѣ Франкфуртскую на Майнѣ, первое извѣстіе о которой относится къ 1240 году. Кромѣ нея, имѣютъ значеніе Дуисбургская, Ахенская, Оппенгеймская, Вормская, Шпейерская, Кельнская.

Въ Италіи славились ярмарки Миланская, Феррарская, Венеціанская, Пьяченцская, Генуэзская, Павійская; въ Англіи — Бостонская, Сентъ-Ивская, Стэмфордская, Эдмондсберійская и особенно Уинчестерская и Стербриджская. Послѣдняя обслуживала Восточную Англію и служила для торговли съ Фландріей, а Уинчестерская—для южныхъ графствъ и торговли съ Франціей. Вотъ какъ происходила эта ярмарка.

Она была пожалована уинчестерскому епископу королями и

*) У итальянцевъ въ концѣ XIII в. было цѣлыхъ 23 консула, т. е. представители купцовъ, пріѣхавшихъ на ярмарку изъ одного и того же города.

длилась шестнадцать дней. Утромъ 21 августа спеціальные чиновники объявляли отъ имени епископа ярмарку открытой, затѣмъ принимали ключи города и вѣсы на шерстяномъ рынкѣ отъ городскихъ властей и вмѣстѣ съ послѣдними назначали особыхъ должностныхъ лицъ, которые должны были управлять городомъ на время ярмарки: власть мэра и бэлифовъ на это время прекращалась. Между тѣмъ на холмѣ, гдѣ долженъ былъ происходить ярмарочный торгъ, шла дѣятельная работа. Купцы разныхъ національностей, пріѣхавшіе на ярмарку, устанавливали свои лавки. Какъ и на всѣхъ вообще ярмаркахъ группировка шла по національностямъ и предметамъ торговли: сукно отдѣльно, вѣсовые товары отдѣльно. Тутъ же занимались своей работой ремесленники, которыхъ на время ярмарки переселили сюда изъ города. Тутъ же ярмарочные судьи разбирали тяжбы и принимали жалобы; за порядкомъ смотрѣли вассалы епископа, спеціально изъ-за этого пріѣхавшіе на ярмарку. Ярмарка была обнесена заборомъ, у воротъ котораго взималась пошлина. Но платили ее не всѣ: для нѣкоторыхъ англійскихъ купцовъ существовала законная льгота, освобождавшая ихъ отъ пошлинъ, если они пріѣзжали въ теченіе первой недѣли, а потомъ отъ пошлинъ умудрялись избавляться, прорывая ходы подъ стѣною. На время ярмарки должна была прекратиться всякая торговля въ Уинчестерѣ и на семь миль кругомъ. Это правило было введено также въ интересахъ епископскаго фиска, ибо если бы можно было торговать рядомъ съ ярмаркой, никто бы не сталъ платить пошлинъ и входить въ ярмарочную ограду.

Сопоставляя описаніе шампанскихъ ярмарокъ и ярмарки уинчестерской, читатель легко увидитъ, какую огромную роль придавали современники этого рода рынку. Заботы шампанскихъ графовъ о безопасности купцовъ, прекращеніе дѣятельности постоянныхъ властей—это не исключительно уинчестерскій обычай, а почти общее правило—назначеніе спеціальнаго суда и проч., все это показываетъ, что на ярмарку смотрѣли, какъ на что-то очень важное, изъ за чего не грѣхъ отступить отъ обычныхъ жизненныхъ нормъ. Прошли уже тѣ времена, когда на монастырскихъ мессахъ собирались случайные, больше восточные, да еврейскіе купцы и фигури-

ровали почти исключительно предметы роскоши. Теперь на ярмарку привозилось все и пріѣзжали всѣ. Она сдѣлалась необходимымъ элементомъ хозяйственнаго обихода.

IV.

Когда торговля стала отвѣчать назрѣвшимъ потребностямъ общества, тогда стали измѣняться и условія, при которыхъ она существовала въ Европѣ.

Мы видѣли, что до крестовыхъ походовъ почти не было купцовъ-спеціалистовъ, кромѣ евреевъ, да „фризовъ". Еврей привозилъ товаръ съ востока, фризъ былъ экспортеромъ единственнаго крупнаго предмета европейской промышленности ранняго періода среднихъ вѣковъ — шерстяныхъ товаровъ. Но между востокомъ и западомъ явились другіе посредники, а шерстяная промышленность распространилась по всей Европѣ. Поэтому, изъ области крупной торговли были вытѣснены одинъ за другимъ, какъ еврей, такъ и фризъ. Вполнѣ ясно, почему это должно было случиться. Предметами крупной торговли были либо восточные товары, либо продукты европейской текстальной промышленности: главнымъ образомъ сукно. Восточные товары прежде, чѣмъ попасть къ потребителю, лежали въ складахъ венеціанскихъ или генуэзскихъ купцовъ, которые закупали ихъ въ левантскихъ портахъ, привозили къ себѣ и затѣмъ партіями сбывали на европейскія ярмарки. Конкуррировать съ итальянцами на міровомъ рынкѣ было трудно, и дѣятельность другихъ южно-европейскихъ купцовъ, которые имѣли связи съ Левантомъ, едва ли выходила изъ рамокъ торговли въ предѣлахъ опредѣленнаго государства. Барселонскіе купцы снабжали Испанію; провансальскіе и лангедокскіе — южную Францію. Торговля восточными москательными товарами и шелковыми матеріями шла, такимъ образомъ, преимущественно черезъ Италію, итальянскіе купцы и забрали въ свои руки оптовую торговлю этими предметами.

Появленію оптовой торговли сукномъ способствовало нѣсколько причинъ. Намъ уже извѣстно, что не только въ Италіи и Фландріи, но отчасти и въ Германіи и Франціи шерстяная промышленность получила капиталистическую организацію. Предприниматель, обладаю-

щій капиталомъ, мало-по малу подчинялъ себѣ рабочихъ и становился своего рода главою цѣлаго дѣла: онъ закупалъ сырье, заказывалъ сукна и затѣмъ самъ пускалъ готовые фабрикаты на рынокъ. Примѣръ того, какъ дѣло было поставлено въ богатомъ южно-нѣмецкомъ городѣ Ульмѣ, представляется наиболѣе характернымъ. Здѣсь шерстобиты (Marner) захватили въ свои руки торговыя операціи по закупкѣ шерсти и продажѣ сукна и путемъ полудобровольнаго полувынужденнаго соглашенія съ другими ремесленниками регулировали производство. Операціи ульмскихъ марнеровъ раскинулись на довольно значительный районъ. Они закупали сырую шерсть на рейнскихъ ярмаркахъ, а продавали сукно въ Баварію и Австрію; здѣсь они запасались мѣстными продуктами: солью, желѣзомъ, которые въ свою очередь сбывали на Рейнѣ. Такимъ образомъ, производство шерсти мало-по малу привело къ образованію класса крупныхъ торговцевъ. Въ Ульмѣ они назывались Kaufleute и образовали особый цехъ, но большинство его членовъ были шерстобиты, а въ 1405 г. городской совѣтъ постановилъ, что въ старшины цеха могли избираться только шерстобиты.

Но не одна промышленность вела къ появленію крупныхъ торговцевъ.

Выше говорилось, что первые куски сукна появились въ Германіи (прирейнской) изъ страны фризовъ. Фризскіе купцы продавали свой товаръ, но только цѣлыми кусками; при случаѣ они не отказывались отмѣривать его и на одну-двѣ одежды; но при этомъ они его, конечно, продавали дороже. Выгодность этой операціи не могла не бросаться въ глаза мѣстнымъ купцамъ; они очень скоро додумались до того, что если они будутъ покупать сукно кусками, и распродавать на мѣрку, то это сулитъ имъ большія выгоды. Такъ и было. Въ рейнскихъ городахъ появились розничные торговцы сукномъ (Gewandschneider). Въ началѣ эти купцы не отличались ни по характеру дѣятельности, ни по размѣрамъ оборотовъ отъ другихъ купцовъ, торговавшихъ въ городѣ, но мало-по малу они отвоевали себѣ совершенно особое положеніе. Купцу, торговавшему сукномъ на отрѣзъ, и торговавшему хорошо, приходилось задумываться надъ тѣмъ, какимъ образомъ возобновить

свои запасы. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ ожидали пріѣзда чужеземнаго купца, но когда потребленіе сукна увеличилось, то сидѣть такимъ образомъ у моря и ждать погоды оказалось очень невыгодно. Нужно было самимъ сдвигаться съ мѣста и ѣхать за товаромъ. Большинство предпочитало обращаться въ ближайшую ярмарку; иногда, сговорившись между собою, купцы одновременно закрывали лавочки, отправлялись на ярмарку и одновременно возобновляли торговлю, вернувшись назадъ. Такой порядокъ, однако, не удовлетворялъ болѣе предпріимчиваго купца. Закупка на ярмаркѣ не давала большихъ барышей, и онъ рѣшался пуститься въ отдаленный, трудный и опасный путь къ мѣсту производства суконъ, куда-нибудь въ Брюгге или другой фламандскій городъ. Тамъ выборъ былъ больше, тамъ онъ могъ купить дешевле и, слѣдовательно, заработать потомъ больше. Но въ этихъ случаяхъ, конечно, онъ закупалъ больше, чѣмъ могла продать его собственная лавка, и свой излишекъ сбывалъ своимъ товарищамъ.

Отправляясь за товаромъ, купецъ ѣхалъ, обыкновенно, не съ пустыми возами, а нагружалъ ихъ товарами, которые надѣялся сбыть по дорогѣ или на мѣстѣ. А такъ какъ городская торговая политика запрещала чужому купцу торговать въ розницу, то онъ по дорогѣ распродавалъ свой товаръ довольно быстро. На мѣстѣ назначенія онъ обмѣнивалъ его на сукно, а по дорогѣ, обыкновенно, на деньги. Такія путешествія требовали предпріимчивости и нѣкотораго капитала, а нѣсколько удачныхъ путешествій подрядъ превращали обыкновеннаго розничнаго торговца сукномъ въ крупнаго оптовика. Первое время оптовая экспортная и импортная торговля, обыкновенно, не заставляла прекращать мѣстной торговли сукномъ въ розницу; всегда, возвращаясь изъ торговой экспедиціи, купецъ первымъ долгомъ снабжалъ товаромъ свою собственную лавку. Но мало-помалу выяснялось, что гораздо выгоднѣе продать товаръ сразу и единовременно получить нѣсколько меньшую прибыль, чѣмъ въ теченіе цѣлаго года распродавать его по частямъ. Часть купцовъ тогда стала посвящать себя исключительно оптовой торговлѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше увеличивалось ихъ количество, расши-

рялись ихъ обороты и привлекались къ ихъ операціямъ все новыя и новыя сферы предпріятій.

Но крупныхъ купцовъ даже въ Италіи до XIV в. было очень немного. Большинство, та однородная масса, изъ которой выдѣлились рознично - оптовые экспортеры и импортеры, принадлежала къ той категоріи торговцевъ, которые въ нѣмецкихъ источникахъ носятъ названіе кремеровъ, Krämer *). Кремеръ—мелочной торговецъ, содержатель лавки на рыночной площади. Пока нѣтъ твердыхъ рынковъ, разъ навсегда пріуроченныхъ къ опредѣленному мѣсту, кремеръ кочуетъ съ рынка на рынокъ. Это не прежній странствующій купецъ. У того были всякіе товары, ибо онъ долженъ былъ быть готовъ ко всякому спросу. Кремеръ держитъ только опредѣленный товаръ, и всякій знаетъ, что можно у него найти. По самому свойству его промысла онъ не можетъ держать громоздкихъ, тяжелыхъ вещей, не можетъ держать и такихъ, которые потребляются въ большомъ количествѣ и занимаютъ много мѣста; этого не позволяютъ ему его средства передвиженія. Въ его лавкѣ, главнымъ образомъ, собрано то, что имѣетъ болѣе или менѣе значительную цѣнность и потребляется въ малыхъ количествахъ: у него можно добыть коренья, приправы, благоуханія, какъ у нынѣшнихъ москательщиковъ; но у него есть и галантерея: ленты, чулочные товары, шелковыя издѣлія; далѣе, мелкія вещи изъ стали, олова, желтой мѣди, дерева, кости, янтаря. Къ мелочнымъ торговцамъ обыкновенно причислялись и ремесленники, торговавшіе на городской площади предметами своего издѣлія. Такимъ образомъ, въ городахъ почти всюду намѣчалось раздѣленіе торговаго класса на двѣ группы крупныхъ и мелкихъ торговцевъ. Это раздѣленіе было вызвано чисто экономическими причинами. Юридически въ положеніи тѣхъ и другихъ въ началѣ не было рѣшительно никакой разницы **).

*) Названіе произошло отъ слова krâm, что означаетъ протянутая матерія=верхъ палатки=крыша рыночной лавочки=рыночная лавочка.

**) Не слѣдуетъ думать, что Gemandschneider'ы и кремеры—два единственныхъ класса среди купцовъ. Кромѣ нихъ было еще и другіе: торговцы хлѣбомъ, желѣзомъ, шерстью, солью, виномъ и проч. Но два указанныхъ класса всюду играютъ выдающуюся роль и болѣе отчетливо складываются въ опредѣленныя группы.

Торговля, начиная съ XII вѣка, сосредоточивается мало-помалу въ городахъ. Владѣльцамъ городовъ выгодно это, ибо они получаютъ всякія пошлины; и они изо всѣхъ силъ стараются привлекать къ себѣ носителей торговли, купцовъ. Приманкою служатъ всевозможныя льготы и привилегіи, и притокъ жителей въ городѣ принимаетъ все большіе и большіе размѣры *). Приселенцамъ обезпечиваютъ право свободнаго торга на рыночной площади, спеціальнаго суда по торговымъ дѣламъ, свободу отъ многочисленныхъ податей, безопасность торговыхъ странствованій. Если приселенецъ— несвободный, то городской воздухъ, при условіи, если тотъ проживетъ въ немъ годъ съ днемъ, сотретъ съ него клеймо крѣпостничества и сдѣлаетъ свободнымъ человѣкомъ. Въ эту эпоху мы и не встрѣчаемъ купцовъ, которые не были бы лично свободны. Свобода приходила, едва человѣкъ, рѣшившій посвятить себя торговой дѣятельности, успѣвалъ привыкнуть къ своему новому положенію.

Торговля по самому своему существу не можетъ уживаться съ несвободнымъ состояніемъ. Она требуетъ для своихъ адептовъ нестѣсненной никакой регламентаціей дѣятельности. Коммерческіе разсчеты и операціи заставляютъ купца быть постоянно наготовѣ, онъ долженъ всегда разсчитывать, что дѣла могутъ потребовать его присутствія то во Фландріи, то въ Шампани, то на Рейнѣ. Несвободный человѣкъ не можетъ быть крупнымъ купцомъ. Гражданская свобода зарождается подъ эгидою торговли.

Купецъ XII—XIV вв. уже не странствующій купецъ, кочующій по помѣстіямъ и ярмаркамъ, какимъ былъ его предшественникъ X вѣка, но онъ и теперь проводитъ въ странствованіяхъ половину своего времени. Онъ ѣздитъ либо въ крупные промышленные центры, либо на ярмарки, то съ цѣлью закупки, то съ цѣлью продажи. Дома, въ родномъ городѣ живетъ онъ сравнительно мало. Одѣтый въ свою прочную дорожную куртку, охваченную поясомъ, на которомъ виситъ кошель съ деньгами, закутанный

---

*) Подробное изложеніе всѣхъ процессовъ, имѣющихъ связь съ ростомъ городовъ, читатель найдетъ въ моей книгѣ «Средневѣковые города Западной Европы», вышедшей въ настоящей серіи.

въ теплый шерстяной плащъ, охраняющій его отъ стужи и дождя, ѣдетъ купецъ верхомъ на одной изъ лошадей, везущихъ телѣгу съ товаромъ. Съ одной стороны сѣдла виситъ мѣшокъ съ кормомъ для лошади, съ другой—тяжелый мечъ, которымъ въ случаѣ необходимости нашъ купецъ съумѣетъ дѣйствовать превосходно. Запряжки бываютъ обыкновенно многоконныя, до семи лошадей *), ибо товару всегда везется много. Купца сопровождаютъ, кромѣ конвоя **), его собственные люди, на случай разсыпанныхъ по всему пути опасностей. Въ XIII—XIV вѣкахъ почти не бываетъ случая, чтобы купецъ отправлялъ товаръ безъ себя. Такъ какъ капиталы въ то время были небольшіе, то въ одну экспедицію нерѣдко вкладывалось все имущество, и естественно, что купцу не хотѣлось пускать его на авось и жить въ неизвѣстности на его счетъ въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ.

Опасности и препятствія, которыя стерегутъ купца очень значительны, но они не останавливаютъ его, какъ не останавливаетъ его и полная безграмотность, неумѣніе ни читать, ни писать, ни считать ***). Духъ наживы сильнѣе, да къ тому же въ средніе вѣка и, дома сидя, можно было такъ же легко встрѣтиться съ опасностью. Когда мечъ виситъ у бедра и кинжалъ на поясѣ, жизнь цѣнится не дорого, и страха смерти не знаютъ люди, рѣдко умирающіе на постели. А путешествіе въ чужую страну такъ привлекательно, такъ заманчиво; въ чужихъ краяхъ можно увидѣть столько диковиннаго. И главное, тамъ платятъ въ тридорога за мѣстные продукты и чуть не даромъ продаютъ такіе товары, за которые на родинѣ у купца платятъ колоссальныя цѣны. Психика средневѣковаго человѣка совершенно не похожа на психику современнаго, и если бы средневѣковый купецъ былъ похожъ на своего современнаго потомка, мы никогда не поняли бы, какимъ образомъ могла въ такихъ убійственныхъ условіяхъ развиваться средневѣковая торговля.

---

*) Съ одноконной телѣжкой путешествуютъ, обыкновенно, только кремеры по ближайшей округѣ.

**) О конвоѣ см. ниже стр. 103.

***) Въ Италіи грамотность среди купцовъ дѣлается обычной не раньше XIII в., въ другихъ странахъ позднѣе.

V.

Препятствія, стоявшія на пути средневѣковаго купца, были весьма разнообразны и заслуживаютъ подробнаго изученія. Такъ какъ купецъ былъ существомъ странствующимъ, то первымъ долгомъ нужно разсмотрѣть, при какихъ условіяхъ ему приходилось передвигаться съ мѣста на мѣсто. Намъ, привыкшимъ къ желѣзнымъ дорогамъ и благоустроеннымъ шоссейнымъ путямъ, трудно даже представить себѣ, какою мукою было въ средніе вѣка путешествіе съ торговой цѣлью.

Сносныя дороги были только въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ болѣе или менѣе продолжительное время продержалось римское господство: въ Италіи, Франціи, Испаніи, Британіи и романизованной Германіи, но такъ какъ ихъ не чинили или чинили плохо, то съ теченіемъ времени они становились все хуже и хуже до полной непроходимости. Что касается новыхъ дорогъ, то онѣ были далеко не такъ прочны, какъ римскія, скорѣе приходили въ упадокъ и скорѣе становились непроходимы. Собственно говоря, въ средніе вѣка, до XIII в. новыхъ дорогъ никто не устраивалъ. Онѣ появлялись сами собою. Ихъ протаптывали телѣги и всадники. И нѣтъ ничего удивительнаго, что непроходимыхъ дорогъ было несравненно больше, чѣмъ проходимыхъ. Поэтому, купеческій обозъ очень часто попадалъ въ весьма трагическое положеніе. Происходило все это отъ того, что вслѣдствіе общественной анархіи никто не хотѣлъ признать своею обязанностью поддержаніе дорогъ. Да и съ публично-правовой точки зрѣнія не всегда было ясно, на кого падала эта обязанность. Въ Англіи она лежала на приходахъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дорожную повинность несли частные владѣльцы, во Франціи она, повидимому, возлагалась на бароновъ безъ всякихъ оговорокъ, въ Германіи ей были подчинены прежде всего территоріальные князья. Естественно, что всѣ эти люди, которыхъ очень трудно было къ чему-нибудь принудить, принимались за починку дорогъ лишь тогда, когда это было имъ выгодно, т. е. когда хорошая дорога могла поднять

благосостояніе находящагося на ихъ землѣ города или когда она могла доставить ихъ казнѣ значительную сумму въ видѣ проѣздныхъ пошлинъ. А такъ какъ до середины XII вѣка ни того, ни другого соображенія не существовало, то дороги и покрывались безпрепятственно глубокими рытвинами и канавами, въ которыхъ увязали всадники и телѣги. Въ глухія времена среднихъ вѣковъ одни только монастыри изъ-за собственной выгоды поддерживали проходившія по ихъ владѣніямъ дороги, а позднѣе, когда возродившаяся торговля стала оказывать свое вліяніе на общественную жизнь, починка дорогъ сдѣлалась выгодной и баронамъ. Но главнымъ образомъ этимъ дѣломъ занялись муниципалитеты, для которыхъ оно являлось однимъ изъ наиболѣе насущныхъ вопросовъ, и первыми выступили на этотъ путь муниципалитеты торговыхъ городовъ Фландріи и Брабанта, которые еще въ XIII в. стали исправлять старыя римскія дороги.

Больнымъ мѣстомъ средневѣковыхъ путей сообщенія было также состояніе мостовъ. Римскіе мосты разрушились гораздо раньше, чѣмъ римскія дороги, а строить и поддерживать мосты было труднѣе и требовало большихъ расходовъ, чѣмъ поддержаніе дорогъ. Поэтому, даже въ наиболѣе бойкихъ мѣстахъ для переправы нерѣдко были перекинуты простые деревянные мосты, которые исправно проваливались и губили народъ; а очень часто никакихъ мостовъ не было, а былъ самый обыкновенный паромъ, который подъ большой тяжестью погружался въ воду и, потопивъ своихъ пассажировъ, вновь продолжалъ свою дѣятельность. А то не было даже паромовъ, а функціонировалъ по просту бродъ, еще болѣе губительный для путниковъ. Тамъ, гдѣ государственная власть имѣла возможность вмѣшаться въ организацію сношеній, она поручала дѣло поддержанія мостовъ особымъ приставамъ. Такъ было съ большимъ Рочестерскимъ мостомъ въ Англіи, но и это не всегда помогало, ибо пристава, хотя и взыскивали мостовыя пошлины весьма аккуратно, но расходовать ихъ предпочитали по своему усмотрѣнію. И тутъ церковь явилась на помощь обществу въ то время, когда о немъ некому было позаботиться; она умѣла убѣждать людей, что принять участіе въ постройкѣ моста — дѣло душеспасительное.

Каменныхъ мостовъ стало строиться больше, но ихъ постройка долго считалась очень трудной технической задачей, и потому количество каменныхъ мостовъ, возникшихъ въ средніе вѣка, не велико. Первые возникли въ Фландріи въ XIII в., въ другихъ частяхъ Европы они появились позднѣе.

Такъ какъ сухопутныя дороги были плохи, то купцы предпочитали всюду, гдѣ это было возможно, пользоваться водными. И прежде всего пріобрѣтаютъ значеніе рѣчные пути. Рѣчное судоходство въ средніе вѣка играетъ очень большую роль, но и оно не всегда свободно отъ непріятныхъ сюрпризовъ. Такъ какъ въ первыя времена, а въ значительной степени и потомъ, владѣльцами рѣкъ были бароны, то они смотрѣли на нихъ, главнымъ образомъ, какъ на доходную статью и мало заботились о томъ, чтобы поддерживать ихъ въ хорошемъ состояніи. Объ углубленіи русла, о расширеніи фарватера и другихъ улучшеніяхъ мы почти не слышимъ, зато то и дѣло слышимъ, что судно разбилось о береговые камни, сѣла на мель и проч. А такія неожиданности, какъ увидимъ ниже, означали для купца потерю всего груза.

Морскія путешествія имѣли свои опасности. Плохо выстроенныя суда не всегда могли противостоять бурѣ. Пока не былъ изобрѣтенъ компасъ, руководителями служили въ открытомъ морѣ звѣзды, такъ что въ пасмурныя ночи приходилось держать путь наугадъ. А если пловцы не хотѣли удаляться отъ берега, то тутъ ихъ стерегли другія опасности въ видѣ скалъ и мелей. Маяковъ было немного, да имъ и не всегда можно было довѣряться.

По какому бы пути купецъ не поѣхалъ: по сухопутному, рѣчному или морскому, онъ долженъ былъ всегда быть настороже, ибо лихихъ людей при экономической необезпеченности и отсутствіи организованной общественной охраны въ то время было очень много. Обыкновенныя разбойничьи шайки, отряды рыцаря, разбойника, стерегли купца и его товаръ гдѣ нибудь въ глухомъ мѣстѣ— въ лѣсу, въ ущельѣ, въ горахъ, и, если съ купцомъ не было людей, съ которыми онъ могъ бы отбиться, то дѣло кончалось плохо. При рѣчныхъ путешествіяхъ купцы также не могли считать себя избавленными отъ разбойничьихъ нападеній. На берегахъ рѣкъ

стояли замки, изъ которыхъ рыцари наблюдали за проѣзжавшими купцами. Обыкновенно они ограничивались тѣмъ, что взыскивали съ нихъ положенную пошлину, но при благопріятныхъ условіяхъ не прочь были завладѣть всѣмъ товаромъ, пустивъ ихъ владѣльца съ пробитой головой внизъ по теченію. На морѣ постоянно крейсировали пираты, отъ которыхъ отбиться было очень трудно, и отъ которыхъ просто нужно было убѣгать и благословлять судьбу, если это удавалось.

Эти дорожныя опасности заставляли купцовъ изобрѣтать всевозможныя средства, чтобы избѣжать ихъ. Первое, до чего додумались была самопомощь. Купцы соединялись въ караваны*), брали съ собою цѣлые отряды вооруженныхъ слугъ и тогда уже смѣлѣе пускались въ путь. Но не всегда даже такого отряда было достаточно. Присутствіе большаго количества людей заставляло думать, что караванъ везетъ дорогіе товары и разжигало аппетиты какого-нибудь барона, зорко сторожившаго пролегавшій мимо его замка путь. Казалось, что будетъ гораздо безопаснѣе заключить договоръ съ барономъ, черезъ владѣнія котораго проѣзжали, и просить его за извѣстную плату дать конвой. Это помогало до тѣхъ поръ, пока просьба о конвоѣ была предоставлена на усмотрѣніе купца, но мало-помалу снабженіе купца конвоемъ сдѣлалось *правомъ* (Geleitrecht) барона, и новымъ источникомъ дохода для него; купецъ не могъ отказаться отъ конвоя, и, если ему не хотѣлось платить, то баронъ легко могъ доказать ему, что онъ нуждался въ конвоѣ, ограбивъ его собственноручно. Вообще, право конвоя приводило ко многимъ злоупотребленіямъ; его отчуждали, дробили, и, конечно, всѣ сдѣлки, заключавшіяся между баронами, отзывались на шкурѣ злополучнаго купца, которому приходилось вмѣсто одного раза, платить по нѣскольку. Только съ городскимъ конвоемъ—нѣкоторые города также пріобрѣли себѣ это право—купецъ могъ чувствовать себя безопасно, но, къ сожалѣнію, городской конвой провожалъ его только до границы городской территоріи; а она, обыкновенно, не была велика. Принимались и другія мѣры, чтобы затруднить для рыцарей-разбойниковъ неожиданныя нападенія. Такъ какъ они обы-

*) Ср. выше, стр. 146.

кновенно прятались въ лѣсу, то въ XIII в. было постановлено вырубать лѣсъ на разстояніи 200 футовъ по обѣимъ сторонамъ дороги.

Не всѣ бароны наживались незаконными способами, но даже тѣ законные способы обиранія купцовъ, которое выработало феодальное обычное право, представляются немногимъ лучше, чѣмъ прямой грабежъ. Таково было призовое право помѣщика.

Если корабль терпѣлъ крушеніе, то всѣ вещи, выброшенныя на берегъ считались собственностью того барона, во владѣніи котораго находился берегъ. Это—одна разновидность призового права—такъ называемое береговое право (droit de bris, Strandrecht). Оно доставляло огромные доходы, и бретонскій помѣщикъ, называвшій своимъ лучшимъ сокровищемъ скалу, о которую разбивались купеческіе корабли, былъ вполнѣ правъ. Наживались отъ призового права не одни только бароны, но и крестьяне, которымъ перепадало не мало добра изъ выброшеннаго на берегъ. Для увеличенія своихъ доходовъ, они часто зажигали на берегу фальшивые маяки, идя на свѣтъ которыхъ, судно со всего размаху ударялось о скалы. То же самое правило было дѣйствительно и для рѣчныхъ кораблекрушеній. Но ѣдущій по рѣкѣ купецъ долженъ былъ опасаться не столько настоящихъ крушеній—они на рѣкахъ случались не часто—сколько мелководья. Стоило ему сѣсть на мель—и его судно со всѣмъ товаромъ дѣлалось собственностью помѣщика. Это называлось Grundruhrrecht. Въ сухопутныхъ путешествіяхъ ему соотвѣтствовала поломка телѣги: если ось касалась земли, купецъ точно также лишался своего товара. А это случалось довольно часто. Хотя въ это время телѣги сколачивались необыкновенно прочно, но дороги были до того плохи, что даже эти фундаментальныя сооруженія не выдерживали. Да и не было необходимости, чтобы телѣга непремѣнно сломалась. Достаточно было, чтобы она перевернулась, попавъ одной стороной въ рытвину. Послѣдствія были тѣ же.

Купцы неоднократно дѣлали попытки добиться уничтоженія призового права и въ XII в. не только въ Англіи и Франціи, но отчасти даже и въ Германіи были изданы законы, отмѣняющіе его. Иногда его приходилось прямо выкупать для купцовъ одного какого-нибудь города. Такъ выкупилъ его Любекъ для своихъ. Но,

несмотря на все это, практика призового права продолжалась еще довольно долго.

VI.

Другимъ бичемъ торговли были, какъ и раньше, частныя таможни. Тѣ мѣры, которыя принималъ противъ незаконнаго взиманія пошлинъ Карлъ Великій, не имѣли прочнаго значенія, и въ эпоху смутъ, послѣдовавшую за смертью великаго императора, все опять вернулось къ доброму старому времени, когда помѣщикъ воленъ былъ дѣлать, что только захочетъ и могъ построить мостъ на совершенно сухомъ мѣстѣ, чтобы взимать съ проходящихъ мостовщину. Пошлины устанавливались самимъ помѣщикомъ, и таможенныхъ пунктовъ могло быть сколько угодно. Въ XI—XII вѣкахъ ихъ было огромное количество, въ XIII—XIV стало нѣсколько меньше, но и то, напримѣръ, на Ронѣ и Сонѣ было 60 заставъ, на Гарронѣ—70, на Рейнѣ въ XIII в.—44, а въ слѣдующемъ—64 и т. д. Тщетно слабая публичная власть убѣждала сеньеровъ сократить свои аппетиты, тщетно уговаривала ихъ хоть часть денегъ употребить на поддержаніе путей сообщенія: купцы платили, бароны наживались, а дороги и рѣки не становились лучше. Пошлины были и теперь еще очень разнообразны, хотя нѣкоторые виды и исчезли. Главными были: пеажи и мостовщина, проѣздныя, береговыя, октруа и транзитныя. Бароны придумывали всевозможныя средства, чтобы заставить купцовъ платить больше, купцы въ свою очередь пускались на ухищренія, чтобы надуть сеньера и заплатить меньше, выдавали себя за рыцарей, которые были свободны отъ уплаты пошлинъ и проч. Въ концѣ концовъ, пошлины были невысоки и, конечно, перекладывались купцами на потребителя. Но постоянныя задержки и безцеремонное обращеніе съ товаромъ при досмотрѣ наносили купцамъ, нерѣдко, большой ущербъ.

Возникаетъ вопросъ, неужели государственная власть не дѣлала попытокъ прійти на помощь къ купцамъ. Мы уже знаемъ, что при Карлѣ Великомъ купцы пользовались охраною во время своихъ путешествій, но потомъ и торговля пала и государственная власть ослабѣла, и купеческія привилегіи пришли въ упадокъ. О нихъ

пришлось вспомнить въ XII вѣкѣ, когда торговля возродилась вновь и сдѣлалась важнымъ общественнымъ моментомъ. Короли и крупные феодальные владѣтели, которые уже стали извлекать выгоду изъ торговыхъ сношеній въ видѣ пошлинъ, пришли къ убѣжденію, что отдавать купцовъ въ жертву своеволія мелкихъ бароновъ невыгодно имъ самимъ. Тогда возродилась и идея того особеннаго мира, который въ старину охранялъ купцовъ именемъ короля. Но этого оказалось мало. Раньше купца представляли себя только странствующимъ, такъ какъ купеческихъ поселеній не было; теперь онъ все болѣе и болѣе становился осѣдлымъ. Миръ, охранявшій купцовъ въ дорогѣ, былъ распространенъ и на купцовъ, поселившихся гдѣ-нибудь, но тутъ онъ сливался съ другимъ миромъ, который, согласно обще-германскимъ обычно-правовымъ воззрѣніямъ, охранялъ всякое огороженное мѣсто *). И этотъ послѣдній миръ былъ гораздо болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ дорожный миръ; задержать и наказать преступника въ городѣ было легче, чѣмъ поймать въ лѣсу или въ полѣ разбойника, а если этотъ разбойникъ былъ рыцаремъ, то, чтобы наказать его, нужно было сначала взять его замокъ. У государственной власти не всегда имѣлись въ рукахъ средства для этого, и большинство насилій, совершенныхъ надъ купцами, оставались безнаказанными.

Что касается льготъ и привилегій вродѣ тѣхъ, которыми купцы пользовались при Карлѣ Великомъ, то теперь они совершенно измѣнили свой смыслъ. Карлъ разсматривалъ свою монархію, какъ культурное цѣлое и стремился во всемъ давать выраженіе тому государственному единству, которое онъ хотѣлъ видѣть въ имперіи, но котораго на самомъ дѣлѣ не было. Поэтому, онъ поощрялъ всякую культурную дѣятельность, которая по самому своему существу не считалась съ племенными различіями. Поэтому, онъ такъ покровительствовалъ и торговлѣ, хотя она и не вызывалась хозяйственными запросами и въ тѣхъ большихъ размѣрахъ носила несомнѣнно искусственный характеръ. Карлъ думалъ, что, покровительствуя купцамъ, онъ исполняетъ свою культурную миссію, и щедро одарялъ ихъ привилегіями. Экономическаго характера эта

*) Объ этомъ подробно см. мои «Средневѣковые города».

политика не имѣла. Послѣ Карла мы довольно долго не слышимъ ни о какихъ льготахъ и привилегіяхъ, дарованныхъ купцамъ государственной властью, и когда такія мѣры появляются вновь, то онѣ опять таки не имѣютъ экономическаго характера, но онѣ не имѣютъ уже и характера культурнаго. Это — политическія мѣры. Купечество выросло и стало играть въ городахъ огромную роль; оно стало многочисленно, оно накопило много богатствъ, словомъ, сдѣлалось силою, которая смѣло могла выступить на большую политическую арену и склонить вѣсы въ опредѣленную сторону. Это поняла королевская власть, нуждавшая въ союзникахъ въ борьбѣ въ врагами, и Генрихъ IV въ Германіи первый сталъ обращаться за помощью къ купцамъ; французскіе капетинги пошли по слѣдамъ нѣмецкаго императора. Въ качествѣ компенсацій за услуги, оказанныя купцами, имъ и стали даваться торговыя привилегіи, право безпошлинной торговли и проч. Но исторія этихъ привилегій больше относится къ исторіи голодовъ, чѣмъ къ исторіи торговли. На этой почвѣ скоро торговыя привилегіи отошли на задній планъ, а на первый выступили политическія. Истинный экономическій характеръ всѣ эти льготы пріобрѣтаютъ тогда, когда ими обмѣниваются города. Тутъ появляется опредѣленная торговая политика, въ основу которой положена идея покровительства мѣстной торговли и промышленности. Она основана на принципѣ do, ut des и сдѣлалось прототипомъ современной торговой политики, которая ведется уже не городами, а государствами и, притомъ, въ болѣе крупномъ масштабѣ.

VII.

Чтобы оцѣнить вполнѣ значеніе средневѣковой торговой политики нужно припомнить, какой характеръ имѣла средневѣковая торговля. Городъ въ средніе вѣка былъ наиболѣе развитымъ въ хозяйственномъ отношеніи организмомъ, носителемъ принципа наиболѣе прогрессивной хозяйственной дѣятельности эпохи—торгово-промышленной. Въ немъ все существовало для этой дѣятельности, и нѣтъ ничего страннаго, что онъ сумѣлъ забрать ее почти цѣликовъ въ свои руки, ибо другія политическія соединенія не располагали необходимыми для этого сред-

ствами. Ни у средневѣковыхъ королевствъ, ни у крупныхъ феодальныхъ княжествъ, ни у церкви не было институтовъ, приспособленныхъ для торговли и промышленности. Ими располагали только города. Они и были настоящими торговыми державами въ средніе вѣка; между ними и велась торговля. Въ то время государство было почти совершенно не причемъ въ организаціи торговыхъ сношеній. Только въ Англіи оно отъ времени до времени вмѣшивалось въ отношенія между своими и чужеземными купцами и имѣло достаточно вліянія, чтобы диктовать порою образъ дѣйствія своимъ городамъ. Вообще же города вели торговлю, повинуясь исключительно своимъ разсчетамъ и интересамъ своихъ гражданъ и вырабатывали свою политику, имѣя въ виду только ихъ выгоду. Нація съ точки зрѣнія торговли не представляла изъ себя чего-нибудь цѣлаго; поэтому, международной торговли въ нашемъ смыслѣ и единой торговой политики, вырабатываемой государствомъ, средніе вѣка не знали. Средневѣковая торговля—торговля междугородская. Для какого-нибудь Ульма было рѣшительно все равно, съ какимъ городомъ ему приходится завязывать сношенія, съ сосѣднимъ ли Аугсбургомъ, или съ Венеціей, Брюгге, Бристолемъ, находящихся въ другихъ странахъ. Для него аугсбургскій купецъ былъ такой же чужакъ, гость, какъ говорили въ старину у насъ, какъ и венеціанскій или бристольскій, и если у него былъ договоръ съ Бристолемъ, и не было его съ Аугсбургомъ, то бристолецъ пользовался льготами, а аугсбуржецъ—нѣтъ. Торговое путешествіе въ Аугсбургъ для ульмскаго купца было такою же гостьбою, какъ и далекая экскурсія во Фландрію или Англію. Если гость пріѣзжалъ въ какой-либо городъ, то его a priori считали субъектомъ подозрительнымъ: предполагалось, что онъ во что бы то ни стало хочетъ надуть мѣстныхъ жителей. И вотъ въ городахъ мало-помалу вырабатывается цѣлый циклъ постановленій, имѣющихъ цѣлью оградить своего купца отъ злыхъ козней чужого. Совокупность всѣхъ этихъ постановленій составляло то, что въ Германіи называлось гостиннымъ правомъ, Gästerecht.

Первое время, когда города еще принадлежали сеньерамъ, когда жителей въ нихъ было мало, въ колонистахъ ощущалась

нужда, никакихъ подобныхъ постановленій не знали. Наоборотъ, всякому купцу были рады. Но когда городъ сложился, какъ корпорація торгующихъ людей, для которыхъ всякій другой купецъ былъ конкуррентомъ, когда слѣдовательно нужно было охранять выгодную монополію, тогда вопросъ сталъ совершенно иначе. Главный принципъ всѣхъ запретныхъ мѣръ заключался въ томъ, чтобы помѣшать гостю нажиться тамъ, гдѣ можетъ нажиться свой купецъ. Если же онъ получалъ барыши въ такой операціи, которая не перебивала дорогу мѣстному купцу, противъ этого протестовали не очень сильно. Совсѣмъ не протестовали въ томъ случаѣ, когда гость умѣлъ получить выгоду такимъ образомъ, что въ этой же операціи наживался и мѣстный купецъ, напримѣръ, когда онъ привозилъ и продавалъ оптомъ заграничный товаръ или скупалъ собранное мѣстными купцами сырье.

Городскіе статуты всегда покровительствуютъ своимъ купцамъ тамъ, гдѣ тѣ сталкиваются на одномъ пути съ заграничными. Гостю запрещали торговать въ городѣ въ нерыночные дни или отводили ему опредѣленное, очень короткое время для закупки мѣстныхъ товаровъ и продажи своихъ. Если въ городѣ было нѣсколько гостей, то сдѣлки между ними или не допускались совсѣмъ или ограничивались оптовыми операціями, мѣстные купцы не имѣли права входить въ компанію съ заграничными, чтобы не дать послѣднимъ возможности косвенно повредить интересамъ горожанъ. Иногда гостю прямо запрещали торговать въ розницу или торговать товарами извѣстной категоріи.

Кромѣ всѣхъ этихъ стѣсненій гостямъ приходилось платить довольно большія суммы въ видѣ таможенныхъ и торговыхъ пошлинъ. Таможенныя пошлины, взимавшіяся городомъ, носили еще характеръ сеньоріальныхъ проѣздныхъ пошлинъ, изъ которыхъ они выросли. Но городъ ихъ усовершенствовалъ. Была установлена градація: за проѣздъ и провозъ взимали больше или меньше, смотря по величинѣ судна, по количеству лошадей или колесъ въ телѣгѣ, по разстоянію между городомъ и пунктомъ отправленія или назначенія. Чѣмъ послѣдній былъ дальше, тѣмъ пошлина выше; крестьянинъ, привозившій сырье и деревенскіе продукты изъ окрестностей и не

бывшій конкуррентомъ платилъ очень мало. Если привозимый товаръ предназначался для непосредственнаго потребленія, то съ него полагалось меньше пошлины, чѣмъ, если онъ предназначался къ продажѣ.

Рыночный торгъ оплачивался также пошлиной, причемъ и въ этой области замѣчается стремленіе къ разграниченію видовъ облагаемаго товара. Старый типъ торговой пошлины, пошлина, исчисляемая по цѣнности товара, сохранилась для мелкаго торга, но все больше и больше распространялся другой типъ пошлины—поштучной и вѣсовой. Это—главное явленіе, которое бросается въ глаза при изученіи городскихъ тарифовъ. Но, несмотря на стремленіе разбить облагаемый товаръ по возможности на большее количество категорій, дифференціація пошлинъ не шла очень далеко. Средневѣковой человѣкъ не могъ, напримѣръ, отвязаться отъ представленія, что „мелочной товаръ" (Kramwaren *)—это нѣчто единое, никакихъ подраздѣленій не допускающее, но онъ выдѣлялъ такія группы, какъ пищевые продукты и напитки, скотъ, лѣсъ, нѣкоторые виды сырья и полуфабрикатовъ. Одно разграниченіе не забывалось почти никогда: товаръ, привезенный гостемъ, облагался тяжелѣе, чѣмъ товаръ своего купца, такъ что гостю при другихъ условіяхъ одинаковыхъ конкурренція съ мѣстнымъ купцомъ становилось невозможной.

Существовали въ городахъ и вывозныя пошлины, которыя падали на предметы питанія и сырье. Объясняются онѣ соображеніями продовольственной политики и покровительства мѣстному ремеслу. Средніе вѣка хорошо понимали важность того и другого, но въ то время, какъ страшныя голодовки заставляли городъ сильно задумываться надъ организаціей продовольственнаго дѣла, идея промышленнаго протекціонизма въ болѣе раннее время появляется сравнительно рѣдко. Въ этомъ сказывается фактъ преобладанія торговли надъ промышленностью. Если покровительство промышленности приносило пользу и торговлѣ, тогда его стоило примѣнять, а вести политику исключительно въ духѣ требованій индустріи могли только тѣ города, гдѣ борьба цеховъ съ купеческимъ патриціатомъ привела къ полной побѣдѣ ремесленниковъ и гдѣ, кромѣ того, ремесло не

*) См. выше стр. 97.

имѣло торговой организаціи. А такихъ городовъ было мало. Позднѣе мы встрѣтимся и съ примѣромъ настоящаго покровительства мѣстной промышленности. Зависимость интересовъ промышленности отъ интересовъ торговли можно видѣть изъ практики такъ называемаго права заповѣдной мили (Bannmeilenrecht).

Это право было выраженіемъ одной изъ наиболѣе яркихъ тенденцій городской хозяйственной политики, требовавшей концентраціи торговли и промышленности въ городѣ. Первоначально заповѣдная миля означала, что на извѣстное разстояніе вокругъ города никто не имѣлъ права заводить нѣкоторыя отрасли производства, главнымъ образомъ, пивоварное и винокуренное. Это было, слѣдовательно, мѣрой охраны городскихъ заводовъ противъ конкуренціи со стороны села. Такъ понималось это постановленіе еще въ началѣ XIII в., но уже въ концѣ его оно стало толковаться очень распространительно. Подъ заповѣдной милей городъ сталъ подразумѣвать запрещеніе торговли и занятія какимъ бы то ни было ремесломъ на извѣстное разстояніе вокругъ города. Торговля воспользовалась институтомъ, изобрѣтеннымъ первоначально для охраны промышленности. Въ такомъ значеніи право заповѣдной мили перешло кое-гдѣ и въ новое время.

Быть можетъ наиболѣе важнымъ препятствіемъ, которое стояло на пути гостя, былъ институтъ, который въ Германіи носилъ названіе Stapelrecht, буквально складочнаго права. Онъ заключался въ томъ, что черезъ городъ, или даже мимо города и по городской территоріи, нельзя было провозить товара, не выставивъ его въ самомъ городѣ въ спеціально устроенныхъ для этого помѣщеніяхъ. Срокъ выставки обыкновенно былъ не великъ; въ Германіи онъ рѣдко превышалъ три дня, но въ другихъ мѣстахъ могъ достигать даже 40 дней (Брюгге). Не всегда этому принужденію подлежали всѣ товары; очень часто города различали тѣ продукты, которые одни должны были выставляться въ городскихъ торговыхъ палаткахъ и другихъ назначенныхъ для этого мѣстахъ. Напримѣръ, Гамбургъ первоначально выдѣлялъ только зерно, Кале—шерсть, Артуа—вино, Гримма—лѣсъ, Дордрехтъ, въ XIII в.—зерно, вино и лѣсъ. По мѣрѣ того, какъ торговые обороты увеличивались и предметы торговли разно-

образились, количество „складочныхъ товаровъ“ (Stapelgüter) возрастало. Начало этого принужденія относится къ очень раннимъ временамъ; его приводятъ въ связь съ таможенной политикой Карла Великаго, заставлявшаго купцовъ, при переходѣ черезъ границу, выставлять въ извѣстныхъ пунктахъ свои товары для досмотра. Несомнѣнно одно: въ томъ видѣ, въ какомъ мы его знаемъ, оно возникаетъ не раньше конца XI в., когда не только крупные, но и мелкіе города стали стремиться заполучить себѣ „складочное право“. Но первоначально значеніе института было совершенно иное. Онъ вовсе не служилъ монополіи мѣстныхъ купцовъ, а просто старался оживить мѣстную торговлю; поэтому, и для гостя онъ былъ не стѣснительнымъ принужденіемъ, задерживающимъ его на пути, а, наоборотъ, большимъ подспорьемъ. Въ ту пору поисковъ за рынками важно было заручиться всякимъ лишнимъ городомъ, гдѣ можно было распаковать товаръ и поторговать въ теченіе нѣкотораго времени. Въ такомъ смыслѣ институтъ былъ знакомъ всѣмъ тѣмъ городамъ, гдѣ нѣмецкая Ганза зондировала почву и основывала свои конторы — между прочимъ Ригѣ, Ревелѣ, Новгороду. Выставочнымъ мѣстомъ была рыночная площадь, торгъ производился безъ всякихъ стѣсненій, сдѣлки оплачивались обычными пошлинами. Въ началѣ и даже еще въ серединѣ XIV вѣка, когда напримѣръ Брюгге издавалъ свои постановленія о „складочномъ правѣ“ (1309, 1314, 1359 гг.), въ нихъ прямо указывалось, что купецъ или его приказчикъ вольны держать товары въ городѣ, сколько угодно и торговать ими, какъ угодно и съ кѣмъ угодно; значитъ, преслѣдовалась не исключительная выгода мѣстныхъ купцовъ, а въ то же время выгода и гостей. Вѣдь выставка товаровъ была сама по себѣ рекламой, и только стѣснительныя условія дѣлали ее обузой. Эти стѣснительныя условія и появились позднѣе *), когда къ купцу, принужденному выставить свой товаръ въ мѣстной купеческой палатѣ, были примѣнены всѣ ограниченія, которымъ подлежалъ онъ, согласно нормамъ гостиннаго права **).

Всѣ описанныя стѣсненія эволюціонировали вполнѣ послѣдо-

*) Въ нѣкоторыхъ городахъ впрочемъ уже въ XIII вѣкѣ.

**) О нихъ см. выше.

вательно. Въ началѣ они непосредственно дѣйствовали для развитія городской торговли, никакимъ эгоистическимъ интересамъ не служили и были здоровыми институтами здороваго организма; но, когда они сдѣлали свое дѣло, т. е. когда, благодаря отчасти имъ, городская торговля окрѣпла и перестала нуждаться въ искусственныхъ мѣрахъ для своего поддержанія, то тѣ институты, которые содѣйствовали процвѣтанію городской торговли и укрѣпленію связей города съ другими городами, теперь совершенно измѣнили свой смыслъ и въ ловкихъ рукахъ правящей купеческой аристократіи превратились въ средство для огражденія ея собственной торговой монополіи. Въ послѣднія столѣтія среднихъ вѣковъ купцу не приходилось искать рынковъ: онъ ихъ имѣлъ; всѣ пути торговыхъ операцій ему были извѣстны; въ новыхъ связяхъ онъ болѣе не нуждался. Ему важно было сохранить то, чѣмъ онъ уже обладалъ. Поэтому, онъ и изобрѣтаетъ систему монополій, и для ея осуществленія, частью выдумываетъ новыя средства, частью видоизмѣняетъ старые институты, служившіе прежде другимъ, порою обратнымъ цѣлямъ.

Выростаетъ цѣлая торговля, политика, которую съ полнымъ правомъ считаютъ прототипомъ меркантилизма и протекціонизма. И такъ какъ она безусловно вредила торговымъ сношеніямъ и такъ какъ вредъ ея былъ ясенъ и современникамъ, то они старались найти средство противъ зла. Это средство заключалось въ договорахъ, которые заключали города между собою. Междугородскіе торговые договоры имѣли одну главную цѣль: устранить препятствія, затрудняющія гостьбу для купцовъ даннаго города. Если, напримѣръ, заключали договоръ города Любекъ и Кельнъ, то кельнскіе купцы въ Любекѣ и любекскіе въ Кельнѣ освобождались, смотря по уговору, отъ всѣхъ или отъ нѣкоторыхъ стѣсненій: отъ пошлинъ (они могли понижаться), отъ нормъ гостинаго права, отъ принужденій „складочнаго права“ и проч. Такіе договоры къ концу среднихъ вѣковъ заключались все чаще и чаще. Они, въ свою очередь, послужили прототипомъ торговыхъ дворовъ новаго времени, заключаемыхъ уже на основахъ международной торговли.

Но, покровительствуя своему купцу въ его конкурренціи съ иностраннымъ, городскіе статуты далеко не давали ему полной сво-

боды въ его собственныхъ торговыхъ операціяхъ внутри города. Дѣло въ томъ, что надъ сознаніемъ средневѣковаго человѣка висѣла теорія такъ называемой справедливой цѣны (justum pretium), одинъ изъ самыхъ нелѣпыхъ принциповъ средневѣковаго каноническаго права. Эта теорія требовала, чтобы купецъ бралъ за свои товары „справедливую цѣну", т.-е. чтобы полученная имъ прибыль едва-едва превышала его издержки. А такъ какъ торгующій человѣкъ всегда стремился получить какъ можно больше, то городскія управленія и старались привести его въ соотвѣтствіе съ нормами каноническаго права. Для этого отъ торговли прежде всего требовалась полная публичность; торговать всякій обязанъ былъ въ указанныхъ мѣстахъ: на рынкахъ, въ торговыхъ рядахъ и проч. Спеціальные маклеры слѣдили за тѣмъ, чтобы это требованіе исполнялось неукоснительно. Затѣмъ, строго преслѣдовалась дѣятельность всякихъ скупщиковъ и барышниковъ: барышничество поднимаетъ цѣну, и она пожалуй могла бы перейти невысокую норму, указанную каноническимъ правомъ. Сельскіе продукты должны были привозиться на рынокъ самими крестьянами; хлѣба, мяса и проч., можно было купить на рынкѣ ровно столько, сколько необходимо для дома. Торговать можно только въ рыночные часы: отъ колокола до колокола. Кто не успѣлъ расторговаться, все равно долженъ былъ убирать товаръ. Наконецъ, не ограничиваясь этимъ, городскія постановленія часто напередъ опредѣляли цѣну товаровъ, издавали цѣлые прейсъкуранты, своего рода эдикты о максимумѣ, отъ которыхъ никто не имѣлъ права отступать.

Все это законодательство вполнѣ гармонировало съ основною чертой средневѣковой торговли. Она не допускала созданія крупныхъ предпріятій, какъ городское законодательство о ремеслѣ не допускало образованія крупныхъ мастерскихъ-фабрикъ. Капиталъ въ это время дѣлаетъ лишь свои первые шаги. Но та же мелкая торговля наряду съ другими хозяйственными предпріятіями содѣйствовала тому, что капиталъ выросъ, и съ середины XIV в. въ Италіи, а съ конца XV въ остальной Европѣ сдѣлался могучимъ факторомъ хозяйственной эволюціи.

VIII.

Въ XI—XIII вѣкахъ наиболѣе типичной формой организаціи торговли была купеческая гильдія *). Въ свою очередь, наиболѣе типической страной купеческихъ гильдій была Англія. Оттуда мы имѣемъ наиболѣе характерные примѣры гильдейской организаціи. Поэтому, лучше всего при описаніи ея имѣть въ виду Англію.

Въ Англіи не было свободныхъ городовъ — государствъ. Англійскіе города были подчинены государству, которое вмѣшивалось въ важнѣйшія функціи городской жизни. Никакихъ важныхъ измѣненій въ городскомъ устройствѣ нельзя было ввести, не заручившись санкціей верховной власти. Верховная власть давала свою санкцію очень охотно, но заставляла платить себѣ за все. Когда торговля выдвинулась въ общественномъ обиходѣ на передній планъ, сейчасъ же нашлись люди, которые сообразили, что идея привилегіи можетъ найти приложеніе и при новыхъ условіяхъ. Традиціи старой гильдіи, бывшей на половину свѣтскимъ, на половину религіознымъ братствомъ, были еще живы; никакихъ другихъ формъ товарищества эпоха не знала. Поэтому, воспользовались старыми формами, но влили въ нихъ совершенно новое содержаніе. Королевская власть, получивъ мзду, немедленно утверждала новое общество, и купеческая гильдія была готова.

Задача ея опредѣляется очень просто. Гильдія — это союзъ купцовъ, который ставитъ своей цѣлью полученіе торговыхъ привилегій и осуществленіе ихъ въ своемъ городѣ и въ другихъ городахъ. Члены гильдіи присваивали себѣ, одни среди жителей даннаго города, право торговли въ самомъ городѣ и съ другими городами. Это означало, что если какой-нибудь горожанинъ, не приписанный къ гильдіи, вздумаетъ тоже заняться торговлей, то онъ обязанъ или сдѣлаться членомъ ея, или же платить пошлину, отъ уплаты которой гильдейскіе были свободны. Отъ стѣсненій, падающихъ на торговлю негильдейскихъ, по всей вѣроятности,

*) О происхожденіи гильдіи см. въ моей книгѣ «Средневѣковые города», входящей въ настоящую серію.

были свободны ремесленники, торговавшіе съѣстными припасами *). Но быть купцомъ-профессіоналомъ можно было лишь при условіи принадлежности къ гильдіи. Однако, первое время эта монополія не имѣла никакого практическаго значенія. Вступительные взносы были очень невелики, и всякій горожанинъ предпочиталъ вступить въ гильдію и тѣмъ раздѣлаться со всевозможными стѣсненіями, которыя преслѣдовали негильдейскаго, захотѣвшаго заняться торговлею. Поэтому, число членовъ гильдіи до середины XII вѣка и нѣсколько позже увеличивалось очень быстро. Туда принимали всѣхъ желающихъ, не исключая ремесленниковъ, этихъ главныхъ враговъ и конкуррентовъ купеческаго сословія, у которыхъ въ то время еще не было своихъ собственныхъ гильдій. Но чѣмъ яснѣе обнаруживались выгоды, связанныя съ принадлежностью къ купеческой гильдіи, тѣмъ затруднительнѣе становился доступъ туда:—явленіе, воспроизводившееся и въ исторіи ремесленныхъ цеховъ. Пока учрежденіе растетъ и крѣпнетъ, ему нужны силы, и оно открываетъ доступъ въ себя совершенно свободно; когда же оно окрѣпло, то всякій новый членъ разсматривается, какъ конкуррентъ, требующій себѣ доли въ общественномъ пирогѣ. Въ учрежденіи развивается непотизмъ, стремленіе сохранить выгоды положенія для членовъ семейства; для послѣднихъ, поэтому, создаются облегченныя условія пріема.

Купеческая гильдія, отчасти, была и братствомъ, т.-е. связи между ея членами поддерживались не исключительно матеріальными выгодами, но и моральной идеей. Члены гильдіи считали своимъ нравственнымъ долгомъ помочь товарищу въ бѣдѣ, поддержать въ годину денежныхъ затрудненій, выручить его изъ тюрьмы, ухаживать за нимъ во время болѣзни, устроить ему въ случаѣ смерти приличныя похороны, выдать замужъ его дочь. Если, наоборотъ, гильдейскій поступалъ вопреки требованіямъ профессіональной этики, то его судили товарищи своимъ судомъ, приговоры котораго постепенно создавали своего рода гильдейскій кодексъ обычнаго права.

*) Этотъ промыселъ считался въ средніе вѣка ремесломъ; булочники, мясники и проч. имѣли такую же цеховую организацію, какъ напр., ткачи или кожевники.

Гильдія управлялась выборными властями. Главою ея считался ольдерменъ, которому въ его дѣлахъ помогали четыре пристава и совѣтъ изъ 12 или 24 лицъ. Администрація созывала гильдейскія собранія и управляла имуществомъ гильдіи. Для послѣдней цѣли нѣкоторыя гильдіи имѣли спеціальныхъ людей — управителей, stewards.

Ту же гильдейскую организацію, которую мы встрѣчаемъ въ Англіи, мы находимъ и въ континентальныхъ странахъ, иногда подъ тѣмъ же, иногда подъ другимъ названіемъ. Кромѣ гильдіи купеческіе союзы чаще всего называются ганзами и цехами.

Ганза—терминъ, имѣющій много значеній въ средневѣковомъ торговомъ правѣ, но чаще всего подъ нимъ подразумѣваютъ купеческое общество. Это—терминъ, употреблявшійся преимущественно во Франціи и Фландріи и поздно проникшій въ Германію. Въ Германіи въ первое время было болѣе обычно названіе гильдіи или цеха. Понятно, почему на купеческую ассоціацію было перенесено названіе ремесленной. По основному характеру, по соединенію экономическаго и моральнаго принципа въ одной организаціи, ремесленные и купеческіе союзы представляли большую аналогію. Въ Англіи, гдѣ гильдія явилась раньше, ремесленная корпорація получила названіе купеческой, въ Германіи случилось наоборотъ.

Въ другомъ мѣстѣ *) читатель найдетъ перечисленіе важнѣйшихъ купеческихъ ассоціацій этого типа во Франціи, Нидерландахъ и Германіи. Здѣсь намъ необходимо ознакомиться съ двумя организаціями, которыя по своему принципу являются развитіемъ купеческихъ гильдій. Это—ганзы Лондонская и Нѣмецкая, которыя были уже не простыми ассоціаціями купцовъ, созданными для охраны торговыхъ привилегій, а ассоціаціями купеческихъ ассоціацій.

Лондонская ганза была создана торговой и промышленной столицею Фландріи, Брюгге. Она явилась въ первой половинѣ XIII вѣка, и факторомъ, ее создавшимъ, была торговля шерстью. Фландрія, какъ мы знаемъ, нуждалась для своихъ суконткацкихъ мастерскихъ въ тонкой англійской шерсти, и вывозъ послѣдней

*) Ср. «Средневѣковые города», стр. 151 и слѣд.

во Фландрію начался очень рано. Но для того, чтобы вывозъ былъ организованъ правильно и не давалъ барышей никому, кромѣ купцовъ-суконщиковъ, фламандскіе купцы и создали подъ руководствомъ Брюгге ассоціацію, получившую названіе Лондонской Ганзы. Она представляетъ большой интересъ во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, Лондонская Ганза впервые сдѣлалась междумуниципальнымъ учрежденіемъ par excellence. Вообще, въ купеческія гильдіи и ганзы крайне неохотно принимали иногородныхъ и даже просто людей, не числившихся гражданами даннаго города. Въ Англіи, правда, допускали иногда пригородныхъ помѣщиковъ и монаховъ, но это дѣлалось въ виду необходимости, ибо помѣстіе и монастырь, подвозившіе въ города многое необходимое, иначе не имѣли права торговать. Принимали иногда въ гильдіи и иногородныхъ, но это уже разсматривалось или какъ особенная милость, или какъ исключеніе, вызванное тоже требованіемъ экономическихъ условій. Въ Англіи заставляли иноземнаго купца натурализоваться въ городѣ, чтобы превратить его изъ гостя—конкуррента въ согильдейца, но Англія въ данномъ случаѣ не можетъ служить примѣромъ; ея торговля съ заграницей была почти до XV в. исключительно пассивной, и англійскому купцу нужно было отнять у чужеземца его привилегированное положеніе, созданное условіями торговли и покровительствомъ королевской власти. Вообще, купеческая ассоціація не допускала гостя въ свою среду; это противорѣчило ея основному принципу, такъ какъ она была обществомъ купцовъ одного и того же города. Лондонская Ганза порвала съ этимъ правиломъ, и не только порвала, но сдѣлала своимъ принципомъ правило, совершенно противоположное духу старой гильдейской организаціи. Ганза съ самаго начала сдѣлалась ассоціаціей купцовъ изъ разныхъ городовъ. Первоначально въ ней участвовали купцы изъ 17 французскихъ и фламандскихъ городовъ, но впослѣдствіи количество городовъ, изъ которыхъ вербовались члены Ганзы, возросло сначала до 24, потомъ до 50. Другая характерная черта организаціи вскрывается изъ условій пріема въ члены. Для того, чтобы попасть въ Ганзу, кромѣ уплаты обычнаго въ этихъ случаяхъ вступительнаго взноса, требовалось, чтобы кандидатъ удо-

влетворялъ двумъ условіямъ: въ своемъ родномъ городѣ онъ долженъ былъ принадлежать къ мѣстной купеческой ассоціаціи и, кромѣ того, годъ съ днемъ не числиться ремесленникомъ. Оба указанія очень характерны. Первое указываетъ на то, что купеческія ассоціаціи были гораздо многочисленнѣе, чѣмъ принято думать, и только мы не знаемъ объ ихъ существованіи вслѣдствіе отсутствія документовъ *). Другое бросаетъ свѣтъ на отношенія между ремесленниками и купцами и на условія производства. Если ремесленниковъ не допускали, значитъ, боялись ихъ конкурренціи и хотѣли устранить ихъ отъ возможности получать шерсть по дешевымъ цѣнамъ. Значитъ, въ фламандскихъ и сѣверо-французскихъ городахъ уже намѣчалась тенденція организовать суконное производство на купеческихъ началахъ и превратить ремесленниковъ изъ самостоятельныхъ мастеровъ въ служителей торговаго капитала. Повидимому, въ городахъ идетъ ожесточенная экономическая борьба, еще не закончившаяся въ эпоху изданія устава. Главнымъ городомъ союза былъ Брюгге; изъ числа его купцовъ выбирался глава организаціи—гильдейскій графъ, второе должностное лицо — щитоносецъ принадлежалъ къ ассоціаціи Иперна. Лондонская Ганза просуществовала до XV вѣка.

Ганза въ Брюгге уже показываетъ намъ, изъ какихъ элементовъ создавались могущественные купеческіе союзы. Въ основѣ лежитъ гильдія, но принципъ гильдіи расширенъ подъ вліяніемъ другого института, который игралъ значительную роль въ исторіи Европы XII—XIII вѣковъ, городскихъ союзовъ. Городскіе союзы создавались въ разныхъ странахъ, главнымъ образомъ, для борьбы съ королевской властью или съ баронами; когда обнаружилось, что конференція дастъ возможность въ значительной степени сравнять силы въ столкновеніи съ врагами городской свободы и хозяйственной дѣятельности городовъ, то союзы стали заключаться чаще, а принципъ былъ перенесенъ на организаціи, которыя, по

---

*) Лондонская Ганза распалась въ XV в. Значитъ, цифра 50 для указанія городовъ, имѣющихъ купеческія ассоціаціи, относится къ болѣе раннему времени. И эти 50 городовъ находились исключительно во Фландріи и Сѣверной Франціи.

крайней мѣрѣ первоначально, не преслѣдовали никакихъ военныхъ цѣлей. Наконецъ, третьимъ институтомъ, лежавшимъ въ основѣ Лондонской Ганзы—была контора, т. е. торговый дворъ (онъ тоже назывался иногда ганзою), основанный купцами того или иного города за границею для веденія своихъ коммерческихъ предпріятій.

Все это гораздо лучше видно на исторіи побѣдоносной соперницы Лондонской Ганзы, великой Нѣмецкой или Тевтонской Ганзы.

IX.

Въ одной грамотѣ, относящейся къ 1157 году, король Англіи Генрихъ II обращается къ должностнымъ лицамъ своего государства и поручаетъ ихъ покровительству „людей и гражданъ кельнскихъ“ съ ихъ имуществомъ и товарами, которыхъ онъ, король, считаетъ своими вассалами и друзьями и беретъ подъ свое попеченіе. Тутъ же упоминается о gildhalla, т. е. о дворѣ этихъ кельнскихъ купцовъ. Мы не знаемъ, какъ слѣдуетъ, въ чемъ заключались торговыя привилегіи кельнцевъ въ серединѣ XII вѣка, но эта грамота важна, какъ первое упоминаніе объ учрежденіи, разросшемся въ такую колоссальную организацію. Нѣсколько больше узнаемъ мы изъ грамоты, данной тѣмъ же кельнскимъ купцамъ Ричардомъ Львиное Сердце, проѣзжавшимъ черезъ городъ на пути въ Англію. По этой грамотѣ кельнцы получали право торговли по всей Англіи, въ особенности на ярмаркахъ и, кромѣ того, освобождались отъ уплаты двухъ шиллинговъ пошлины за свой лондонскій дворъ *). Кельнскіе купцы выступаютъ, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ въ видѣ ассоціаціи, ганзы. Но въ этой ганзѣ фигурировали далеко не одни кельнцы; въ нее входили купцы изъ многихъ другихъ городовъ, торговавшіе подъ кельнскимъ флагомъ. Ни Кельнъ, ни Англія этому не препятствовали, а Кельнъ даже поощрялъ присоединеніе къ своимъ караванамъ другихъ купцовъ: благодаря этому, выростало его политическое значеніе, а понятіе Ганзы

*) Слѣдовательно, до этого они пошлину платили, и вотъ почему, быть можетъ, король Генрихъ II считалъ ихъ своими друзьями.

нечувствительно расширялось. Но кельнцамъ удавалось сохранять преобладаніе среди нѣмецкихъ купеческихъ ассоціацій, принимавшихъ участіе въ торговлѣ съ Англіей, лишь до тѣхъ поръ, пока нѣмецкая торговля сосредочивалась, главнымъ образомъ, на Рейнѣ и вообще на западѣ. Когда же хозяйственныя отношенія стали выдвигать другіе районы и прежде всего балтійское побережіе, то положеніе Кельна въ союзѣ стало колебаться. Тщетно пытался онъ бороться съ возростающимъ вліяніемъ Любека: это не приводило ни къ чему. Вокругъ послѣдняго въ 1268 г. образовалась особая Ганза. Около этого же времени появилась въ Лондонѣ и фламандско-французская Ганза къ Брюгге во главѣ, описанная выше. Но у фламандцевъ были свои особыя задачи: имъ нужна была, главнымъ образомъ, шерсть, а въ XIII в. Германія еще не конкуррировала съ Фландріей въ области суконной промышленности: соперничество на этихъ и другихъ почвахъ разгорѣлось позднѣе и фламандская Ганза была сокрушена. Соперничество кельнской и любекской Ганзы длилось не долго. Нѣмецкіе купцы имѣли достаточно здраваго смысла, чтобы понять всю пагубность политики взаимнаго подсиживанія на коммерческомъ поприщѣ, и обѣ ганзы слились въ одну. Средоточіемъ ея сдѣлалась старая гильдейская палата на берегу Темзы, которая разрослась и получила названіе Стального двора (Stahlhof). То было цѣлое поселеніе со многими помѣщеніями, огороженное каменной стѣною. Внутри ея находились склады, амбары, особая башня для документовъ и драгоцѣнностей, постоялые дворы, квартиры, зала совѣта. Люди, живущіе въ Стальномъ дворѣ, составляли гильдію, которою управлялъ ольдерменъ съ двумя помощниками, и съ выборнымъ совѣтомъ изъ девяти человѣкъ. Совѣтъ рѣшалъ дѣла согласно гильдейскимъ обычаямъ, не считаясь съ законами Англіи.

Сліяніе обѣихъ нѣмецкихъ Ганзъ въ Лондонѣ произошло въ концѣ XIII вѣка. Еще раньше нѣмецкіе купцы основали подобную же ганзу въ Брюгге (1252). Она была настолько значительна, что обычной гильдейской организаціи оказалось недостаточно. Члены ганзы группировались на три отдѣленія. Во главѣ каждаго изъ нихъ стояли города, первенствовавшіе и въ лондонской нѣмецкой

организаціи. Саксонскіе и сѣверные города признавали главенство Любека, вестфальскіе и прусскіе—Кельна, а нѣмцы съ острова Готланда и изъ Ливоніи—Висби. Во главѣ организаціи и здѣсь стояли ольдермены, числомъ шесть, ежегодно переизбираемые.

Третья выдающаяся нѣмецкая ганза находилась въ только-что упомянутомъ Висби, столицѣ острова Готланда. Роль, которую пришлось сыграть Готланду, объясняется положеніемъ острова въ Балтійскомъ морѣ: онъ лежалъ на пути всѣхъ кораблей, и такъ какъ въ то время при переѣздахъ черезъ открытое море всегда искали короткихъ разстояній, то островъ, лежавшій по пути между Любекомъ и устьемъ Невы, между Вислою и входомъ въ Меларъ, между Зундомъ и Рижскимъ заливомъ, естественно долженъ былъ пріобрѣсти большое значеніе въ торговлѣ балтійскаго района. Съ тѣхъ поръ, какъ у нѣмецкихъ купцовъ завелись собственные корабли,—они имѣлись уже въ XI в.—въ Висби появляется колонія нѣмецкихъ купцовъ, которая пріобрѣтаетъ въ городѣ большое значеніе наряду съ мѣстными бюргерами. Нѣмецкій и готскій языкъ дѣлаются равноправными, въ городской совѣтъ получаютъ доступъ нѣмецкіе купцы. Изъ столицы Готланда купцы проникли на востокъ и основали, между прочимъ, свою знаменитую контору (Petershof) въ Великомъ Новгородѣ.

Эти отдѣльныя нѣмецкія ганзы-конторы естественно должны были стремиться къ объединенію. Въ каждой изъ организацій участвовали купцы однихъ и тѣхъ же городовъ, у которыхъ всюду были одни и тѣ же интересы и которымъ какъ нельзя болѣе выгодно было слиться въ одну и ту же организацію. Но объединеніе произошло не сразу, а по частямъ, и тутъ принципъ городскихъ союзовъ сыгралъ большую роль. Эти союзы были двухъ типовъ: военные и торговые, послѣдній имѣлъ большое значеніе. Заключая договоры о союзахъ, города стремились достигнуть облегченія торговыхъ сношеній, устраненія тѣхъ тормазовъ и неудобствъ, которые такъ стѣсняли торговлю, и установленія большаго единства въ правовой сторонѣ торговли. Главными статьями договоровъ были: объединеніе монеты и пошлинъ, взаимная юридическая защита, взысканіе долговъ съ бѣжавшихъ или скрывавшихся кредиторовъ

и проч. При томъ быстромъ темпѣ, въ какомъ росли торговые обороты, подобные договоры и союзы представлялись настоятельнѣйшею необходимостью, ибо оставаться при партикуляризмѣ и дробности нормъ публичнаго и частнаго права, значило обрекать торговыя сношенія на постоянную томительную борьбу со всякаго рода неудобствами.

Изъ такихъ союзовъ особенное значеніе въ образованіи великой нѣмецкой Ганзы имѣлъ союзъ вендскихъ городовъ во второй половинѣ XIII в. Этотъ союзъ имѣлъ цѣлью совмѣстное содѣйствіе очищенію моря отъ пиратовъ и дорогъ отъ разбойниковъ, взаимную поддержку при частныхъ войнахъ, распространеніе любекскаго права. Союзъ дѣятельно преслѣдовалъ поставленныя цѣли, въ теченіе полувѣка воспитывалъ онъ сѣверонѣмецкихъ купцовъ къ еще болѣе значительнымъ задачамъ и подготовлялъ почву для болѣе крупной организаціи. Главнымъ результатомъ дѣятельности вендскаго — а также и другихъ болѣе мелкихъ — союзовъ было объединеніе матеріальнаго и процессуальнаго права, объединеніе торговыхъ обычаевъ и отчасти денежныхъ знаковъ, взаимныя уступки, почти окончательно уничтожившія гостиное право и таможенныя стѣсненія.

Глава вендскаго союза Любекъ и взялъ на себя трудную и, быть можетъ, только одному ему доступную задачу созданія общенѣмецкой Ганзы. Онъ стоялъ во главѣ большого союза, онъ имѣлъ прочныя мѣстныя опоры, въ то время какъ два его главныхъ соперника Кельнъ и Висби пытались осуществить ту же задачу, опираясь одинъ на Лондонъ и Брюгге, а другой—на Готландскую общину. Какъ произошло сліяніе, мы не знаемъ, но въ серединѣ XIV в. появляется названіе „Нѣмецкая Ганза", свидѣтельствующее, что сліяніе уже совершилось.

Теперь союзъ могъ съ бóльшимъ успѣхомъ проводить свою задачу— совмѣстную торговую дѣятельность за границею, имѣющую цѣлью облегченіе нѣмецкимъ купцамъ ихъ операцій. Политическія условія благопріятствовали образованію Великой Ганзы. Германская имперія была слаба; территоріальные князья плохо понимали значеніе зарождавшейся организаціи и часто благопріятствовали ей тамъ, гдѣ, по здравомъ обсужденіи, должны были бы всячески бо-

роться. Что касается другихъ странъ, которыя были заинтересованы въ дѣятельности Ганзы, то три скандинавскихъ государства въ то время изнуряли себя ожесточенными усобицами, Англія втягивалась въ тяжелую, длившуюся цѣлыхъ три вѣка борьбу съ Франціей, Русь можно было совсѣмъ не принимать въ разсчетъ. Все это облегчало задачу ганзейскихъ купцовъ, ибо тамъ, гдѣ имъ приходилось заключать свои договоры съ государственной властью, слабая дѣлала уступки охотнѣе, чѣмъ сильная и не стѣсненная въ своихъ поступкахъ никакими внѣшними осложненіями.

X.

Ганза безъ труда пріобрѣла руководящее значеніе въ сѣверной половинѣ Европы. Въ теченіе XIV—XV вв. обширное пространство отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Андалузіи покрылось цѣлою сѣтью договоровъ самаго различнаго содержанія, но проникнутыхъ одною и тою же тенденціей; всѣ они были заключены нѣмецкими купцами. Тенденція проводилась совершенно открыто и была направлена къ тому, чтобы обезпечить членамъ Ганзы возможность свободно осуществлять на чужбинѣ свою торговую дѣятельность.

Этими договорами мѣстный территоріальный государь обезпечиваетъ купцамъ безопасность личности и товара отъ разбойничьихъ нападеній, обѣщаетъ имъ защиту, согласно мѣстнымъ обычаямъ, отмѣняетъ для нихъ дѣйствія призового права на морѣ и на сушѣ, снимаетъ отвѣтственность за долги и проступки ихъ земляковъ, избавляетъ отъ необходимости прибѣгать во время процесса къ суду Божьему, какъ въ формѣ испытанія раскаленнымъ желѣзомъ, такъ и въ формѣ поединка, соглашается на урегулированіе и пониженіе таможенныхъ пошлинъ, иногда даже и на полное освобожденіе отъ нихъ, упрощаетъ способы ихъ взиманія, даетъ льготы при нагрузкѣ и разгрузкѣ судовъ и взвѣшиваніи товаровъ, разрѣшаетъ розничную торговлю, которая обыкновенно составляла привилегію мѣстныхъ купцовъ, позволяетъ вырубать лѣсъ для исправленія кораблей. Но ганзейцы хотятъ, обыкновенно, большаго. Цѣлью ихъ стремленій является основаніе конторы. Контора—это торговая колонія,

которая постоянно поддерживаетъ связи съ мѣстнымъ населеніемъ и надѣлена, кромѣ того, нѣкоторыми публичными правами: она можетъ судить своихъ членовъ согласно нормамъ родного, не мѣстнаго права и принимаетъ участіе въ мѣстномъ судѣ всякій разъ, когда онъ разбираетъ тяжбу между ганзейцемъ и мѣстнымъ жителемъ.

Эта настойчивая политика привела къ тому, что ганзейцы на чужбинѣ пользовались порою большими правами, чѣмъ мѣстные купцы и въ большинствѣ случаевъ были поставлены въ болѣе привилегированное положеніе, чѣмъ всѣ другіе иностранные купцы. Взаимность при этомъ оговаривалась очень рѣдко, а если и оговаривалась, то оставалась мертвой буквой *). Въ концѣ концовъ въ теченіе уже XIV в. Ганза добилась полнаго преобладанія въ торговлѣ сѣверно-европейскихъ морей: корабли дальняго плаванія, дѣйствовавшіе на Балтійскомъ морѣ, принадлежали исключительно ей; прежніе господа этого моря — скандинавы были оттѣснены къ берегамъ, русскіе купцы, которые раньше плавали до Висби и даже до Любека, больше не появлялись, англичане и шотландцы играли совершенно второстепенную роль.

Чѣмъ объяснить такой колоссальный успѣхъ? Думали, что его нужно отнести цѣликомъ, или въ значительной степени, на долю военныхъ условій; но если военная сила и имѣла тутъ какое-нибудь значеніе, то очень небольшое. Правда, Ганза была сильна и, въ случаѣ надобности, могла справиться даже съ такимъ могущественнымъ врагомъ, какъ Вальдемаръ IV датскій. Но Ганза бралась за оружіе только при крайней необходимости; постоянный врагъ у нея былъ одинъ—пираты, съ которыми она вела безпощадную войну. Причины ея торговыхъ успѣховъ были иныя.

Въ средніе вѣка, какъ уже указывалось выше, почти единственнымъ, а въ нѣкоторыхъ странахъ и безусловно единственнымъ, носителемъ торговли былъ городъ. Онъ выросъ по требованію торговли и всѣмъ своимъ строемъ былъ приспособленъ для торговли. Союзъ городовъ, въ которомъ устранялись особенности городского строя, затруднявшія торговыя сношенія, превращался въ настоящую

*) Только англичане въ Данцигѣ пользовались одно время фактической равноправностью съ мѣстными купцами.

торговую державу, и эта держава могла диктовать свои условія кому угодно. Вотъ чѣмъ была Ганза. Съ нею необходимо было считаться, ибо она монополизировала всю сѣверо-европейскую морскую торговлю, а считаться съ нею—значило подчиняться ея условіямъ. Крѣпкая внутренняя организація еще болѣе усиливала союзъ, хотя въ этой организаціи было поразительно мало регламентированнаго. Пока того требовали экономическія условія, Ганза стояла гордая и могущественная, не боясь никакихъ враговъ и никакой конкурренціи, не нуждаясь ни въ какихъ искусственныхъ мѣрахъ для сохраненія своего престижа.

Число городовъ, входящихъ въ составъ Ганзы, далеко не всегда было одинаково. Оно колебалось между 70 и 100. Въ Кельнской конфедераціи 1367 г. участвовало 77 городовъ. Вступать въ составъ Ганзы могъ всякій городъ, если противъ его присоединенія не подымались голоса въ союзѣ. Каждый членъ Ганзы сохранялъ за собою свободу дѣйствія и, если не соглашался съ постановленіями большинства, безпрепятственно могъ выйти изъ конфедераціи. Принудить его къ чему-нибудь силою никто не замышлялъ; за то, если какой-нибудь городъ оказывался неудобнымъ, его просто удаляли изъ союза. Всѣ члены союза были равноправны: права и привилегіи, которыхъ добивалась Ганза за границею, одинаково распространялись какъ на купцовъ изъ Любека, такъ и на купцовъ самаго небольшого города. Но такъ какъ безъ совмѣстнаго обсужденія многочисленныхъ вопросовъ, касавшихся дѣятельности союза, обойтись было трудно, то послѣ Кельнской конфедераціи сдѣлались обычны болѣе или менѣе регулярные съѣзды городовъ; они обыкновенно происходили разъ въ годъ, лѣтомъ, на Ивановъ день, но рѣдко на нихъ присутствовали делегаты отъ всѣхъ городовъ, входившихъ въ данное время въ составъ Ганзы. Постановленія съѣздовъ, которыя относились къ сферѣ торговой политики, были обязательны для всѣхъ членовъ союза, въ томъ числѣ и для отсутствующихъ. Не желавшіе имъ подчиняться, должны были уходить. Это требованіе приводилось всегда очень строго, ибо для Ганзы было крайне важно удержать солидарность союза въ дѣлахъ торговли. Что касается до постановленій политическаго характера,

то тутъ городамъ предоставлялась довольно большая свобода. Каждый изъ нихъ могъ воевать съ сосѣднимъ барономъ и не принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ общаго врага, и Ганза ничего не имѣла противъ такого образа дѣйствій. Но, если кто-нибудь отказывался примкнуть, напримѣръ, къ занесенной въ рецессъ *) торговой репрессаліи, тотъ немедленно долженъ былъ быть удаленъ изъ союза. Для удобства весь союзъ дѣлился сначала на трети, потомъ на четверти. Четверти были слѣдующія: вендская (Любекъ), нидерландско-вестфальская (Кельнъ), прусско-лифляндская (Данцигъ), саксонско-бранденбургская (Брауншвейгъ). Управленіе каждаго отдѣльнаго города не представляло никакихъ особенностей **). Тотъ же совѣтъ, тѣ же бургомистры, та же вражда между купечествомъ и ремесленниками, которыхъ не допускали къ отправленію городскихъ должностей, и которые въ ганзейскихъ городахъ, несмотря на всѣ усилія рѣдко могли добыться побѣды надъ купечествомъ. Городской совѣтъ мало-помалу смѣнилъ въ завѣдованіи ганзейскими дѣлами старую гильдію, которая пришла въ упадокъ, и самъ сдѣлался носителемъ духа ганзейской торговли.

Основа внутренней торговой политики Ганзы, которую мы легко можемъ прослѣдить по рецессамъ, заключается въ томъ, что право пользованія привилегіями и льготами, полученными ею за границею принадлежитъ только членамъ союза. Такъ создавалась монополія ганзейцевъ, и всякій конкуррентъ, если только не хотѣлъ быть раздавленнымъ въ торговой борьбѣ, принужденъ былъ войти въ составъ союза. Но за границею Ганза поддерживала совершенно другіе принципы торговой политики: она старалась, чтобы были сняты стѣсненія не только для ея членовъ, но и для другихъ иностранныхъ купцовъ. Такъ, въ 1379 г. она добилась того, что Брюгге отмѣнилъ запрещеніе розничной торговли для ломбардцевъ. Вообще, ганзейцы особенно дорожили принципомъ допущенія розничной торговли, ибо онъ былъ для нихъ прямо неоцѣнимъ съ практической точки зрѣнія. Ганзейцы съ самаго начала понимали очень хорошо, что, если они ограничатся въ своихъ заграничныхъ закупкахъ ролью

*) Протоколъ съѣзда.

**) Объ управленіи городовъ см. мои «Средневѣковые города».

транспортеровъ или коммиссіонеровъ, то барыши будутъ не Богъ вѣсть какіе. А при отсутствіи права непосредственнаго сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ, дѣло грозило свестись именно къ этому; тогда прибыль, на которую разсчитывали ганзейцы, должна была попасть въ карманъ мѣстнаго скупщика. Ганзейцы, поэтому, прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы не оставаться въ тѣсныхъ рамкахъ оптовыхъ операцій, а добиться права непосредственныхъ закупокъ на мѣстныхъ рынкахъ. Такая тенденція приводила къ упорной борьбѣ съ мѣстными оптовиками, которые всѣми силами старались оттѣснить ганзейцевъ отъ мѣстнаго рынка и отъ непосредственныхъ сношеній съ мѣстными крестьянами и ремесленниками. Пока Ганза была сильна, она умѣла и добиваться и сохранять за собою привилегію мелкихъ закупокъ, но, при первыхъ признакахъ упадка, это право немедленно отбирали у ея купцовъ. Кое-гдѣ Ганза лишилась его уже въ XIV в., но къ концу XV она потеряла его въ большинствѣ своихъ рынковъ. Это объясняется тѣмъ, что перемѣнилось соотношеніе силъ между Ганзою и другими державами. Она ослабѣла, а тѣ усилились и стали смѣлѣе.

Товарная торговля съ начала и до конца оставалась главнымъ предметомъ дѣятельности Ганзы. Ганзейцы неохотно затѣвали промышленныя предпріятія, неохотно занимались денежными и кредитными операціями. То была узость экономическаго кругозора, за которую Ганза и поплатилась, когда товарная торговля пошла другими путями.

XI.

По своей юридической конструкціи Ганза не отличается отъ гильдіи; она является лишь количественнымъ ея видоизмѣненіемъ, и если гильдія со временемъ перестаетъ быть замѣтной въ огромномъ организмѣ Ганзы, то тѣмъ не менѣе она была юридической ячейкой, изъ которой Ганза выросла. У насъ, поэтому, нѣтъ основанія считать Ганзу чѣмъ-нибудь принципіально отличнымъ отъ гильдіи. Гильдія была наиболѣе типичной формой средневѣковой купеческой ассоціаціи. Она характеризуетъ ту стадію экономическаго развитія, когда тор-

говля еще не успѣла образовать большихъ капиталовъ, когда она еще прикована къ городу, когда она еще очень нуждается въ искусственныхъ мѣрахъ для своего поддержанія и не можетъ безъ поддержки броситься въ море міровой конкурренціи. На гильдію нельзя смотрѣть, какъ на торговое товарищество; для этого ей недоставало наиболѣе типичнаго признака—общности капиталовъ и операцій у членовъ гильдіи. Члены гильдіи торговали каждый на свой рискъ; у каждаго былъ свой капиталъ и каждый получалъ особо свои барыши. Товарищами гильдейцы были лишь постольку, поскольку пользовались общей охраной отъ конкурренціи гостя, но между ними самими конкурренція въ принципѣ не устранялась; она была вполнѣ возможна, хотя фактически обнаруживалась въ болѣе смягченной формѣ. Городскія правила требовали, чтобы никто изъ купцовъ не стремился къ полученію большихъ барышей и къ накопленію крупныхъ капиталовъ, и множество детальныхъ обязательныхъ постановленій довольно успѣшно боролись съ естественной тенденціей торговаго развитія, неуклонно шествовавшей къ эрѣ капитализма. Эта особенность городской торговой политики и смягчала конкурренцію членовъ одной и той же гильдіи. Но такъ какъ тенденція торговаго развитія не знала компромиссовъ и властно требовала свободныхъ формъ ассоціацій, то уже въ XIII в., наряду съ гильдіей мы встрѣчаемъ и настоящія торговыя торжества съ коллективными капиталами и операціями.

Нетрудно видѣть, въ чемъ выражались новые запросы торговли. Съ распространеніемъ торговыхъ сношеній раздвигались рынки, пункты, въ которыхъ покупались и въ которыхъ продавались товары. Этотъ фактъ приводилъ къ двумъ послѣдствіямъ. Съ одной стороны мелкій купецъ оказывался мало-помалу не въ состояніи вести такія операціи, при которыхъ реализація прибыли отодвигалась на долгій срокъ, а кредитъ не приходилъ на помощь. Маленькій капиталъ, который вкладывался въ дѣло, не выдерживалъ и первой изъ тѣхъ случайностей, которыми были полны средневѣковые пути. Купецъ съ небольшими средствами самъ долженъ былъ быть всюду: сегодня въ Шампани, черезъ два мѣсяца—въ Брюгге, еще черезъ три мѣсяца—въ Венеціи. А это было физически невозможно. И мелкій купецъ становится тѣмъ рѣже, чѣмъ больше подвигаемся мы къ концу

среднихъ вѣковъ. Но даже купецъ съ большимъ капиталомъ не всегда могъ бороться съ тѣми трудностями, которыя создавали ему недочеты средневѣковаго, транспортнаго дѣла. Правда, онъ вытѣснялъ мало-помалу изъ иноземной торговли мелкаго купца, и къ концу среднихъ вѣковъ торговля сукномъ, шелковыми матеріями, металлическими издѣліями и пряностями велась исключительно капиталистическимъ путемъ, но ему мало было той прибыли, которую давали широкіе торговые обороты; ему хотѣлось еще больше поднять свой барышъ, но одному ему это было не подъ силу, и онъ принималъ къ себѣ въ дѣло сыновей, братьевъ, вообще ближайшихъ родственниковъ. Изъ такого временнаго и естественнаго торговаго союза возникало торговое товарищество. Тотъ типъ торговаго товарищества, который обыкновенно вырабатывался изъ семейнаго торговаго союза, въ позднѣйшемъ правѣ носитъ названіе „полнаго“ товарищества; его главный признакъ заключается въ томъ, что всѣ товарищи участвуютъ въ немъ всѣмъ своимъ состояніемъ и всѣмъ состояніемъ несутъ отвѣтственность по заключеннымъ товариществомъ обязательствамъ. Въ описываемое время главное завѣдываніе дѣлами поручается какому-нибудь видному и опытному члену; другіе помогаютъ личной работою, и товарищество ведетъ свои дѣла подъ одной фирмою, періодически подсчитывая прибыли и убытки. Такія торговыя общества впервые появились въ Италіи уже въ первой половинѣ XII в. и довольно быстро распространились по всѣмъ крупнымъ торговымъ городамъ. Они существовали въ Венеціи, Генуѣ, Пизѣ, Флоренціи, Сіенѣ, Миланѣ и другихъ. Благодаря организаціи и большимъ капиталамъ, ихъ операціи достигли колоссальныхъ размѣровъ. Въ XIV—XV вѣкахъ у нихъ были конторы въ главныхъ европейскихъ торговыхъ центрахъ. Примѣру итальянскихъ купцовъ стали слѣдовать и сосѣдніе купцы, которымъ особенно часто приходилось имѣть дѣло съ итальянцами — южно-нѣмецкіе, южно-французскіе. Основывались эти общества, которыя были извѣстны подъ ихъ итальянскимъ названіемъ compagnia, для цѣлей внѣшней торговли; для внутренней — она была совершенно не нужна, для внѣшней—прямо необходима; и эта необходимость все возрастала по мѣрѣ того, какъ капиталы росли и концентрировались. Въ прежнее

время обыкновенный нѣмецкій кремеръ ѣздилъ въ Венецію за товаромъ; въ XV в. онъ уже не могъ этого сдѣлать: его расходы не окупились бы въ виду невозможности продавать дороже, чѣмъ продастъ крупный купецъ, совершающій свои операціи путемъ товарищества. Такъ изъ крупныхъ эмпорій были вытѣснены не только мелкіе торговцы, но отчасти и крупные, такъ какъ даже и они не всегда могли выдержать конкурренцію сильныхъ капиталами обществъ. Въ началѣ торговыя товарищества занимались, главнымъ образомъ, товарной торговлей, но мало-помалу они стали пускать часть капиталовъ въ кредитныя операціи, которыя все больше и больше начали выступать на первый планъ. Въ этомъ отношеніи за товариществами огромная заслуга; они пропагандировали идею кредита, которая считалась, благодаря ученіямъ каноническаго права, чѣмъ-то богопротивнымъ *).

Но кредитныя же операціи и сгубили большинство товариществъ нашего типа. Торговля товарами, хотя бы даже такими цѣнными, какъ восточныя куренія и пряности, бывшія главнымъ предметомъ ихъ операцій, не приносили тѣхъ барышей, которые легко получались при торговлѣ деньгами. Но такъ какъ должниками являлись, главнымъ образомъ, короли, то неоднократно случалось, что банкиры теряли колоссальныя суммы вслѣдствіе отказа вѣнценосныхъ особъ выполнить свои обязательства. Такъ, Эдуардъ III англійскій разорилъ нѣсколько крупныхъ флорентинскихъ домовъ; такъ впослѣдствіи Габсбурги испанской и австрійской вѣтви сгубили нѣсколько нѣмецкихъ товариществъ, въ томъ числѣ и домъ Фуггеровъ.

Другимъ типомъ торговаго товарищества была такъ называемая commenda, главныя черты которой до сихъ поръ воспроизводятся въ такъ называемыхъ коммандитныхъ товариществахъ, или товариществахъ на вѣрѣ. Коммента появилась въ Италіи еще въ X в., слѣдовательно значительно старше полнаго товарищества. Но замѣтное распространеніе она получила, также, въ XII в., особенно въ Генуѣ **). Операціи этого вида производились такимъ

*) Объ этомъ см. слѣдующій параграфъ.

**) Первая изъ извѣстныхъ грамотъ относится къ 976 г. (Венеція).

образомъ, что предприниматель совершалъ торговыя поѣздки не только со своимъ собственнымъ капиталомъ, но и съ капиталомъ другого лица или другихъ лицъ, не принимавшихъ активнаго участія въ дѣлѣ и оставившихся обыкновенно дома.

Происхожденіе этой процедуры такое. Купецъ, не имѣвш возможности или не хотѣвшій лично сопровождать свои товары въ заморское плаваніе, поручалъ ихъ агенту. Это и была первоначальная форма комменды. Мало-помалу этотъ обычай создалъ цѣлый классъ такъ называемыхъ трактаторовъ, большинство которыхъ имѣли свои корабли. Чтобы заинтересовать ихъ въ предпріятіи, имъ отчисляли извѣстную, обыкновенно, четвертую часть прибыли. Нѣсколько удачныхъ плаваній помогали трактатору скопить капиталъ; онъ пускалъ его въ оборотъ, и тогда, конечно, по вычетѣ трактаторскаго процента барышъ дѣлили пропорціонально внесенной каждымъ суммѣ. Таковъ первый этапъ развитія комменды. Дальнѣйшій состоялъ въ томъ, что трактаторъ вступалъ въ договоръ сразу съ нѣсколькими капиталистами, что выдвигало его на первый планъ и передавало ему руководство дѣломъ. Теперь уже не его нанимали, а онъ привлекалъ капиталы. Прибыль начислялась каждому пропорціонально внесенному капиталу и въ случаѣ неудачи, если, напримѣръ, судно терпѣло крушеніе или дѣлалось жертвою пиратовъ, трактаторъ-предприниматель терялъ все, а неполные товарищи—только вклады.

Комменда оказалась гораздо болѣе эластичной, чѣмъ громоздкое полное товарищество, основывать которое для не крупныхъ операцій не было разсчета. Во внутренней торговлѣ полное товарищество не дѣйствовало, въ то время, какъ комменда примѣнялась и во внѣшней и во внутренней. Во Франціи мы встрѣчаемъ комменду сравнительно очень рано (въ Марсели), раньше чѣмъ полное товарищество; въ Германіи, наоборотъ, позднѣе; есть основаніе думать, что тамъ она образовалась самостоятельно, ибо мы ее находимъ, главнымъ образомъ, на сѣверѣ; здѣсь она могла образоваться изъ института уполномоченныхъ. Купецъ, который не можетъ поспѣть всюду самъ, довѣрялъ часть капитала приказчику, который пріобрѣталъ мало-помалу большую опытность въ одной какой-нибудь области и, естественно, вмѣстѣ съ этимъ становился

болѣе самостоятельнымъ. Тогда купцу становится прямо невыгоднымъ имѣть его приказчикомъ; онъ предоставляетъ ему свободу и дѣлается самъ вкладчикомъ въ его предпріятіи.

Какъ полное товарищество, такъ и комменда находили примѣненіе не только въ товарной и денежной торговлѣ, но и въ промышленности. Идея устройства промышленнаго товарищества должна была, естественно, прійти въ голову тамъ, гдѣ промышленныя предпріятія требовали все большаго и большаго капитала, какъ, напримѣръ, въ текстильной промышленности въ Италіи и Фландріи. Но наиболѣе широкое примѣненіе нашла идея промышленнаго товарищества въ молодомъ горномъ дѣлѣ, гдѣ цеховой строй не стоялъ поперекъ дороги у коммерсантовъ съ широкимъ размахомъ и не мѣшалъ какому угодно расширенію дѣла. Вотъ почему въ горномъ дѣлѣ мы встрѣчаемъ, хотя сравнительно и поздно, не раньше XV в., цѣлые синдикаты, основанные съ хорошо сознанной цѣлью устранить всякую возможную конкурренцію и держать въ рукахъ потребителя. Такія предпріятія, преслѣдующія, но уже не помощью средневѣковыхъ средствъ, задачу охраненія монополіи, вызывали горькіе упреки современниковъ и мѣропріятія муниципалитетовъ и центральной власти, направленныя противъ не въ мѣру выросшихъ аппетитовъ крупныхъ капиталистовъ.

Встрѣчаются въ Италіи съ середины XIV в. и акціонерныя общества, основанныя для колоніальныхъ торговыхъ предпріятій, но они не имѣютъ большого значенія вплоть до великихъ географическихъ открытій XV в.

XII.

Денежное хозяйство во вторую половину среднихъ вѣковъ все больше и больше распространялось на западѣ. Употребленіе монеты постепенно возрастало и оказывало вліяніе не только на организацію обмѣна, но отчасти и на организацію производства. Нечего и говорить, что торговыя сдѣлки и операціи въ городахъ были построены исключительно на денежныхъ цѣнностяхъ, но этого мало. Сельскія условія, также, уже начинали мало-помалу преобразовы-

ваться подъ давленіемъ новыхъ условій. Натуральныя повинности переводились на деньги; рыночный торгъ, поскольку въ немъ принимало участіе село, шолъ тоже преимущественно на деньги.

Денежное хозяйство все больше разрушало автономность отдѣльныхъ экономическихъ единицъ; оно установило зависимость между разъединенными прежде узлами производства и сильно расширило область обмѣна. Во вторую половину среднихъ вѣковъ мы встрѣчаемъ явленіе, незнакомое первой—частое колебаніе цѣнъ. Оно вызвано, конечно, тѣмъ, что отдѣльныя хозяйства, какъ бы отдаленны они ни были, приходятъ между собою въ соприкосновеніе. Возьмемъ такой примѣръ. Самодовлѣющее помѣстье X вѣка было предоставлено себѣ. Если, напримѣръ, урожай хлѣба удался хорошій, никто не думалъ о томъ, что можно излишкомъ воспользоваться для пріобрѣтенія другихъ хозяйственныхъ цѣнностей; только въ очень благоустроенныхъ помѣстіяхъ излишекъ хлѣба ссыпали въ запасъ, обыкновенно же его потребляли весь самымъ расточительнымъ образомъ. Наоборотъ, въ случаѣ неурожая помѣстье голодало: подобно тому, какъ некуда было сбыть излишекъ, такъ неоткуда было пополнить недостатокъ. Такъ, въ 973 г. Фландрія голодала, не получая помощи ни откуда. Въ XIII вѣкѣ, а тѣмъ болѣе въ XIV—XV обстоятельства измѣнились. Организація извѣстій сдѣлалась лучше, облегчились сношенія, связи между помѣстіями и городами сдѣлались крѣпче. Теперь неурожай на Рейнѣ отозвался бы довольно скоро повышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ во Фландріи и Италіи. При этомъ нужно помнить, что торговля зерномъ и скотомъ, даже въ концѣ среднихъ вѣковъ, находилась въ зачаточномъ состояніи, и городской рынокъ не могъ сослужить большую службу въ дѣлѣ организаціи широкаго междугородского обмѣна сельскохозяйственными продуктами. Онъ умѣлъ притянуть къ себѣ сельскую округу и воспользоваться для своихъ нуждъ продуктами ея производства, но для широкаго хлѣбнаго экспорта онъ не годился. Гораздо лучше видна усложнившаяся зависимость между различными хозяйствами на примѣрѣ промышленности. Во всякомъ случаѣ, она находится въ тѣсной связи съ денежнымъ хозяйствомъ. Существованіе денегъ въ хозяйственномъ оборотѣ создаетъ цѣны и устанавливаетъ связь между

различными пунктами. Общество привыкаетъ постепенно къ существованію денегъ, и ихъ вліяніе становится настолько значительно, что безъ нихъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обойтись невозможно. Требованіе на деньги быстро возрастало, а наличность благородныхъ металловъ была не въ состояніи поспѣть за увеличивающимся спросомъ. Для того, чтобы какъ-нибудь устранить неудобства, вытекающія изъ несоотвѣтствія между спросомъ на деньги и ихъ предложеніемъ, было открыто два пути: или увеличить наличность, или уменьшить спросъ. Первое было недостижимо, ибо горное дѣло было все еще не развито, а военной добычи на востокѣ не было послѣ разграбленія Константинополя въ 1204 г. Оставалось уменьшить спросъ, но это нужно было сдѣлать такимъ образомъ, чтобы не затронуть настоятельныхъ народнохозяйственныхъ нуждъ, не признающихъ никакихъ компромиссовъ. Невозможно было повернуть вспять колесо хозяйственной эволюціи и возвратиться къ натурально-хозяйственному строю. Слѣдовательно, нужно было найти средство, которое сокращало бы употребленіе металлическихъ денегъ, не касаясь сложившихся основъ обмѣна. Такимъ средствомъ могло быть только широкое развитіе кредита.

Европа знала кредитъ и раньше въ самые первые вѣка послѣ паденія западной имперіи, но тогда онъ находился цѣликомъ въ рукахъ евреевъ. Для этого была очень основательная причина. Церковь въ лицѣ своихъ писателей считала ростъ грѣховнымъ и запрещала христіанамъ брать проценты. Пока Европа жила натуральнымъ хозяйствомъ, такое ученіе было вполнѣ естественно и всѣхъ удовлетворяло: христіанъ, потому что въ кредитѣ не было большой необходимости, евреевъ, потому что всѣ наличныя кредитныя операціи монополизировались въ ихъ рукахъ. Эта гармонія должна была нарушиться, когда наступили признаки хозяйственнаго переворота. Церковь отъ своего ученія не отказывалась, а въ денежныхъ операціяхъ и кредитѣ явилась настоятельная потребность. Произошло то, что должно было произойти, т.-е. церковь уступила и кредитъ былъ признанъ законнымъ также и для христіанъ. Перипетіи этого процесса являются наиболѣе любопытными страницами въ исторіи кредита.

Мы знаемъ, что римское право считалось съ кредитомъ, какъ и со всякимъ другимъ институтомъ торговли, и не могло съ нимъ не считаться, потому что римскую торговую организацію безъ кредита невозможно было представить. Но когда наступила натурально-хозяйственная реакція, настоятельная необходимость въ кредитѣ исчезла. Мало того, теперь кредитъ сдѣлался вреднымъ съ экономической точки зрѣнія учрежденіемъ. Заемъ въ натуральномъ хозяйствѣ совсѣмъ не вноситъ того характера нормальнаго явленія, какъ въ хозяйствѣ денежномъ. При развитыхъ хозяйственныхъ формахъ занятая сумма обыкновенно идетъ въ производство, т.-е. пускается въ оборотъ и приноситъ доходъ. Это теоретически оправдываетъ процентъ. Наоборотъ, въ натуральномъ хозяйствѣ нѣтъ необходимости въ займѣ, пока все идетъ хорошо; разъ все потребляется дома и о сбытѣ нѣтъ разговоровъ, то особенно хлопотать о расширеніи производства и для этого прибѣгать къ кредиту не приходится. Къ займу обращаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда случилось непредвидѣнное несчастіе: неурожай, моръ, падежъ скота, нашествіе непріятелей, т.-е. что-нибудь такое, что уничтожило плоды хозяйственной дѣятельности или не дало возможности ихъ получить. Крестьянинъ или помѣщикъ, обращающійся къ займу при этихъ условіяхъ, оказывается дѣйствительно въ тяжеломъ положеніи, потому что заемъ не идетъ въ производство, а весь съ процентами ложится а потребленіе. Въ этихъ случаяхъ всегда трудно вернуть долгъ, ибо онъ непосредственно потребляется, а проценты наростаютъ и тормозятъ хозяйственную дѣятельность. Брать проценты при этихъ условіяхъ значитъ падающаго подтолкнуть.

Такова этика натуральнаго хозяйства. Естественно, что при этихъ условіяхъ объ ученіяхъ римскаго права забыли, а идеологъ натуральнаго хозяйства, средневѣковая церковь, принявшая на себя формулированіе этихъ нравственныхъ нормъ подъ диктовку натурально-хозяйственной дѣйствительности, обратилась за теоретическимъ обоснованіемъ къ такимъ источникамъ, которые были ей ближе всего и первымъ долгомъ къ Вульгатѣ. Тамъ (Еванг. отъ Луки VI, 35) говорится: Mutuum date, nihil inde sperantes, т.-е. въ займы авайте, не надѣясь (получить) отъ этого ничего. Порывшись у

отцовъ церкви, безъ труда нашли другія соотвѣтствующія указанія. Правда, въ Священномъ Писаніи и у отцовъ всѣ правила отнесены къ духовенству, но для канонистовъ важно было найти самыя правила; ихъ толкованіемъ они занялись сами, и у нихъ они сейчасъ же приняли универсальный характеръ. Разъ теоретически они были распространены на мірянъ, то естественно нужно было добиться того же на практикѣ. Это было сдѣлано капитуляріями Карла Великаго и соборными постановленіями IX в. Императоръ дѣйствовалъ тутъ, исключительно подчиняясь вліянію духовенства; онъ не чувствовалъ противорѣчія между своими мѣрами, направленными къ оживленію торговли, и мѣрами, ограничивающими кредитъ. Это дѣйствительность отплачивала ему за то, что онъ захотѣлъ создать торговый подъемъ при полномъ господствѣ натуральнаго хозяйства. Ближайшая эпоха принесла крушеніе первой категоріи его мѣропріятій и торжество канонической точки зрѣнія, проведенной въ капитуляріяхъ.

Какъ всегда бываетъ, духовенство схватилось за букву. Оно не могло видѣть, что теорія о вредѣ лихвы отвѣчаетъ подробностямъ жизни и только потому не возбуждаетъ никакихъ возраженій. Оно твердо стояло на стражѣ каноническихъ нормъ, не допуская никакихъ отклоненій. И оно прожило спокойно до тѣхъ поръ, пока новое оживленіе торговли не отозвалось въ Болоньѣ возрожденіемъ римскаго права. Уже въ XII в. Ирнерій вполнѣ спокойно говорилъ о ростѣ, а въ XIII в. Аккурсій и его ученики совершенно игнорировали постановленія церкви. Церковь должна была заняться вопросомъ, и ея дѣятельность въ этомъ отношеніи пошла двумя путями. Съ одной стороны, соборы стали вновь и вновь запрещать ростъ, съ другой—теоретики церкви пытались теоретическими доводами доказать недопустимость ссуды.

XIII.

Первое постановленіе противъ лихвы исходило отъ Латеранскаго собора 1179 г. (папа Александръ III), но оно пока грозило ослушникамъ только лишеніемъ причастія и христіанскаго погребенія. Черезъ сто лѣтъ, въ 1274 г., Григорій X заставляетъ Ліонскій соборъ

издать болѣе строгое постановленіе, по которому иностранцы-ростовщики должны были изгоняться изъ владѣній, принадлежащихъ городамъ, корпораціямъ и частнымъ лицамъ; ослушникамъ грозило церковное покаяніе. Наконецъ, третье постановленіе Вьенскаго собора (1311, Климентъ V) гласитъ, что городскія власти, издающія постановленія объ уплатѣ должниками лихвы и о томъ, что ростовщики не обязаны возвращать денегъ, полученныхъ въ видѣ процента, подвергаются отлученію отъ церкви; подъ угрозою той же кары городскія власти должны были отмѣнить всѣ противорѣчащія этому постановленію распоряженія; упорствующимъ грозило наказаніе, полагающееся для еретиковъ.

У теоретиковъ наиболѣе популярнымъ аргументомъ, кромѣ ссылки на Евангеліе и одно мѣсто Исхода, былъ слѣдующій: деньги не обладаютъ свойствами злаковъ и не могутъ произростать изъ себя; слѣдовательно, процентомъ оплачивается лишь время, протекшее между двумя моментами, а это незаконно, ибо время, согласно волѣ Господней, безвозмездно принадлежитъ всѣмъ людямъ. Но такими наивными соображеніями трудно было состязаться съ утонченной юридической казуистикой римскаго права, и канонисты, которые не хотѣли итти на вѣрное фіаско, должды были бороться съ римскимъ правомъ его же оружіемъ. Канонисты и заимствовали въ римскомъ правѣ одно разграниченіе, но пустили его въ ходъ съ очень существенной передержкой. Они разсуждали такъ: вещи дѣлятся на потребляемыя (consumptibiles), напр., зерно и не потребляемыя (fungibiles), напр., домъ; первыя при пользованіи ими расходуются, вторыя нѣтъ. Деньги принадлежатъ къ первой категоріи; поэтому, взимать ростъ значитъ — продать вещь, а затѣмъ требовать платы за пользованіе ею, что несправедливо. То возраженіе, что тутъ имѣется въ виду вознагражденіе за потерю времени, отводилось ссылкою на безвозмездную принадлежность времени всѣмъ. Наиболѣе сильная формулировка этой теоріи находится у Ѳомы Аквината.

Сочиненія отцовъ церкви и авторитетовъ каноническаго права служили достаточной опорою для практическихъ мѣропріятій папъ и церковныхъ соборовъ; угрозы папъ и церковныхъ соборовъ заставляли христіанъ, несмотря на весь соблазнъ, заключающійся въ

кредитныхъ сдѣлкахъ, держаться отъ нихъ подальше. Между тѣмъ экономическая эволюція не могла ждать. Евреевъ, очевидно, становилось мало, ихъ капиталовъ не хватало; такъ какъ конкуррентовъ у нихъ не было, они брали чудовищные проценты. Классическій примѣръ того, какъ начисляли проценты еврейскіе ростовщики, представляетъ тотъ злополучный аббатъ изъ Сентъ Эдмондсбери, который занялъ у еврея 27 фунтовъ на ремонтъ монастырскихъ келій, а черезъ четыре года, невѣдомо какимъ образомъ, оказался должонъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 840 фунтовъ. Во Франціи евреямъ не было такой свободы. Филиппъ Августъ разрѣшилъ имъ брать не болѣе 46%; они брали 60% и 100%, но до англійскихъ процентовъ не доходили. Въ Англіи евреямъ жилось въ началѣ довольно хорошо, ибо они платили за право свободнаго занятія своимъ ремесломъ такой налогъ, который составлялъ въ началѣ XIII в. тринадцатую часть бюджета королевства. Но, несмотря на это, въ концѣ XIII в. Эдуардъ I долженъ былъ подчиниться общественному мнѣнію и изгнать своихъ доходныхъ подданныхъ изъ предѣловъ государства. Онъ могъ это сдѣлать тѣмъ свободнѣе, что были люди, занимавшіеся ихъ ремесломъ и готовые занять ихъ мѣсто. Эти люди были христіане. Какимъ же образомъ христіане не побоялись церковныхъ каръ?

Имъ тутъ помогло то же римское право.

Легисты были очень напуганы угрозами папъ и уже не рѣшались открыто и смѣло, подобно Аккурсію, защищать законность роста, но они выдумали лазейку, не признать которой не могла сама церковь. Легисты соглашались, что ростъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ не грѣховная вещь, но они находили, что никакого грѣха не будетъ, если включить въ условіе займа пунктъ о неустойкѣ за просрочку платежа. Вѣдь заимодавецъ, несомнѣнно, терпитъ ущербъ, если ему не уплачиваютъ ссуженныхъ имъ денегъ въ срокъ. Не будетъ ли вполнѣ законно и естественно, если ему заплатятъ за понесенный ущербъ. Схоластика не нашлась возразить, и ученіе о неустойкѣ открыло христіанамъ возможность конкуррировать съ евреями на поприщѣ торговли деньгами.

Къ этому времени нашли и другую лазейку, при помощи которой еще проще можно было избѣгнуть всѣхъ церковныхъ каръ.

Заключалась она въ томъ, что проценты уплачивались при заключеніи займа. Напримѣръ, если долговое обязательство заключалось на сумму 200 фунтовъ на 5 мѣсяцевъ по 2% въ мѣсяцъ, съ должника вычиталось 20 фунтовъ, и онъ получалъ всего 180 ф. Между тѣмъ въ условіи ни о какихъ процентахъ не было рѣчи *).

Теперь, когда были найдены спасительныя формулы, долговыя обязательства стали составляться такимъ образомъ, что проценты на капитальный долгъ, въ случаѣ уплаты его въ срокъ, не начислялись, но, въ случаѣ просрочки, они начислялись въ удвоенномъ и утроенномъ размѣрѣ. Такъ въ обязательствѣ, текстъ котораго сохранился у Матвѣя Парижскаго, аббатъ и братья одного англійскаго монастыря обязуются уплатить по одной маркѣ съ каждыхъ 10 марокъ каждые два мѣсяца по истеченіи срока, т.-е. 60% годовыхъ. Натурально, что банкиры давали взаймы почти всегда на очень короткій срокъ (въ нашемъ примѣрѣ съ 19 апрѣля по 1 августа), чтобы, во-первыхъ, сократить время безплатнаго пользованія деньгами и, во-вторыхъ, ускорить срокъ начисленія процентовъ.

Было еще и другое условіе, которое позволяло купцамъ смѣлѣе обращаться къ кредитнымъ операціямъ. Они стали работать на службѣ у того учрежденія, которое одно возставало противъ кредита, у римской церкви. Она, конечно, молчала въ тѣхъ случаяхъ, когда кредитныя операціи приносили выгоду ей. Какъ извѣстно, курія получала нѣсколько категорій доходовъ, которые ея прелаты по всему свѣту собирали съ вѣрующихъ. Среди этихъ доходовъ главное мѣсто занимали налогъ на снаряженіе крестовыхъ походовъ, динарій св. Петра и сборы съ епископовъ и аббатовъ. Тутъ-то и развивали свою дѣятельность предпріимчивые купцы. Собираніе податей поручалось, обыкновенно, какому-нибудь прелату, а онъ передовѣрялъ это дѣло отъ себя купцамъ; тѣ выплачивали ему сумму подати впередъ и потомъ уже взыскивали ее съ кого слѣдуетъ. Или еще проще: они уплачивали ее прямо въ курію, и та уполномочивала ихъ собирать деньги въ качествѣ ея собственныхъ фискальныхъ агентовъ. Риска не было, ибо, въ случаѣ неплатежа, купцы немедленно приводили

*) Этотъ способъ хорошо знакомъ и нашимъ современнымъ ростовщикамъ, которые не могутъ помѣстить въ векселѣ черезчуръ высокій процентъ.

въ движеніе интердиктъ. Вся эта процедура носила явный характеръ кредитной операціи тѣмъ болѣе, что тутъ часто приходилось переводить долги, писать векселя и проч. Въ этомъ случаѣ курія закрывала глаза, а купцы съ большимъ успѣхомъ опутывали злополучныхъ епископовъ долговыми обязательствами.

XIV.

Первыми христіанскими купцами, которые сдѣлали торговлю деньгами своей спеціальностью, были кагорскіе купцы *). Благодаря своимъ связямъ въ Римѣ, они получили отъ папы полномочія отправиться въ Англію, чтобы содѣйствовать тамъ собиранію доходовъ куріи. Въ первый разъ они появляются тамъ около 1235 г., благодаря природной юркости и предпріимчивости заводятъ обширную кліентуру, опутываютъ своими расписками короля, вельможъ, духовенство. Они работали подъ крыломъ кардинала-легата, но ихъ дѣятельность въ пользу куріи была лишь ширмою, прикрывавшей ихъ ростовщическіе подвиги. Одно время они исчезаютъ вмѣстѣ съ кардиналомъ-покровителемъ, но находятъ вліятельныхъ патроновъ среди вельможъ, деньги которыхъ они пускаютъ въ оборотъ. Въ 1251 г. имъ пришлось жестоко поплатиться за свои подвиги и кажется, съ тѣхъ поръ они исчезаютъ. Впрочемъ, быть можетъ, исчезаютъ не купцы, а только имя. Возможно, что подъ названіемъ кагорцевъ фигурировали и раньше итальянскіе купцы или, какъ ихъ называли въ то время, ломбардцы отъ того, что большинство ихъ было родомъ изъ сѣверной Италіи.

Въ Германіи „кагорцы“ (Kawerschen) почти всѣ безъ исключенія были не французы, а итальянцы, родомъ изъ города Асти въ сѣверной Италіи. Кагорцами ихъ называли по аналогіи съ другими странами, такъ что тутъ мы имѣемъ случай превращенія собственнаго имени въ нарицательное **). Эти мѣнялы, какъ и евреи,

---

*) Кагоръ—городъ въ южной Франціи.

**) Возможно, конечно, что до купцовъ-мѣнялъ изъ Асти, дѣйствовавшихъ въ Германіи, главнымъ образомъ, въ XIV в., тамъ работали и настоящіе кагорцы.

удовлетворяли въ нѣмецкихъ городахъ потребностямъ мелкаго кредита. Въ Франціи „ломбардцами“ назывались безразлично, какъ крупные, такъ и мелкіе дѣльцы. Такъ же стали называть ихъ впослѣдствіи и въ Германіи; въ XIV в. „ломбардцы“ тамъ мало извѣстны, но всѣ знаютъ „кагорцевъ“. Разселившись по разнымъ городамъ, они открываютъ ростовщическія конторы подъ закладъ движимости, Теперешнее названіе „ломбардъ“ напоминаетъ объ ихъ изобрѣтателяхъ. На этомъ поприщѣ они встрѣчали конкурренцію со стороны евреевъ; тѣ и другіе лишались, обыкновенно, права товарной торговли, ставились подъ особый надзоръ и проч. Но у ломбардцевъ было то преимущество, что они были христіане, грѣховные, правда, и въ чужомъ, и въ своемъ сознаніи *), но христіане. Евреевъ избивали довольно часто; ломбардцы только извлекали выгоду изъ этого, потому что прибирали по рукамъ кліентуру разгромленныхъ евреевъ.

Въ XV в. дѣла „кагорцевъ“, такъ и евреевъ, занимающихся мелкимъ ростовщическимъ кредитомъ, падаютъ, потому что улучшаются условія кредита вообще, появляются общественныя заемныя кассы и ломбарды, гдѣ кредитъ гораздо дешевле (въ Италіи они называются montes pietatis и подъ именемъ monts de pieté перенесены были во Францію). Какъ евреи, такъ и „кагорцы“ постепенно теряютъ почву.

Другую категорію „ломбардцевъ“ составляютъ крупные банкиры. Они сперва были простыми купцами, которые имѣли свои торговыя дѣла въ Англіи, Франціи и Германіи, а когда появилось ученіе о неустойкѣ, они сдѣлались сразу очень опасными конкуррентами евреямъ. Во второй половинѣ XIII в. и въ первой половинѣ XIV в. во Франціи, Англіи, Германіи не оставалось мѣста, куда бы ни проникли банкиры-ломбардцы. Евреямъ было невозможно съ ними конкуррировать: они были безправны, заклеймены своей остроконечной шапкой и цвѣтнымъ тузомъ на спинѣ, находились внѣ закона, въ то время, какъ ломбардцы пользовались всѣми гражданскими правами. Они пріѣзжаютъ

*) Намъ извѣстны случаи, когда купецъ, всю жизнь занимавшійся ростовщическомъ, передъ смертью изъ страха предъ судомъ Божьимъ возвращалъ часть процентовъ своимъ кліентамъ.

изъ Флоренціи, Милана, Лукки, Пьяченцы, Сіенны, Венеціи. Въ 1292 г. въ одномъ Парижѣ насчитываютъ до тридцати итальянскихъ компаній. Тутъ всѣ громкія имена итальянскаго финансоваго міра: Барди, Спини, Моцци, Скоцци, Рустигацци, Гуаданьябене, Ангуиссола, делла-Скала, Перуцци, Фрескобальди, Барини, Гуиди и проч. Позднѣе къ нимъ присоединяются еще болѣе громкія: Медичи, Капони, Маччи. Они ведутъ свое дѣло не только на свой рискъ и страхъ: курія дѣлаетъ ихъ своими финансовыми агентами, и за то, что они хорошо выполняютъ свои обязанности по отношенію къ ней, папы никогда не отказываются пустить въ ходъ свой авторитетъ, чтобы вынудить ихъ должниковъ изъ духовныхъ лицъ платить долги. Въ Германіи, на которую со второй половины XIV в. особенно насѣли ломбардцы, поссорившіеся съ англійскими и французскими королями, прелаты были кругомъ въ долгахъ у нихъ, и папамъ то-и-дѣло приходилось давить на своихъ епископовъ, чтобы заставить ихъ платить.

Такимъ образомъ, церковь, не отказываясь въ принципѣ отъ своей точки зрѣнія, на практикѣ не только мирится съ существованіемъ самаго настоящаго роста, но еще сама содѣйствуетъ укорененію въ обществѣ понятія о процентѣ.

Въ этомъ фактѣ лучше всего сказалось торжество денежнаго хозяйства надъ натуральнымъ.

Кромѣ купцовъ, разныхъ національностей, которые занимались кредитнымъ дѣломъ, была еще одна категорія людей, которые пускали свои очень солидные по тому времени, капиталы въ кредитныя сдѣлки. То были рыцари-монахи ордена Тампліеровъ, или Храмовниковъ. Они выступили на это поприще раньше кагорцевъ и итальянцевъ, быть можетъ, еще въ XII в. Ихъ резиденціи въ Парижѣ и Лондонѣ были настоящими ссудными кассами. Они давали деньги подъ закладъ имущества всюду, гдѣ только имѣлась ихъ община, больше всего во Франціи. Во время походовъ противъ невѣрныхъ тампліеры возили съ собой свою кассу и дѣлали очень хорошія дѣла. Они были главными банкирами Людовика Святого. Когда королю нужно было платить выкупъ, и въ государственной казнѣ не оказалось колоссальной по тому времени суммы въ 30.000 ливровъ

(въ переводѣ на теперешній курсъ больше 3 мил. франковъ), его выручили главнымъ образомъ тампліеры. Они охотно давали деньги людямъ съ удостовѣренной кредитоспособностью и раньше ломбардцевъ исполняли доходную должность финансовыхъ агентовъ куріи.

Одно обстоятельство дѣлало положеніе всѣхъ банкировъ въ средніе вѣка весьма ненадежнымъ: ихъ тѣсныя дѣловыя связи съ высочайшими особами, которыя любили и умѣли брать, но съ большимъ неудовольствіемъ отдавали назадъ взятое въ долгъ. Чтобы избавиться отъ докучливыхъ кредиторовъ, они не останавливались ни передъ какими мѣрами. Не говоря уже о томъ, что несчастнымъ евреямъ доставалось по всякому, даже и христіанскіе банкиры не были въ очень большой безопасности отъ своихъ царственныхъ должниковъ. Въ 1277 г. Филиппъ III французскій велѣлъ арестовать всѣхъ работавшихъ во Франціи итальянцевъ, но они подкупили его колоссальной суммой въ $1^1/_2$ м. ливровъ; онъ не только ихъ выпустилъ, но разрѣшилъ всѣ сдѣлки. Не разъ поступалъ съ ними такимъ же образомъ Филиппъ Красивый. Но съ тампліерами этотъ король, не знавшій предразсудковъ, поступилъ гораздо энергичнѣе. Онъ ихъ обвинилъ въ ереси, велѣлъ сжечь на кострахъ, а огромныя богатства присвоилъ себѣ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя Эдуардъ III англійскій объявилъ государственное банкротство. Двѣ крупнѣйшія итальянскія фирмы Перуцци и Барди рухнули, увлекая въ своемъ паденіи цѣлый рядъ мелкихъ.

XV.

Основаніемъ средневѣковаго кредитнаго дѣла былъ промыселъ мѣнялъ. Мѣнялы были вызваны къ жизни запутанностью средневѣковой монетной системы. Нужно было быть спеціалистомъ, чтобы не сбиться въ счетѣ и не ошибиться, имѣя въ рукахъ, напримѣръ, десять монетъ, изъ которыхъ каждая была выбита въ разномъ городѣ. Мѣнялы посвящали себя цѣликомъ изученію монетныхъ системъ, и у нихъ столовъ легко было кончать всевозможные счеты. Такъ какъ общественная власть требовала, обыкновенно, отъ мѣнялъ

какой-нибудь, нравственной (присяга) или матеріальной (залогъ, поручитель), гарантіи, и такъ какъ у мѣнялъ должны были быть надежныя помѣщенія для храненія огромнаго количества разнообразной монеты, то имъ стали довѣрять храненіе денегъ. Это усложнило характеръ мѣняльнаго промысла. Теперь уже у мѣняльнаго стола заключались сдѣлки и кончались разсчеты; если обѣ стороны были кліентами одного и того же мѣнялы, дѣло кончалось простой перепиской, обыкновенно же привлекался и другой мѣняла. Вложенныя деньги мѣняла пускалъ въ оборотъ. Это было выгодно, потому что, въ сущности, означало даровой кредитъ, ибо процентовъ на вклады не полагалось. Изъ операцій, которыми стали заниматься мѣнялы, мало-помалу выдвинулись на первый планъ отдача денегъ въ кредитъ, но она не была единственной фирмою; наряду съ нею видную роль играла товарная торговля. Этимъ объясняется, почему въ средніе вѣка банковое дѣло было одной изъ вѣтвей торговой дѣятельности вообще. Но, когда банкирскія операціи развивались, то въ концѣ концовъ онѣ отодвигали на задній планъ всѣ другія отрасли торговли. Какой-нибудь банкирскій домъ Перуцци имѣлъ цѣлыхъ 16 отдѣленій кромѣ Флоренціи. Едва ли у людей, стоявшихъ во главѣ фирмы хватало бы времени и энергіи, чтобы заниматся еще другимъ.

Большинство банкирскихъ домовъ принадлежало частнымъ лицамъ. Собственно говоря, въ средніе вѣка почти не существовало общественныхъ банковъ. Первый извѣстный случай—это основаніе банка въ Венеціи въ 1157 году. Онъ былъ основанъ обществомъ кредиторовъ республики, получившихъ важныя привилегіи. Онъ назывался Monte, а позднѣе Banco del giro *). Операціи его вскорѣ выросли: въ 1171 году онъ уже имѣлъ связи со всѣмъ міромъ, а къ концу среднихъ вѣковъ его доходы доходили до 5 милліоновъ франковъ на нынѣшнія деньги. Въ Генуѣ основались въ 1150 г. восемь банковъ, созданныхъ также кредиторами республики; они взяли на откупъ налоги, но въ 1401 г., вслѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ осложненій, собраніе этихъ налоговъ сдѣла-

*) Жиро—это операція переписки съ одного счета на другой по указанію кліентовъ.

лось невозможно, и всѣ банки лопнули. Тогда французскій губернаторъ (городъ находился въ то время подъ французскимъ управленіемъ) объединилъ всѣ восемь банковъ въ одинъ подъ названіемъ Casa di S. Giorgio, внесъ нѣкоторыя техническія улучшенія въ его организацію, и банкъ пошелъ въ гору. По образцу обоихъ этихъ банковъ венеціанскаго и генуэзскаго, были основаны публичные банки въ Барселонѣ (1401), Кьери (1415), Гамбургѣ (1189), Нюрнбергѣ, Франкфуртѣ на М. (послѣдніе два также въ XV в.).

Одной изъ побудительныхъ причинъ для основанія публичныхъ банковъ была высота процента, взимавшагося частными банками. Мы видѣли, сколько частныя лица брали въ Англіи. Вотъ еще нѣсколько цифръ, заимствованныхъ изъ практики ломбардцевъ. Напомнимъ, что наиболѣе ходячій денежный курсъ былъ 1 фунтъ (или ливръ) = 20 солидамъ = 240 денаріямъ. На шампанскихъ ярмаркахъ ломбардцы брали 8 денаріевъ на ливръ за мѣсяцъ, 20 ливровъ на 100 за пять мѣсяцевъ, 25 ливровъ на 100 за 6 мѣсяцевъ, 2 ливра на 12 за 4 мѣсяца, 20 ливровъ 10 солидовъ на 100 ливровъ за 4 мѣсяца, 240 ливровъ на 600 за годъ и, кромѣ того, 280 ливровъ за отсрочку на годъ. Въ Флоренціи таксы колебались между 12 и 20 на 100 за годъ, а когда не было никакихъ опасеній, она опускалась даже до 10%. Среднимъ процентомъ нужно считать 20 на 100. Эта такса была легализована во Франціи Филиппомъ IV Красивымъ. Учрежденіе публичныхъ банковъ сильно сбавило процентъ; 20%-ная такса стала по этому масштабу высокой.

Орудіемъ кредита былъ вексель. Разсказъ о томъ, что его изобрѣли изгнанные изъ Франціи евреи или изгнанные гвельфами гибеллины, что онъ выдуманъ въ Флоренціи или Марсели—относится къ числу историческихъ фантазій. Онъ появляется около половины XII вѣка въ связи съ тремя фактами: доставкой папскихъ доходовъ въ курію, ярмарочнымъ торгомъ и морской торговлей. Сборщики податей вносили деньги въ отдѣленіе какой-нибудь итальянской фирмы; имъ выдавался вексель, по которому курія могла получить деньги въ Римѣ (позднѣе въ Авиньонѣ). Ярмарки дали толчекъ вексельному дѣлу; теперь явилась возможность не возить съ собою денегъ, что было истиннымъ благодѣяніемъ

въ то безпокойное время. Купецъ, имѣвшій должника и собиравшійся запастись на ярмаркѣ товаромъ, ѣхалъ налегкѣ и долженъ былъ защищать только свою жизнь. На ярмаркѣ онъ предъявлялъ вексель и получалъ деньги, которыя явились у должника, продавшаго товаръ. Морская торговля породила институтъ морского займа. Купецъ, ѣхавшій за море, бралъ у другого деньги и пускахъ ихъ въ оборотъ; при этомъ заимодавецъ принималъ участіе въ рискѣ. Должникъ обязывался выплатить взятую сумму лишь въ случаѣ благополучнаго возращенія. Эта форма займа была перенесена и на сухопутныя путешествія съ торговой цѣлью, такъ какъ тамъ опасностей было тоже не мало. Но то все-таки не была нормальная форма; рискъ кредитора не оправдывался ничѣмъ, и мало-помалу оговорка объ участіи въ рискѣ исчезла, и заемное письмо считалось до степени настоящаго векселя.

Первоначальной формою, вопреки распространенному мнѣнію, былъ простой, а не переводный вексель. Взявшій въ долгъ деньги обязывался уплатить лично, но обыкновенно въ другомъ мѣстѣ, не привлекая къ договору третье лицо. Переводный вексель, или тратта, появляется не раньше середины XIII в. Тутъ въ операціи принимаютъ участіе три лица: ремиттентъ (кредиторъ), трассантъ (получившій деньги) и трассатъ (обязанный ихъ выплатить). Вексель пріобрѣтаетъ большое распространеніе; особенно удобной въ виду многообразія монеты оказывается тратта. Купецъ, заплатившій во Флоренціи мѣстной монетой, получалъ и поручалъ получать на Шампанской ярмаркѣ монетою, ходившей тамъ. На ярмаркахъ образовалось спеціальное вексельное обычное право, главныя черты котораго сохранились до сихъ поръ. Его существенной особенностью была строгость взысканія. Публичная власть помогала при этомъ. Векселя протестовались, неисправные должники сажались въ тюрьму.

Таковы были важнѣйшіе институты, выработанные средневѣковой торговли. Намъ остается разсмотрѣть, какъ ими пользовались. Для этого нужно познакомиться съ дѣятельностью главнѣйшихъ центровъ европейской торговли въ концѣ среднихъ вѣковъ.

ГЛАВА IV.

Торговые центры въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Мы прослѣдили условія и первые признаки распространенія торговли въ Европѣ и видѣли, какую она получила организацію. Теперь намъ нужно перейти къ разсмотрѣнію роли отдѣльныхъ торговыхъ центровъ въ сложной сѣти европейскаго обмѣна. Руководящая роль принадлежала, какъ читатель знаетъ, итальянскимъ республикамъ. Ихъ мы и разсмотримъ прежде всего, начавъ съ самой крупной.

I.

Венеція, какъ выше уже было указано, достигла своего высшаго расцвѣта послѣ взятія Константинополя крестоносцами четвертаго похода. Она была главной виновницею этой неожиданной перемѣны цѣли похода, она дѣятельнѣе всѣхъ вела въ крестоносномъ ополченіи интригу въ пользу нападенія на столицу Имперіи, она захватила себѣ львиную долю при дѣлежѣ богатой добычи. За титулами и землями, которыя были главнымъ яблокомъ раздора, она не очень гналась, но за то ни одно мѣстечко, мало-мальски пригодное для основанія какого-нибудь торговаго пункта, не миновало ея рукъ. Она сдѣлалась истинною владычицею морей, ибо, начиная отъ Геллеспонта и кончая Критомъ, все принадлежало ей. Ея главной восточной эмпоріей сдѣлался Константинополь, въ которомъ ей принадлежала вся Пера, и восточная торговля сдѣлалась настолько существенной частью всей политики Венеціи, что одно время была даже мысль бросить городъ на лагунахъ и перенести въ Золотой Рогъ резиденцію дожа. Этотъ проектъ не осуществился. Дожъ остался у св. Марка, а въ Константинополѣ Венеція посадила своего подесту, который былъ губернаторомъ венеціанскихъ владѣній въ имперіи и главою венеціан-

ской колоніи въ ея столицѣ. Добившись такого положенія, Венеція могла спокойно смотрѣть на будущее, и, дѣйствительно, несмотря на серьезныя неудачи, постигшія ее во второй половинѣ XIII в., ея торговля пострадала мало, и въ XIV—XV вѣкахъ мы вновь видимъ ее такой же цвѣтущей, какъ и въ началѣ XIII в.

Погоня за островами и портами, всегда бывшая одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ венеціанской торговой политики, какъ нельзя болѣе понятна. Это—погоня за рынками. А рынки были нужны республикѣ, чтобы обезпечить сбытъ многочисленнымъ отраслямъ промышленности, которыя завелись у нея, и продуктовъ, производство которыхъ не могли исчерпать европейскіе рынки. Венеція превосходно понимала, что ея торговля до тѣхъ поръ будетъ лишена серьезныхъ устоевъ, пока она не будетъ имѣть питающей почвы въ собственной промышленности. Одна транзитная торговля вполнѣ основательно представлялась руководителямъ венеціанской торговой политики совершенно недостаточной. Вотъ почему Венеція всячески старалась насадить у себя промышленность и изобрѣтала всевозможныя средства, чтобы удержать секреты своихъ наиболѣе важныхъ производствъ. Въ XIII в. въ Венеціи уже вырабатывались сукна, хлопчатобумажныя матеріи, полотно, оружіе, кружева, кожаныя издѣлія; но главныхъ отраслей венеціанской промышленности было двѣ: производство шелковыхъ матерій и стеклянныхъ издѣлій. Ими Венеція дорожила больше всего. Въ остальномъ у нея были конкурренты и большей частью побѣдоносные конкурренты, какъ съ самой Италіи, такъ и заграницею въ этихъ двухъ сферахъ она конкурренціи не знала. Поэтому, тщательнѣйшимъ образомъ слѣдила она за тѣмъ, чтобы секреты ея производства не проникли какъ-нибудь въ другой городъ. Въ XIV в. былъ изданъ рядъ постановленій, которыя запрещали рабочимъ, занятымъ въ шелкоткацкихъ мастерскихъ Венеціи, наниматься въ другіе города, и строгія кары грозили тѣмъ, кто рѣшался нарушить эти запрещенія. А вотъ выдержка изъ подлиннаго постановленія, касающагося рабочихъ стеклянныхъ мастерскихъ (вторая половина XV в.). Оно настолько характерно, что мы не рѣшаемся его сокращать.

„Если какой-нибудь рабочій или мастеръ перенесетъ свое

искусство изъ Венеціи въ другое мѣсто къ ущербу республики, ему будетъ посланъ приказъ вернуться.

„Если онъ не повинуется, будутъ заключены въ тюрьму лица, наиболѣе ему близкія, чтобы этимъ принудить его къ повиновенію.

„Если онъ повинуется, прошлое ему будетъ прощено, и ему будетъ устроена мастерская въ Венеціи.

„Если, несмотря на заключеніе въ тюрьму его родственниковъ, онъ будетъ упорствовать въ желаніи остаться на чужбинѣ, за нимъ вслѣдъ будетъ отправленъ агентъ, которому будетъ поручено убить его. Послѣ его смерти его родные будутъ выпущены изъ тюрьмы".

Не у всякаго могло хватить смѣлости итти наперекоръ такимъ постановленіямъ; намъ доподлинно извѣстно, что эти угрозы не оставались мертвой буквой. То и дѣло въ Италіи и Германіи находили мертвыми венеціанскихъ рабочихъ, оставившихъ родину и казненныхъ по приказанію Совѣта Десяти. Такова была техника средневѣковаго „покровительства отечественной промышленности". Нечего и говорить, что она запрещала ввозъ такихъ продуктовъ, которые она имѣла у себя, въ городѣ или въ колоніяхъ. Такъ, ввозъ шелковыхъ матерій былъ запрещенъ совершенно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ сортовъ изъ Флоренціи и Неаполя, которые не производились въ Венеціи.

Однако, республика не забрасывала и транзитной торговли. По прежнему, Венеція служила главнымъ складочнымъ пунктомъ восточныхъ пряностей, куреній, медикаментовъ. У нѣкоторыхъ венеціанскихъ богачей (Контарини, Корнаро, Зено) были богатѣйшія плантаціи сахарнаго тростника на Кипрѣ, и Венеція снабжала рафинадомъ всю Италію. Транзитная торговля Венеціи имѣла въ виду, главнымъ образомъ, западъ, ея промышленность—и западъ, и востокъ. Но, повидимому, Италія была если не единственнымъ, то во всякомъ случаѣ главнымъ рынкомъ, потреблявшимъ предметы венеціанскаго производства. Для другой главной кліентки—Германіи, Венеція была важна прежде всего своими складами восточныхъ товаровъ.

Главными рынками, гдѣ Венеція получала товары, сбывавшіеся ею въ Европѣ, были: Александрія въ Египтѣ, черезъ которую шли произведенія Индіи, Китая и Аравіи; Кипръ, гдѣ культиви-

ровались—хлѣбъ, хлопокъ, сахарный тростникъ, ароматическія растенія, добывалась мѣдь; Сирійскіе порты и Византія, откуда вывозились восточныя ткани; порты Чернаго и Азовскаго морей, доставлявшіе пушной товаръ и металлы; Магребъ въ Африкѣ, посылавшій республикѣ хлѣбъ, воскъ, шерсть и кожи.

Взамѣнъ всего этого Венеція вывозила въ Мавританію и Египетъ металлы, мелкій желѣзный и мѣдный товаръ, бочки, деревянную посуду и въ огромномъ количествѣ простой стеклянный товаръ; кромѣ того, она перевозила на своихъ корабляхъ въ Левантъ продукты западной промышленности, за которыми тѣ же корабли ѣздили во Фландрію и сѣверную Германію.

Конторы республики находились во всѣхъ важнѣйшихъ портахъ Леванта: въ Александріи, Тирѣ, Бейрутѣ, въ Аккѣ, Константинополѣ, въ Танѣ (Азовѣ), Никополѣ; въ Гераклеѣ и Никомедіи въ бассейнѣ Мраморнаго моря; въ Сестѣ, Абидосѣ и Галиполи въ Дарданелахъ; въ Салоникахъ и Адріанополѣ, въ глубинѣ Архипелага; во всѣхъ почти городахъ Пелопонеса и Ахайи, на островахъ Архипелага, на Эвбеѣ, Критѣ, Кипрѣ. Всюду Венеція имѣла дѣла, всюду ея купцы продавали или покупали, привозили или увозили. Но осуществляя свою торговую дѣятельность, они въ то же время несли въ глухіе углы Азіи европейскую культуру; туземцы часто были принуждены знакомиться съ ея изнанкою, но еще чаще знакомились и съ ея положительными сторонами.

Полная и блестящая картина торговыхъ оборотовъ Венеціи набросана въ отчетѣ дожа Томазо Мочениго. Это—рѣчь, произнесенная въ 1420 г. передъ народомъ и содержащая цѣлый рядъ очень интересныхъ цифръ. Очень полагаться на эти цифры нельзя, но онѣ, повидимому, въ общемъ правильно опредѣляютъ главныя положенія. Мы возьмемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Ежегодно Венеція вывозитъ въ Ломбардію товаровъ на слѣдующую сумму: на 100000 дук. конопли, на 250000 дук. хлопка, на 30000 дук. бумажной пряжи, на 120000 итальянской шерсти, на 120000 французской шерсти, на 250000 парчи и шелковыхъ матерій, на 300000 перцу, на 64000 корицы, на 8000 имбирю, на 95000 сахару, на 30000 швейнаго и вышивальнаго при-

кладу, на 120000 красильнаго дерева, на 50000 другихъ красокъ, на 250000 мѣла и на 30000 рабовъ. Ломбардія вывозитъ въ Венецію на 900000 дук. сукна (94000 куск.). Флоренція посылаетъ въ Венецію товаровъ на 16000 цехиновъ и взамѣнъ получаетъ французскую и испанскую шерсть, шелковичныя зерна, золотую и серебряную нитку, сахаръ и драгоцѣнности. „Я не считаю, говоритъ Мочениго, дохода съ продажи соли *). Согласитесь, что такая торговля очень выгодна. Посмотрите, сколько она приводитъ въ движеніе кораблей, чтобы перевозить товары въ Ломбардію, чтобы ѣхать за ними въ Сирію, въ Романію, въ Каталонію, во Фландрію, въ Кипръ, въ Сицилію, во всѣ концы міра. Фрахты даютъ $2^1/_2$—3 процента, а доходъ купцовъ составляетъ не менѣе 600000 дукатовъ“ **).

Богатства республики были огромны. Цѣнность находившихся въ городѣ домовъ исчислялась въ 7,5 мил. дук.; они приносили полмилліона дукатовъ ежегоднаго доходу. Среди жителей Венеціи было около тысячи человѣкъ, не занимавшихся торговлей, имѣющихъ доходъ отъ 700 до 4000 дукатовъ.

Для того, чтобы поддерживать, и еще больше для того, чтобы защищать свою торговлю, Венеція принуждена была держать большой флотъ, и какъ въ древности Финикія, какъ въ новое время Англія, она сдѣлалась, благодаря торговлѣ, первоклассной морской державой. Поэтому, флотъ всегда составлялъ живѣйшую заботу республики, и она постоянно старалась его увеличивать. Въ серединѣ XIV в. торговый флотъ Венеціи состоялъ изъ 3000 судовъ отъ 10 до 100 тоннъ вмѣстимости, 300 кораблей въ 700 тоннъ въ среднемъ и множества болѣе мелкихъ. Экипажъ состоялъ изъ 25000 человѣкъ. Этотъ флотъ охранялся 45 галерами, на которыхъ находилось 11000 человѣкъ морскихъ солдатъ.

Въ эпоху наибольшаго расцвѣта торговли сенатъ республики рѣшилъ разсылать во всѣ моря небольшія эскадры съ одной стороны, чтобы показать мощь Венеціи, а съ другой съ прямыми

---

*) Онъ приносилъ около 1 мил. дукатовъ; Венеція снабжала солью всю Италію и отчасти сосѣднія страны.

**) Онъ доходилъ до 2 милл. дукатовъ.

торговыми цѣлями. Первая изъ этихъ эскадръ, черноморская, направлялась къ Черному морю и раздѣлялась на три отряда; одинъ шелъ въ Константинополь съ грузомъ венеціанскихъ товаровъ, второй посѣщалъ порты сѣвернаго побережья Малой Азіи и закупалъ тамъ мѣстные товары; третій входилъ въ Азовское море и нагружался тамъ сушеной рыбой въ устьяхъ Дона, нѣкоторыми левантскими товарами, которые приходили туда черезъ Каспійское море, Волгу и Донъ и продуктами Руси и татарскихъ земель, привезенными на караванахъ. Два послѣдніе отряда первой эскадры оставляли часть своего груза въ Константинополѣ и другихъ греческихъ портахъ и привозили остальное въ Венецію. Вторая эскадра, сирійская, шла прямо въ Александретту, служившую портомъ для промышленнаго Алеппо, потомъ въ Бейрутъ, портъ еще болѣе богатаго Дамаска; на возвратномъ пути она заходила въ Кипръ и въ Кандію за грузомъ сахара и въ порты Пелопонесса. Третья эскадра, египетская, направлялась въ Александрію и нагружалась левантскими товарами, пришедшими туда Краснымъ моремъ. Наконецъ, четвертая эскадра, фландрская, выходила изъ Венеціи, направлялась къ югу съ заходомъ въ Монфредонію, Бриндизи, Отранто, Сицилійскіе порты, проходила Средиземное море, придерживаясь берега Магреба; пройдя Гибралтаръ, сначала поворачивала къ югу и, окончивъ свои африканскія операціи, поднималась къ сѣверу вдоль береговъ Португаліи, Испаніи, Франціи и, наконецъ, достигла своей цѣли. Она входила въ порты Антверпена, Брюгге и Лондона, оставляла тамъ восточные товары и венеціанскіе фабрикаты и наполняла трюмы своихъ кораблей мѣстными продуктами. На обратномъ пути эскадра посѣщала главные порты Франціи, Лиссабонъ, Кадиксъ, Аликанте, Барселону и возвращалась въ Венецію послѣ годичнаго отсутствія. Кромѣ этихъ четырехъ эскадръ была еще пятая, которая стала совершать свои рейсы въ началѣ XVI в. Она посѣщала Сиракузы, Триполи, островъ Гербу, Тунисъ, Оранъ и др. мѣстности сѣвернаго берега восточной Африки. Три венеціанскія галеры ежегодно совершали рейсы между Тунисомъ, Триполи и Александріей; онѣ перевозили товары и мусульманскихъ пилигримовъ, направлявшихся въ Мекку.

II.

По своему значенію въ міровой торговлѣ ни одинъ другой итальянскій городъ не могъ сравниться съ царицею Адріатики. Но ея лигурійская соперница, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, умѣла успѣшно конкуррировать съ нею. Мы знаемъ, что возстановленіе Михаиломъ Палеологомъ византійской имперіи (1261), явившееся въ значительной степени результатомъ торговаго соперничества Венеціи и Генуи, укрѣпило за послѣдней преобладаніе въ восточныхъ моряхъ больше, чѣмъ на полстолѣтіе. Сломить Венецію совершенно Генуя не могла, но значительная часть кліентуры, особенно въ Черномъ морѣ, была отнята у адріатической республики. Генуэзская Каффа (Өеодосія) сдѣлалась средоточіемъ черноморской торговли. Въ Крыму Генуя завела сношенія съ татарскими ханами; ея купцы были единственными христіанскими представителями торгующихъ людей при Судакскомъ (Солдайа) дворѣ. Въ то время Крымскій полуостровъ служилъ постоянной ареною междуусобицъ между татарскими ханами Большой орды. Туда спасались опальные принцы, тамъ вербовали себѣ сторонниковъ узурпаторы, оттуда начинались возстанія недовольныхъ намѣстниковъ. Смуты были постоянныя, но генуэзцы съ поразительнымъ искусствомъ умѣли лавировать между всякими ханами и кандидатами на ханскій престолъ, всегда извлекали изъ этого какую-нибудь выгоду или получали какую-нибудь новую торговую привилегію. Однако, они умѣли и сражаться. Когда въ 1347 г. татары напали на Каффу, они получили такой отпоръ, что принуждены были новыми уступками умилостивлять республику *).

Но генуэзцы не забывали и Средиземнаго моря. Въ важнѣйшихъ сирійскихъ портахъ у нихъ были конторы, въ Александріи египетской они пользовались правомъ держать тамъ на нѣкоторые случаи собственнаго судью и большой скидкою съ таможенныхъ пошлинъ. Хотя въ сирійскихъ и египетскихъ портахъ Генуя и не могла серьезно конкуррировать съ Венеціей, которая никогда не пере-

*) Есть извѣстіе, что генуэзскіе купцы появлялись и въ Китаѣ въ 1326 году.

ставала быть главной эмпоріей восточныхъ товаровъ для Европы, но у нея была своя кліентура, которая поддерживала для республики необходимость ежегодно снаряжать большую эскадру въ левантскіе порты. Эта эскадра покидала Геную около 15 іюля, снабженная огромнымъ количествомъ денегъ и грузомъ товаровъ, которые должны были быть проданы на востокѣ. Тутъ было масло, мыло и фрукты изъ Испаніи, южной Италіи, Прованса и Лангедока, медъ изъ Каталоніи и южной Франціи, ртуть изъ рудниковъ Истріи, свинецъ, олово, желѣзо, сталь, сѣра, квасцы, вино изъ южной Италіи и Крита, сукно изъ Фландріи, Франціи, Ломбардіи и Тосканы, полотно изъ Нарбонны. Привозила эта эскадра коренья, пряности, благоуханія, лѣкарства, алоэ, имбирь, сахаръ, воскъ и другіе восточные товары.

Съ 1324 г. городъ сталъ ежегодно посылать экадру и во Фландрію, гдѣ за нѣсколько лѣтъ до того появилась впервые венеціанская эскадра, и куда частныя генуэзскія суда научились находить дорогу и раньше. Обмѣнъ между сѣверомъ и югомъ состоялъ изъ обычныхъ въ этихъ случаяхъ товаровъ, но онъ имѣлъ огромное значеніе въ томъ отношеніи, что дѣлалъ излишнимъ промежуточный пунктъ, какъ Шампанскія ярмарки, необходимый при сухопутной торговлѣ.

Кліентура Генуи складывалась изъ трехъ районовъ: Испаніи, южной Франціи и южной Германіи. Послѣ побѣды надъ Пизою, когда подъ власть Генуи попали Корсика и Сардинія, сношенія съ Испаніей стали какъ нельзя болѣе удобны. Барселона по спеціальному договору уступила Генуѣ право плаванія и торговли по всему каталонскому побережію; въ Севильѣ она имѣла свой кварталъ, церковь и консуловъ; мавританскіе владѣтели Испаніи щедро одѣляли ее привилегіями: король Валенсіи освободилъ генуэзскихъ купцовъ отъ податей, король Гренады позволилъ имъ безпрепятственно вывозить продукты богатой и цвѣтущей въ то время Андалузіи. Во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Испаніи были генуэзскіе консулы, подчинявшіе генеральному консулу въ Цоутѣ. Для южной Франціи Генуя была прежде всего рынкомъ. Правда, у нея были свои порты, но ни одинъ изъ нихъ, не исключая Марселя, не имѣлъ возможности такъ регулярно и въ такихъ большихъ размѣрахъ поддерживать тор-

говлю съ востокомъ, какъ Генуя. Поэтому, значительная часть товаровъ, которые южно-французскіе города предназначали для вывоза, поступала въ Геную. Для Германіи Генуя была важна въ трехъ отношеніяхъ: какъ портъ, дававшій нѣмецкимъ купцамъ наиболѣе удобный доступъ къ морю, какъ складъ восточныхъ товаровъ (для юго-западной Германіи, которой было неудобно сноситься съ Венеціей) и какъ промышленный центръ, доставлявшій нѣкоторые важные фабрикаты.

Промышленность въ Генуѣ стояла не очень высоко и никогда не могла итти на сравненіе съ венеціанской, миланской и флорентинской. Шелковая промышленность создалась тамъ по образцу Луккаиской и благодаря переселившимся изъ Лукки мастерамъ, но со временемъ, къ началу XVI в., пріобрѣла большое значеніе; одно время Генуя славилась на весь міръ фабрикаціей золотыхъ и серебряныхъ нитей. То была шелковая пряжа, перевитая тончайшими нитями золота и серебра. Она шла на приготовленіе парчи. Эта промышленность была такъ же, какъ и шелковая, пересажена въ Геную изъ Лукки и въ теченіе XV в. составляла славу города. Въ XVI в. въ Миланѣ и Флоренціи научились лучше приготовлять эти нити. Другою спеціальностью Генуи были арбалеты. Подобно тому, какъ генуэзскіе арбалетчики были первые въ мірѣ и очень охотно принимались на службу въ любое войско, такъ и арбалетное производство въ Генуѣ не имѣло соперниковъ.

Но не промышленность, а торговля была въ концѣ концовъ главною причиною того, что, лишенная самостоятельной роли въ восточной половинѣ Средиземнаго моря, Генуя сохранила преобладаніе въ его западной половинѣ. Это значеніе она не утратила даже тогда, когда постоянныя внутреннія распри окончательно ослабили ее, когда пало царство ея покровителей Палеологовъ и была отнята ея главная колонія Каффа, когда, наконецъ, сама она принуждена была подчиниться Милану.

Во многихъ отношеніяхъ Генуя оставила прочный слѣдъ на торговомъ развитіи Европы. Коммenda, публичный банкъ—это институты, главнымъ образомъ, вырабатывавшіеся въ Генуѣ.

III.

Въ Венеціи торговое и ремесленное развитіе идутъ рука объ руку, въ Генуѣ промышленность слаба, и республика поневолѣ должна обратить главное вниманіе на транзитъ. Въ Миланѣ мы имѣемъ третій типъ города: это прежде всего крупный промышленный центръ, и его промышленные интересы направляютъ его торговую политику. Промышленныхъ отраслей въ Миланѣ немного: тамъ фабрикуются сукна, бумазея, шелковыя ткани, полотна, оружіе, желѣзная мелочь, позднѣе золотыя и серебряныя нити.

Изъ отчета дожа Мочениго мы знаемъ, что Миланъ отправлялъ въ Венецію ежегодно 4000 штукъ тонкаго дорогого сукна по 30 дукатовъ кусокъ, т.-е. на сумму 120000 дукатовъ. Много сукна потребляли другіе города Италіи, еще больше Германія. Суконная промышленность занимала видное мѣсто въ миланской индустріи. Мѣстные предприниматели должны были совершать путешествіе за сырьемъ въ Англію и Францію; кромѣ того, Миланъ потреблялъ много испанской и французской шерсти, приходившей черезъ Венецію. И съ Фландріей Миланъ находился въ сношеніяхъ. Всѣ чужеземныя связи поддерживались помощью сухопутныхъ рейсовъ, ибо въ то время высокіе морскіе фрахты значительно удорожали товары, а страховая премія была выше при морской отправкѣ (12 — 15%), чѣмъ при сухопутной (6 — 8% цѣны). Суконная промышленность Милана была настолько важна для города, что миланскіе герцоги, уступая настояніямъ фабрикантовъ, должны были принять мѣры противъ возможной конкурренціи. Въ 1454 г. Франческо Сфорца запретилъ ввозъ въ Миланъ какихъ-бы то ни было суконъ, за исключеніемъ самыхъ дешевыхъ сортовъ, и это запрещеніе держалось съ частичными измѣненіями и при преемникахъ перваго Сфорцы.

Другимъ важнымъ продуктомъ миланской промышленности была бумазея. Въ отчетѣ дожа Мочениго бумазея не фигурируетъ въ статьѣ миланскаго вывоза, но это нужно объяснять скорѣе несовершенствомъ отчета, чѣмъ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ. Намъ доподлинно извѣстно, что вывозъ бумазеи изъ Милана въ Германію

былъ очень великъ, и нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы онъ ограничивался однимъ нѣмецкимъ рынкомъ.

Шелковая промышленность появилась въ Миланѣ въ 1442 г., и тогдашній герцогъ Филиппо Марія Висконти осыпалъ ея представителей цѣлымъ рядомъ привилегій; въ угоду ей Франческо Сфорца запретилъ въ 1460 г. ввозъ шелковыхъ, золотыхъ и серебряныхъ матерій. Въ 1474 г. шелковая промышленность занимала въ Миланѣ 15000 чел. Особенно славились миланскій бархатъ и „zendado", легкая шелковая матерія вродѣ тафты. Правительство тщательно наблюдало за доброкачественностью работы и не выпускало изъ города ни одного куска парчи, въ которомъ была ненастоящая нить золота или серебра.

Меньше вывозилъ Миланъ полотна, но теперь, какъ и раньше *), онъ не имѣлъ соперниковъ въ изготовленіи нѣкоторыхъ видовъ оружія. Миланскіе панцыри считались лучшимъ оборонительнымъ оружіемъ, а миланское парадное оружіе съ золотою насѣчкою, которое проходило и черезъ руки ювелира, цѣнилось чуть не на вѣсъ золота. Спросъ на миланское оружіе былъ огромный; миланскіе оружейные мастера наперерывъ получали приглашенія отовсюду. Такъ, при Карлѣ VI они появились въ Ліонѣ, при Карлѣ VIII въ Бордо, императоръ Максимиліанъ поселилъ ихъ въ Бургундіи.

Въ большомъ спросѣ были и мелкія желѣзныя издѣлія, приготовляемыя въ миланскихъ кузницахъ и слесарняхъ и расходившіяся по всему свѣту.

Промышленность въ Миланѣ была основнымъ нервомъ городской хозяйственной дѣятельности. По всему положенію городъ не могъ играть крупной роли въ торговлѣ, ибо у него совершенно не было транзитныхъ средствъ, а ограничиваться только торговлею собственными издѣліями онъ не могъ, ибо онъ не выдержалъ бы конкурренціи Венеціи и Генуи. Ему оставалось одно: держаться системы пассивнаго вывоза, и такъ какъ при этомъ было только единственное средство развивать дѣла — производство доброкачественнаго товару, то Миланъ все свое вниманіе и обращалъ на усовершенствованіе производства. Сырье доставлялось ему изъ Англіи,

*) См. выше, стр. 79.

Франціи (шерсть), Германіи (металлы), востока (хлопокъ, шелковичныя зерны). Миланскіе фабриканты иногда ѣздили за сырьемъ за границу, но рѣдко сопровождали товары; глазъ хозяина нуженъ былъ дома. Дѣло нѣсколько измѣнилось, когда Миланъ захватилъ Геную, но теперь генуэзцы взялись распространять славу миланскихъ фабрикатовъ тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя отрасли генуэзскаго производства перекочевали въ Миланъ.

IV.

Четвертымъ городомъ, который также былъ очень типиченъ, для хозяйственнаго развитія Италіи, была Флоренція. Здѣсь главными рычагами были промышленность и кредитное дѣло. Торговля по тѣмъ же причинамъ, что и въ Миланѣ, играла второстепенную роль, ибо она находилась въ тѣсной зависимости отъ мѣстной промышленности.

Мы знаемъ, какая цвѣтущая суконная промышленность существовала во Флоренціи уже въ XIII в., но такъ какъ своего порта у города не было, то онъ не могъ познакомить міръ со своими фабрикатами въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ ему хотѣлось. И Флоренція принуждена была обращаться то къ Венеціи, то къ Генуѣ, а чаще всего къ ближайшей Пизѣ съ просьбой сдѣлаться ея коммиссіонеромъ. Морскія республики принимали флорентинскіе грузы, но флорентинцы требовали, чтобы вмѣстѣ съ грузомъ принимался и купецъ, и предпочитали платить дороже, лишь бы не упускать изъ своихъ собственныхъ рукъ сбыта своихъ товаровъ. Такое опасеніе вполнѣ понятно. Привозимыя и сбываемыя подъ венеціанскимъ или генуэзскимъ флагомъ флорентинскія сукна, легко могли сойти за мѣстныя. И флорентинцы пускались на всякія уловки, чтобы только проникнуть въ сѣверо-африканскіе, египетскіе и сирійскіе порты и получить этимъ возможность сдѣлать репутацію своимъ сукнамъ. И они мало-помалу не только познакомили съ ними кліентуру, но и съумѣли добиться тѣхъ же самыхъ привилегій, которыми пользовались приморскія республики. Но этого Флоренціи было мало; ей нуженъ былъ свой портъ, и она начинаетъ съ жадностью поглядывать

на слабѣющую Пизу, оказавшую ей столько услугъ и, воспользовавшись внутренними смутами въ городѣ, овладѣваетъ имъ (1407). Вслѣдъ за этимъ (1421) она пріобрѣтаетъ у Генуи Ливорно, и, имѣя два хорошихъ порта, получаетъ возможность создать себѣ великолѣпный торговый флотъ. Съ его помощью Флоренція немедленно завела прочныя связи въ сирійскихъ портахъ, въ Константинополѣ, Пелопонессѣ, Египтѣ, основала свои конторы въ Кипрѣ и Арменіи (уже покоренной). Она смотрѣла на себя, какъ на наслѣдницу Пизы и всюду требовала, чтобы привилегіи пизанцевъ были перенесены на ея купцовъ, и на это легко соглашались.

Ея флотъ состоялъ сначала всего изъ двухъ галеръ, но скоро онъ выросъ до 11 крупныхъ галеръ и 15 малыхъ. По примѣру Венеціи были установлены сроки отплытія коммерческихъ эскадръ и путь, которому онѣ обязаны были слѣдовать. Левантская эскадра отплывала въ февралѣ, западная въ сентябрѣ. Теперь Флоренція сдѣлалась настоящей торговой державой. Она отлично понимала, что невозможно конкуррировать съ такими соперниками, какъ Венеція и Генуя, вывозя только предметы своей текстильной промышленности, и поэтому въ восточныхъ портахъ обильно запасалась всѣми левантскими продуктами, которые сбывали потомъ на западѣ.

Но Флоренція не сумѣла сохранить въ XV в. своего первенствующаго положенія въ шерстяной промышленности. Причинъ на это было нѣсколько. Прежде всего, флорентинскому шерстяному дѣлу не доставало устойчивости уже потому, что оно было разсчитано почти цѣликомъ на вывозъ, и лишь, когда конкурренты стали отбивать у Флоренціи внѣшніе рынки, она спохватилась и стала отстаивать внутренній рынокъ для своихъ продуктовъ. Но теперь это было уже трудно и, несмотря на полувѣковыя усилія, городъ, наконецъ, долженъ былъ отказаться и отъ внутренняго рынка. Въ 1393 году былъ изданъ первый законъ, воспрещающій ввозить въ флорентинскую область высшіе сорта сукна, приготовляемыя во Флоренціи. Въ теченіе всей первой половины XV в. такія запрещенія не прекращаются, пока въ 1458 году не былъ изданъ законъ, запрещающій ввозъ какихъ-бы то ни было сортовъ сукна. Это было послѣднимъ судорожнымъ усиліемъ справиться съ кризи-

сомъ, но и оно оказалось безплоднымъ. Конкурренція сдѣлала свое дѣло: кризисъ наступилъ. А конкурренція была, дѣйствительно, очень велика. Чуть не въ каждомъ городѣ Италіи возникли шерстяныя мануфактуры; секреты флорентинской техники были похищены; Миланъ или Венеція научились такъ же хорошо аппретировать сукна, какъ и Флоренція; а хуже всего было то, что прекратился привозъ англійской шерсти. Фламандско-брабантскій промышленный районъ все увеличивалъ свои требованія, въ самой Англіи стали возникать сукновальни и сукноткацкія мастерскія; на долю Флоренціи оставалось шерсти все меньше и меньше. А съ одной испанской шерстью невозможно было давать лучшія сорта сукна. Все это мало-помалу привело къ тому, что, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, Флоренція потеряла свои рынки, а флорентинскіе суконщики, чтобы кое-какъ бороться съ наступившимъ кризисомъ, стали переносить свои мануфактуры въ Англію, Фландрію или Брабантъ. Но Флоренція вернула потерянные рынки другимъ продуктомъ своей мануфактуры—шелковыми матеріями; въ XIV в. онѣ занимаютъ въ хозяйственной жизни города такое же положеніе, какъ и сукна: а въ XV шелковыя фабрики затмѣваютъ суконныя. Конкурренты, старая Лукка, родина итальянской и европейской шелковой индустріи гордая Венеція и Генуя были побиты, и всѣ прорѣхи въ хозяйствѣ Флоренціи, причиненныя суконнымъ кризисомъ, были задѣланы благодаря процвѣтанію шелковаго дѣла. Особенно славилась флорентинская парча. Первоначально городъ выписывалъ изъ Венеціи и Генуи необходимыя для его приготовленія золотыя и серебряныя нити, но съ 1423 г. и эта отрасль была основана въ самой Флоренціи.

Но не товарная торговля была главнымъ рессурсомъ хозяйственной дѣятельности Флоренціи, а торговля деньгами. Начало ея относится еще къ серединѣ XIII в. Возникла она совершенно незамѣтно и на первое мѣсто выдвинулась постепенно. Флорентинскіе купцы—предприниматели *) часто ѣздили по шерстяному дѣлу въ Англію и во Францію. Стѣсненія гостинаго права приводили ихъ въ соприкосновеніе съ королями, закупка сырья—съ духовными и свѣтскими помѣщиками. Денегъ у нихъ было много, брали ихъ охотно,

*) См. выше, стр. 72—73.

потому что Флоренція всегда особенно тщательно слѣдила за тѣмъ, чтобы ея золотые флорины сохраняли свою полновѣсность и не подвергались порчѣ. Затѣмъ внутреннія политическія отношенія привели флорентинцевъ въ связь съ куріею, и эта связь завершилась при Бонифаціи VIII, тѣмъ что Флоренція монополизировала въ своихъ рукахъ чуть не всѣ фискальныя дѣла куріи, а ея банкиры сдѣлались главными посредниками по собиранію папскихъ налоговъ. Барди, Черки, Герарди, Фрескобальди, Спини, Пацци, Моцци, Альфани, Скали—вотъ тѣ фамиліи, которыми была создана слава Флоренціи, какъ могущественнаго кредитнаго центра. Бонифацій VIII называлъ ихъ пятою стихіей, и, если принять во вниманіе, что безъ ихъ участія не обходилось ни одно сколько-нибудь крупное дѣло, основу котораго составляли деньги, то, пожалуй, добрый папа окажется не совсѣмъ неправъ.

У флорентинскихъ банкировъ были отдѣленія повсюду въ западныхъ городахъ, какъ и въ восточныхъ портахъ. Многочисленные агенты всегда держали ихъ въ курсѣ торговыхъ и денежныхъ дѣлъ. У Аччайуоли въ серединѣ XIV в. были конторы во всѣхъ портахъ Средиземнаго моря, въ Тунисѣ и на іонійскихъ островахъ. У Перуцци было 16 отдѣленій: въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюгге, Авиньонѣ, Пизѣ, Генуѣ, Венеціи, Кальяри, Палермо, Неаполѣ, Барлеттѣ, Маіоркѣ, Кларенцѣ (Пелопонессъ), Родосѣ, Кипрѣ, Тунисѣ; къ услугамъ фирмы были собственные корабли и въ дѣлѣ служило 150 агентовъ *).

Съ начала XIV в. дѣла флорентинскихъ банкировъ начинаютъ итти плохо, и это не потому, что они не имѣютъ ихъ вести, а потому что, гоняясь за выгоднымъ помѣщеніемъ своихъ капиталовъ, они прямо или косвенно приходятъ въ соприкосновеніе съ королями, т. е. съ такими должниками, которые платятъ, пока хотятъ. Конфискація имуществъ ордена тампліеровъ была первымъ ударомъ, который смелъ три крупныхъ фирмы: Пульчи, Моцци и Фрескобальди, имѣвшихъ большія денежныя дѣла съ орденомъ. Около 1310 г. рухнулъ домъ Франчези, банкировъ французской короны; причины

*) Маккіавелли, Гуичардини, одинъ изъ Виллани были въ разное время въ числѣ этихъ агентовъ.

этого банкротства не выяснены какъ слѣдуетъ. Быть можетъ, тутъ играло роль воспрещеніе ломбардцамъ заниматься кредитными операціями во Франціи; быть можетъ, неудачная для Филиппа IV война съ Фландріей, быть можетъ, споръ съ папою. Въ 1326 г. лопнулъ банкъ Скали и Амьери, наконецъ въ 1346 г. разразилась страшная катастрофа, вызванная объявленнымъ Эдуардомъ III государственнымъ банкротствомъ Англіи. Фирмы Барди и Перуцци пользовались въ Англіи своего рода монополіей; они имѣли въ своихъ рукахъ вывозъ шерсти и имѣли право пользоваться таможенными пошлинами, съ вывозимой шерсти. Это была гарантія за тѣ суммы, которыми они постоянно ссужали англійскую корону. Къ 1339 г. долгъ этотъ возросъ до 315000 стерлинговъ, или 1355000 флориновъ, „стоимость цѣлаго государства", какъ говорили современники. Когда было объявлено банкротство Англіи, обѣ фирмы нѣкоторое время боролись, но съ 1346 г. онѣ объявили себя несостоятельными. Съ ними вмѣстѣ обанкротились Аччайуоли, Бонакорси, Коки, Антелези, Корзини, Да Удзано, Персидоли, которые частью были товарищами въ двухъ главныхъ фирмахъ, частью состояли вкладчиками на болѣе или менѣе крупныя суммы. Кромѣ того, такъ какъ эти фирмы оперировали часто и помощью мелкихъ вкладовъ, вносимыхъ купцами и обывателями, то огромная масса народу пошла по миру *). Съ трудомъ стала на ноги Флоренція послѣ этой катастрофы; нѣкоторые изъ пострадавшихъ банкирскихъ домовъ потомъ оправились отъ краха, а съ половины XIV в. стали появляться новые дома, опять таки въ связи съ дѣлами папской куріи, которая не могла обходиться безъ агентовъ и, безсильная принудить Эдуарда къ уплатѣ его долга, теперь спѣшила помощь появленію новыхъ банковыхъ предпріятій. Изъ этихъ новыхъ предпріятій самымъ крупнымъ было сначала дѣло Альберти. Когда Якопо Альберти умеръ въ 1377 г., то его фирма считалась самой богатой въ городѣ; въ ея рукахъ находились если не всѣ, то большинство дѣлъ куріи, но

*) Наслѣдники Перуцци и Барди отъ времени до времени, чтобы не пропустить давности, предъявляютъ до сихъ поръ иски къ британской коронѣ, но безъ надежды на успѣхъ, ибо всѣхъ богатствъ британской имперіи не хватитъ теперь, чтобы выплатить долгъ съ наросшими процентами.

потомъ переселеніе папъ въ Авиньонъ порвало, было, связи между куріей и флорентинскими банкирами. Однако, дѣятельность Альберти и нѣкоторыхъ переживших крахъ старыхъ фирмъ поправили положеніе города. Онъ понемногу сталъ возстанавливать свой кредитъ за границею. Слава Флоренціи воскресла совсѣмъ, когда надъ городомъ взошла звѣзда Медичи, возстановившихъ порванныя связи съ куріей и роль флорентинскихъ банкировъ въ Европѣ. За то когда къ концу тиранніи Лоренцо Медичи (ум. 1492) безумныя траты, въ которыхъ Медичи перестали отличать свою казну отъ государственной, привели еще разъ къ кризису, то этотъ кризисъ сдѣлался уже гибелью флорентійской славы.

V.

Сосѣдка Италіи Франція вела во вторую половину среднихъ вѣковъ также очень значительную, хотя и уступавшую итальянской, торговлю. Было три главныхъ района торговли: южный, — на службѣ у левантской торговли, западный, имѣвшій въ виду, главнымъ образомъ, Англію и ея сырье, и восточный, гдѣ на Шампанскихъ ярмаркахъ сталкивались всевозможныя направленія и всевозможные пути, мѣстные и международные.

Южно-французскіе города отстали отъ итальянскихъ на востокѣ, потому что у нихъ не было флота и они не могли оказать крестоносцамъ тѣхъ услугъ, какія оказывали имъ Венеція, Генуя и Пиза; но когда обнаружилось, что завоеванныя крестоносцами земли представляютъ весьма лакомый пирогъ, въ которомъ каждый, кто въ силахъ, можетъ легко отможевать себѣ вкусный уголъ, за итальянцами устремились и французы. Марсель въ Провансѣ, составлявшемъ до Людовика XI почти самостоятельное государство, первый потянулся на востокъ съ спеціально созданнымъ на этотъ предметъ флотомъ. Его маленькія тартаны съ треугольнымъ парусомъ, помнившимъ еще Децима Брута, могли быть хороши только для каботажнаго плаванія, и онъ заводитъ у себя большія двухмачтовыя щестипарусныя суда, которыя съ начала XII в. появляются въ левантскихъ водахъ и съ честью принимаютъ участіе въ операціяхъ

крестоноснаго флота. Награда не заставила себя ждать. Сначала марсельцы получили кварталъ въ Іерусалимѣ, а затѣмъ изъятіе отъ пошлинъ и право имѣть кварталъ во всѣхъ портахъ королевства. Заручившись такими солидными точками опоры, городъ легко могъ поставить на настоящій путь свои торговыя операціи. И онѣ сдѣлались довольно значительны. Марсель вывозилъ въ Италію южно-французскую шерсть; полотна изъ Бургундіи и Франшконте, въ Сирію, Египетъ и сѣверную Африку—лѣсъ, вина, масло, вайду изъ Лангедока и Прованса, мыло, которое фабриковалось въ самомъ городѣ, сукна изъ Монпелье, крашенныя сначала кермесомъ, потомъ мареною. Ввозъ въ Европу представлялъ обычный каталогъ восточныхъ товаровъ. Грузы марсельскихъ кораблей составляли шелковыя матеріи, ковры, коренья, благоуханія изъ левантскихъ портовъ, сахаръ изъ Египта, кожи и шерсть изъ Марокко, вина изъ Кипра и Греціи, тонкія сукна изъ Милана и Флоренціи, хлопокъ и бумажная пряжа изъ Александріи, хлѣбъ изъ Каталоніи и Сициліи. Большая часть всѣхъ этихъ товаровъ препровождалась либо на шампанскія ярмарки, пока онѣ существовали, либо прямо на мѣста назначенія въ центральную Францію. Въ XIII в. левантская торговля Марсели могла выдержать сравненіе съ торговлею любой итальянской республики, за исключеніемъ развѣ Венеціи.

Наряду съ Марселемъ постепенно возвысилась старая римская Нарбонна, и въ XIII в. она также имѣла довольно тѣсныя сношенія съ востокомъ и западомъ. Въ ея складахъ можно было найти шафранъ, корицу, перецъ, ладанъ съ Леванта, квасцы изъ Кастиліи и изъ Алеппо, лазурь изъ Багдада и Кипра, киноварь, мѣдь, латунь, свинецъ, сталь, драгоцѣнные металлы, часть которыхъ происходила изъ мѣстныхъ рудниковъ, миндаль, сахаръ, рисъ, сушеное мясо и рыбу, что составляло предметъ оживленной торговли съ Генуей, Кипромъ и Каталоніей, воскъ, свиное сало, смолу, мыло, кордовскія кожи, шерсть, мѣха, ленъ, нитку, полотно, бумазею, сукна мѣстнаго, сѣверо-французскаго, фламандскаго, каталонскаго и генуэзскаго издѣлія, шелкъ, жемчугъ, стекольные товары, черепицу, теракотовые предметы, лѣсъ, мачты, лошадей, муловъ, ословъ, сарацинскихъ рабовъ, цѣна которымъ была 15 ливровъ, т.-е. „четверть лошади

и пол-мула", маслины, виноградъ. Наиболѣе постояннымъ кліентомъ Нарбонны была Генуя, гдѣ къ ея купцамъ относились весьма дружелюбно и осыпали всевозможными привилегіями. Но и въ другихъ крупныхъ торговыхъ центрахъ запада къ нарбонцамъ относились далеко не безразлично. Въ Пизѣ, Венеціи, Сициліи, Константинополѣ, Кипрѣ, Родосѣ, Сиріи, Египтѣ, Тунисѣ, Марокко, Арагоніи, Каталоніи, Англіи и Фландріи привыкли къ періодическому появленію нарбонскихъ галеръ съ давно ожидавшимися товарами изъ богатыхъ городскихъ складовъ. Но процвѣтаніе Нарбонны продолжалось сравнительно недолго. Въ XV в. вся кліентура ея перешла въ Монпелье.

Монпелье представляетъ любопытный типъ средневѣкового города. Находясь въ центрѣ страны ересей, онъ сумѣлъ выработать въ себѣ необыкновенную терпимость; сарацины и евреи, изгоняемые отовсюду, были тамъ частыми гостями, нерѣдко основывались тамъ навсегда и даже допускались въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ городскимъ должностямъ. Кромѣ того, Монпелье съ самаго начала отказался отъ обычной торговой политики, проводившейся всюду городомъ и направленной къ тому, чтобы охранить торговую и промышленную монополію мѣстныхъ жителей. Пошлины съ иностранцевъ были доведены до минимума, и практика показала, что фритредерство даже въ средніе вѣка можетъ быть испробовано не безъ успѣха. Ярмарка, устраиваемая въ Монпелье, привлекала огромное количество народа и изъ года въ годъ увеличивала благосостояніе города. Съ XIII в. Монпелье былъ уже крупнымъ центромъ внутренней торговли. Въ XIV в. онъ сталъ и промышленнымъ центромъ. Въ его окрестностяхъ добывалось въ изобиліи масло и вино, въ городѣ существовала цвѣтущая суконная промышленность, продукты которой охотно покупались какъ въ итальянскихъ эмпоріяхъ, такъ и на востокѣ: кромѣ того, Монпелье славился своими серебряными и эмалевыми издѣліями, а также металлической промышленностью; его желѣзная „мелочь" подобно миланской находила огромный сбытъ. Монпелье находился въ восьми верстахъ отъ моря, но у него былъ хорошій портъ Латъ, при помощи котораго городъ поддерживалъ сношенія съ востокомъ и западомъ. Ни въ одномъ другомъ портѣ нельзя было видѣть

такого живописнаго оживленія, какъ въ Латѣ. Сарацины, армяне, индійцы, эѳіопы, евреи, которыхъ рѣдко куда пускали безъ оговорокъ и которыхъ никуда не пускали вмѣстѣ въ какомъ угодно количествѣ, толпились въ портѣ и въ городѣ, привозили свои товары, увозили мѣстные. Богатства города сдѣлались чуть не легендарными. Онъ имѣлъ, по преданію, до 100000 жителей *), 65 церквей. Роскошь царила тамъ ничѣмъ не сдерживаемая, такъ что консулы должны были принять противъ нея мѣры. Въ XIV в. Монпелье достигаетъ самой высокой точки своего торговаго развитія, послѣ которой начинается упадокъ. Причинами его были Столѣтняя война, возстановленіе порта въ Эгмортѣ и основаніе ярмарки въ Бокэрѣ.

Благосостояніе южныхъ городовъ было создано крестовыми походами и волною, потянувшей съ запада на востокъ; благосостояніе западныхъ городовъ создалось завоеваніемъ Англіи норманами, воцареніемъ въ Британіи анжуйскаго дома, успѣхами въ Испаніи христіанъ и косвенно, также, увеличеніемъ богатства южныхъ городовъ.

Бордо занималъ тутъ первое мѣсто. Издавна славный своимъ виподѣліемъ, онъ рано вступилъ въ сношенія съ Англіей, и, если вѣрить современникамъ, то онъ уже въ серединѣ XII вѣка получалъ огромные заказы на вино. Такъ, въ 1141 г. будто бы Лондонъ выписалъ сразу 1000 бочонковъ вина, Соутгемптонъ — сначала 200, потомъ 500 и по 250 для пяти другихъ городовъ. Бордосскія суда, отвозившія въ Англію вино, возвращались нагруженныя хлѣбомъ, мясомъ, сыромъ, саломъ, бараньими, козьими и оленьими шкурами, свинцомъ, рыбою съ сѣвернаго моря, привозимой въ Англію, шерстью и сукномъ. Когда Нормандія въ 1204 году отошла къ Франціи, Бордо пріобрѣлъ особенное значеніе для англійской торговли, ибо черезъ нормандскіе порты уже было невозможно вести сношенія. Тогда (1213) Бордо получилъ отъ англійскихъ королей цѣлый рядъ привилегій, освобождавшихъ его купцовъ отъ пошлинъ на всей англійской территоріи. Это притянуло къ Бордо вина изъ Гіени и Гаскони, которыя легко было доставлять туда, и портъ сдѣлался главнымъ поставщикомъ вина для Англіи. Кромѣ

*) Цифра маловѣроятная, если она относится только къ постоянному населенію.

Англіи Бордо велъ торговлю съ Испаніей, Фландріей, Бретанью и Нормандіей. Въ Испанію, большая часть которой еще находилась подъ владычествомъ сарацинъ, Бордо вывозилъ, кромѣ вина, легкія матеріи, веревки, ювелирныя издѣлія и оружіе, а тамъ нагружался шелковыми матеріями, кореньями и лѣкарствами.

Въ устьяхъ Луары стоялъ другой важный торговый портъ— Нантъ. Онъ велъ торговлю съ Испаніей и Португаліей на югѣ, съ Зеландіей, Даніей и Германіей на сѣверѣ. Черезъ него проходили вина изъ Орлеанэ и Анжу, фрукты изъ Турени, шерсть изъ Берри и Пуату, соль изъ Герандскихъ варницъ.

Еще сѣвернѣе, на берегу Нормандіи, процвѣталъ Руанъ; его гильдейцы пользовались всяческими привилегіями, какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, гдѣ они вели дѣятельную торговлю по Сенѣ съ Парижемъ и его ганзою. Въ Руанскомъ портѣ встрѣчались между собою суда изъ скандинавскихъ странъ, изъ Германіи, изъ Зеландіи, изъ Англіи и Шотландіи. Они привозили въ городъ шерсть, мѣдь, свинецъ, олово, лѣсъ, мѣха, соленую рыбу. Изъ Норвегіи приходили еще охотничьи сокола, находившіе огромный спросъ въ эту эпоху. Изъ Руана вывозились, главнымъ образомъ, бургонскія вина и сидръ.

VI.

Товары, которые съ юга и съ запада моремъ подвозились во Францію, распредѣлялись во всей странѣ черезъ посредство ярмарокъ. Въ XII—XIII вѣкахъ наиболѣе извѣстны были слѣдующія: въ Сенъ-Дени, въ Безонѣ, въ Сенъ-Ладрѣ, въ Сенъ-Жерменѣ, въ Бокэрѣ и шесть шампанскихъ. Послѣднія, какъ мы знаемъ, были средоточіемъ не только французской, но и вообще европейской торговли въ XIII в.

Тутъ можно было найти всевозможные товары. Сукна французскаго *), фламандскаго **), итальянскаго ***), нѣмецкаго, англійскаго

*) Изъ Руана, Лувье, Берне, Кана, Арра, Амьена, Бове, Тулузы, Лиможа, Орильяка.

**) Изъ Милана, Иперна, Сентъ-Омера, Валансьена, Лилля, Брюгге, Дуэ, Камбре, Лувена и Брюсселя.

***) Главнымъ образомъ изъ Лукки.

происхожденія, которыя, смотря по качеству, продавались отъ 10 до 50 солидовъ за ону *), шелковыя матеріи: простыя и хорошія, привозимыя изъ Лукки; кожи, выдѣланныя шкуры и мѣха изъ самой Шампани, Испаніи и Германіи: полотна, бѣлыя, суровыя и крашенныя, приготовляемыя во Франціи и за границею **), весь ассортиментъ пряностей и благоуханій: шафранъ, гвоздика, инбирь, ревень, алоэ, анисъ, корица, перецъ; краски, какъ индиго, марена, квасцы; лѣкарства, фрукты, воскъ, медъ, сало, хлѣбъ, соленая и свѣжая рыба, скотъ, лошади, молочные продукты (сыръ Бри), вина, золото, серебро, желѣзо, сталь, шерсть, соль, шелкъ-сырецъ, конопля, ленъ, хлопокъ, мелочные товары, горшечные товары, шапочный, кожевенный, зеркальный, стекольный, перчаточный товаръ и до XIII в. рабы—вотъ длинный и, кажется, полный каталогъ товаровъ, привозимыхъ на шампанскія ярмарки.

Торговое значеніе ярмарокъ было таково, что даже въ современныхъ стихахъ можно встрѣтить отраженіе этого факта. Такъ, одно фабліо говоритъ:

A Laigny, á Bar, à Provins,
Si i a marchéans de vins,
De blé, de sel et de harenc,
Et de soie, et d'or, et d'argent,
Et de pierres qui bones sont,

т. е. въ Ланьи, Барѣ и Провенѣ есть торговцы виномъ, хлѣбомъ, солью, селедкой, шелкомъ, золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями.

Въ числѣ кліентовъ Шампанскихъ ярмарокъ на первомъ мѣстѣ нужно назвать купцовъ Лондонской Ганзы, затѣмъ итальянцевъ. Потомъ появлялись и испанцы, и англичане, и нѣмцы, и скандинавы, и шотландцы, и савояры, и ганзейцы. Итальянцы были особенно драгоцѣнны, какъ кліенты, ибо они не только привозили много цѣнныхъ товаровъ и закупали много сырья, но, что еще важнѣе, они сдѣлали шампанскія ярмарки центромъ кредитныхъ операцій. Къ нимъ пріурочивались, обыкновенно, всѣ платежи, а такъ какъ главными двигателями такого рода сдѣлокъ были итальянцы, то

*) Она (aune)=0,4444 метра.
**) Славились главнымъ образомъ полотна изъ Труа, Компьена и Реймса.

безъ нихъ процвѣтаніе ярмарокъ было невозможно. Это и обнаружилось съ полной очевидностью, когда флорентинцы перекочевали въ иныя мѣста и увлекли своимъ примѣромъ другихъ своихъ земляковъ. Въ серединѣ XIV в. въ Шампани не осталось ни одного итальянца, и ярмарки заглохли. Уходъ итальянцевъ имѣлъ свои причины. Когда вымеръ родъ графовъ Шампани, страна вмѣстѣ съ ярмарками перешла къ французскимъ королямъ; политика по отношенію къ посѣтителямъ ярмарки сдѣлалась сейчасъ же другая. Графы Шампани понимали, что нельзя рѣзать курицу, умѣющую нести золотыя яйца и не облагали купцовъ непосильными пошлинами; наоборотъ, капетинги хотѣли получить сразу много, не понимая, что такая фискальная политика не всегда увѣнчивается успѣхомъ. Они получили возмездіе за свою жадность; итальянцы должны были отказаться отъ уплаты тѣхъ огромныхъ пошлинъ, какихъ съ нихъ требовали, и ушли. Около того же времени ярмарки потеряли и другую часть своей кліентелы—фламандцевъ. Причиною этого были войны, которыя Франція вела съ Фландріей въ теченіе почти всей первой трети XIV в. Но кромѣ этихъ условій были и другія, болѣе общія, которыя все равно погубили бы шампанскія ярмарки. Измѣнились торговые пути въ Европѣ. Мы знаемъ, что съ первыхъ десятилѣтій XIV в. Венеція и Генуя вошли въ непосредственное сношеніе съ Фландріей, при помощи ежегодно посылаемыхъ въ сѣверныя воды эскадръ. Благодаря этому, устранилась необходимость встрѣчи фламандцевъ къ купцами двухъ крупнѣйшихъ торговыхъ городовъ Италіи, обслуживающихъ и нѣкоторую часть другихъ; нѣмцы тоже стали сноситься съ итальянцами прямымъ путемъ черезъ Альпы, а съ Фландріей по Рейну и Маасу. Прямыя сношенія Англіи съ Италіей были завязаны раньше; съ Фландріей Англія имѣла связь чуть съ незапамятныхъ временъ. Испанія была на пути между Италіей и Фландріей. Вотъ почему, когда, опомнившійся было Филиппъ VI отмѣнилъ суровыя мѣры по отношенію къ иностранцамъ и даже сталъ заботиться о подпятіи значенія ярмарокъ, которое падало на его глазахъ, онъ уже ничего не могъ сдѣлать. Если бы ему пришлось исправлять только свои ошибки, онъ, быть можетъ, и сумѣлъ бы достигнуть чего-нибудь, но тутъ дѣйствовала могучая

волна хозяйственной эволюціи. Она подняла Шампань въ XII в. на своемъ гребнѣ, она же погрузила ее теперь въ глубину.

Чтобы составить себѣ ясное представленіе о томъ, насколько уменьшились обороты ярмарки, достаточно посмотрѣть, что говорятъ цифры. Это тѣмъ болѣе интересно, что средніе вѣка не часто доставляютъ намъ эту возможность. Въ 1275 г. въ графскую казну съ пяти ярмарокъ (безъ Ланьи) поступило доходу 5800 ливр., въ 1296 г. въ королевскую (Шампань уже присоединена) счетную палату—8380 ливр.; въ 1340—41 г. съ пяти ярмарокъ (безъ первой провенской) поступили уже всего 1152 ливр. Вмѣстѣ съ упадкомъ торговли пала и промышленность. Въ Провенѣ въ 1279 г. было цвѣтущее суконное производство, въ которомъ насчитывалось 3200 мастеровъ. Въ 1399 г. ихъ осталось всего 30.

Кліентура шампанскихъ ярмарокъ была расхватана по частямъ. Одна часть перешла къ Брюгге и обусловила наступившій въ концѣ XIV в. расцвѣтъ фламандской торговли, другая перешла въ Женеву. Первое упоминаніе о послѣдней мы встрѣчаемъ въ 1262 г., но лишь въ началѣ XV в. мы дѣлаемся свидѣтелями ея кратковременнаго расцвѣта. Сюда были перенесены товарныя и кредитныя операціи шампанскихъ ярмарокъ, но размѣры ихъ значительно сократились: англичане, ганзейцы и скандинавы здѣсь не показывались; итальянцевъ, нѣмцевъ и французовъ стало меньше. Товары тутъ были тѣ же, что и на шампанскихъ ярмаркахъ. Въ шестидесятыхъ годахъ XV в. женевская ярмарка пала по двумъ причинамъ. Одной изъ нихъ была ссора герцога Савойи *) Людовика съ сыномъ, изъ-за которой платилась Женева; доступъ къ ней запирался, купцы не допускались, торговля падала. Важнѣе была другая причина. Людовикъ XI французскій учредилъ у себя въ Ліонѣ четыре ярмарки, по срокамъ совпадавшія съ женевскими и, чтобы обезпечить имъ кліентуру, запретилъ, какъ французскимъ, такъ и иностраннымъ купцамъ, подвозъ товаровъ въ Женеву. Женевѣ пришлось плохо. Она испросила у Людовика разрѣшеніе созвать конференцію для размежеванія ярмарочнаго торга. Конференція была созвана; въ ней приняли участіе купцы изъ

*) Женева принадлежала Савойѣ.

Генуи, Милана, Венеціи, Лукки, Труа, Руана и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ городовъ. Соглашеніе не состоялось, торговая конкурренція возобновилась съ новой силою, и Ліонъ побѣдилъ. Къ нему мало-помалу перешли всѣ операціи Женевы. Важнѣе всего оказалось перенесеніе туда денежнаго рынка. Въ Женевѣ многіе флорентинскіе банкиры держали представителей или филіальныя отдѣленія своихъ фирмъ. Здѣсь они помощью искусной игры скупали не только золото изъ Зальцбурга и серебро изъ Тироля, но и полноцѣнную французскую монету для перечеканки. Въ Ліонѣ они продолжали свои операціи, и Людовикъ не препятствовалъ итальянцамъ вести ихъ съ полной свободою. Только для охраны законнаго порядка онъ учредилъ коммерческій судъ. Будущее вполнѣ оправдало эту политику. Ліонъ вскорѣ выросъ до степени міровой товарной и, прежде всего, денежной биржи.

VII.

Упадокъ шампанскихъ ярмарокъ былъ уже совершившимся фактомъ, когда страна подверглась всѣмъ бѣдствіямъ Столѣтней войны. Все, что было достигнуто раньше торговымъ развитіемъ и заботою королей и крупныхъ феодальныхъ владѣльцевъ, теперь погибло. Ярмарокъ почти не осталось, дороги залегли, иностранные купцы не появлялись, промышленность пала. Когда Карлу VII пришлось позаботиться о томъ, чтобы нѣсколько поправить дѣло, онъ не зналъ, съ чего начать. Всѣ законы были не болѣе, какъ палліативами. Такъ онъ и умеръ, не предпринявъ никакихъ серьезныхъ мѣръ для оживленія торговли. Но хозяйственная потребность работала вмѣсто короля и успѣла загладить нѣкоторыя послѣдствія вѣковыхъ смутъ. Людовикъ XI вмѣстѣ съ королевскимъ престоломъ унаслѣдовалъ отъ отца трудную задачу экономическаго воскрешенія страны и выполнилъ ее блистательно. Многое осталось сдѣлать и послѣ него, но въ грубыхъ чертахъ „король-буржуа", недаромъ получившій свое прозвище, справился со своимъ дѣломъ Онъ вновь принялся за очистку дорогъ отъ разбойниковъ и заставъ, вновь сталъ улучшать водные пути, углублять и расширять русла рѣкъ, не жалѣя на это денегъ; многіе

порты при немъ были перестроены, обращено вниманіе на каналы. Такъ какъ нужно было замѣнить исчезнувшія ярмарки новыми, то Людовикъ тщательно выбираетъ для нихъ мѣсто. Въ 1470 г. онъ основалъ двѣ ярмарки въ Канѣ (Нормандія), но потомъ сообразилъ, что въ устьяхъ Сены онѣ будутъ въ лучшихъ условіяхъ и въ 1477 г. перенесъ ихъ въ Руанъ. О томъ, какъ безошибочно онъ разглядѣлъ значеніе Ліона и его пригодность для ярмарокъ, мы уже знаемъ. Онъ не жалѣлъ льготъ для новыхъ ярмарокъ, мало стѣснялся съ городами, и, даруя ярмаркамъ привилегіи, казавшіяся ему необходимыми, часто нарушалъ нормы городского права. Еще больше и чаще нарушалъ Людовикъ нормы городского права, когда дѣло дошло до поддержанія и развитія внѣшней торговли. Онъ уничтожилъ почти во всѣхъ городахъ выморочное право, касающееся иностранцевъ и мѣшающее имъ поселиться во Франціи (droit d'aubaine); въ Бордо онъ отмѣнилъ запрещеніе для иностранныхъ кораблей оставаться долѣе двухъ недѣль въ портѣ. Англичане горько жаловались на этотъ порядокъ, ибо онъ заставлялъ ихъ наспѣхъ распродавать свои товары, и Людовикъ внялъ ихъ жалобамъ; онъ разрѣшилъ въѣздъ въ портъ кораблямъ другихъ націй, кромѣ англійскихъ, которые давно уже пользовались этимъ правомъ. Прилегающую къ городу область онъ обязалъ свозить въ Бордо всѣ товары, предназначенные къ вывозу въ сосѣднія страны. Изъ Бордо Людовикъ хотѣлъ сдѣлать первоклассный портъ на западномъ берегу, изъ Монпелье, приходившаго уже въ упадокъ, — на южномъ. Онъ основываетъ тамъ суконное производство, подтверждаетъ привилегіи, но какъ только переходитъ къ Франціи Провансъ вмѣстѣ съ Марселемъ, Монпелье теряетъ для короля интересъ, и всѣ его заботы сосредоточиваются на новопріобрѣтенномъ великолѣпномъ портѣ.

Людовикъ осыпаетъ привилегіями иностранныхъ купцовъ. Трижды (1464, 1473, 1483) онъ подтверждаетъ грамоты, данныя ганзейцамъ, освобождаетъ ихъ отъ нѣкоторыхъ налоговъ и выморочнаго права для иностранцевъ; онъ даруетъ важныя льготы голландцамъ, фламандцамъ и брабантцамъ (1462), давъ имъ право основанія конторъ во французскихъ портахъ, право неограниченнаго пребыванія въ любомъ изъ нихъ и, освободивъ ихъ отъ послѣдствій вы-

морочнаго и призового права; онъ даетъ привилегіи испанскимъ купцамъ, заключаетъ торговый договоръ о взаимности съ португальскимъ королемъ, разрѣшаетъ своимъ подданнымъ торговать съ иностранцами даже во время войны. Но онъ прекрасно сознаетъ, что всѣ эти мѣры направлены къ одной цѣли, къ поднятію благосостоянія Франціи, и тамъ, гдѣ не замѣшаны интересы французской торговли, Людовикъ не обнаруживаетъ никакого расположенія къ иноземцамъ. Французскую торговлю онъ поддерживаетъ всѣми силами, иногда помощью такихъ героическихъ средствъ, которыя оказываются губительны, и которыя поэтому отмѣняются. Мы знаемъ, какія мѣры онъ предпринималъ, чтобы поднять ліонскія ярмарки; чтобы поднять руанскія, онъ рѣшительно запретилъ французскимъ купцамъ ѣздить на ярмарки въ Ипернъ, Брюгге и Антверпенъ. Онъ попытался даже предвосхитить идею навигаціоннаго акта Кромвеля и запретилъ ввозъ во Францію кореньевъ, шелковыхъ матерій и другихъ восточныхъ товаровъ, которые привезены не на французскихъ корабляхъ. Такимъ образомъ онъ хотѣлъ создать для государства монополію транспорта. Но въ тѣ нѣсколько лѣтъ, пока она существовала, эта монополія едва не погубила ліонскія ярмарки. Тогда онъ отмѣнилъ монополію, но вмѣсто нея попытался создать большую торговую компанію для торговли съ Левантомъ. Такъ какъ она никогда не осуществилась, то мы не знаемъ какъ слѣдуетъ, должна ли была она быть полнымъ товариществомъ итальянскаго типа или акціонернымъ обществомъ типа позднѣйшихъ компаній. Предполагалось привлечь къ этому предпріятію все французское купечество и собрать капиталъ въ 100000 ливровъ. Но купцы, съѣхавшіеся на конференцію въ Туръ (1482), слушая докладъ, качали скептически головами и говорили, что если королю будетъ угодно, они подчинятся, на успѣхъ же совершенно не надѣются. Людовикъ оставилъ ихъ въ покоѣ.

Чтобы поднять торговлю, Людовикъ много заботился о промышленности. Онъ, ничтоже сумняшеся, топталъ ногами цеховые статуты, не признавалъ ни ученичества, ни шедевра *), даровалъ самъ

*) О цеховомъ устройствѣ см. въ книгѣ «Средневѣковые города».

по своей волѣ званіе мастера, и съ удовольствіемъ видѣлъ, что отъ этого промышленность не падаетъ. Онъ самъ создалъ нѣсколько крупныхъ отраслей производства: желѣзодѣлательное въ Турѣ, шелковое въ Ліонѣ, поднялъ горный промыселъ въ Руссильонѣ. Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ онъ всячески покровительствуетъ вывозу французскихъ издѣлій за границу.

Въ дѣятельности Людовика мы видимъ впервые во Франціи образецъ государственной торговой политики. Города оказываются не въ силахъ нести самостоятельно ея бремя и теряютъ остатокъ своихъ вольностей; но они получаютъ взамѣнъ ихъ благосостояніе. Людовикъ беретъ въ свои мощныя руки многочисленныя бразды и направляетъ ходъ своей торговой политики къ заранѣе намѣченной цѣли. Съ нимъ Франція вступаетъ въ полосу меркантильной системы, которая должна получить свое наиболѣе полное выраженіе въ рукахъ Кольера. Для Людовика богатство страны заключается въ драгоцѣнныхъ металлахъ. Значитъ, нужно было больше вывозить товаровъ и меньше ввозить, а кромѣ того учредить сборъ папскихъ налоговъ такимъ образомъ, чтобы деньги по возможности меньше уходили изъ страны. Этотъ сборъ производился итальянскими фирмами, которыя на немъ наживали огромныя деньги. Нужно было сдѣлать такъ, чтобы по крайней мѣрѣ коммиссія за сборъ осталась дома. Для этого нужно было сильное мѣстное купечество. При Людовикѣ оно уже существовало.

Евреи были окончательно изгнаны изъ Франціи въ 1410 г., фламандцевъ держали вдали отъ Франціи войны, итальянцы ушли въ XIV в., съ тѣхъ поръ, какъ пали шампанскія ярмарки, и появились только въ концѣ XV в. У французскаго купечества, такимъ образомъ, оставалось время собраться съ силами и начать новую жизнь. До сихъ поръ французскій купецъ, у котораго были подъ рукою шампанскія ярмарки, сравнительно мало входилъ въ сношеніе съ восточными рынками; теперь, когда итальянцы, снабжавшіе его товаромъ, исчезли, ему нужно было попробовать счастья самому. Столѣтняя война оставила почти нетронутой одну область, Лангедокъ, гдѣ Монпелье уже доживалъ дни своего расцвѣта. Однако, старыя торговыя традиціи Монпелье сослужили послѣднюю

службу странѣ: онѣ дали ей Жака Кэра, который справедливо считается отцомъ самостоятельнаго французскаго купечества.

Въ XIV—XV в. французскій флотъ на востокѣ былъ представленъ двумя нарбонскими галерами, которыя имѣли весьма жалкій видъ наряду съ гордыми эскадрами Генуи и Венеціи, многочисленными кораблями Барселоны и Марселя. Жакъ Кэръ, посѣтившій однажды главные порты Леванта, прекрасно понялъ, какія неисчислимыя выгоды сулитъ основаніе собственнаго восточнаго предпріятія. Это означало, что всѣ прибыли, которыя получаютъ марсельцы и итальянцы, продавая восточные товары въ французскихъ портахъ, останутся дома. И предпріимчивый купецъ въ 1433 г. основалъ въ Монпелье контору для торговли съ востокомъ; она должна была сдѣлаться центромъ всѣхъ его операцій въ Средиземномъ морѣ. Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Въ нѣсколько лѣтъ Жакъ Кэръ сдѣлался обладателемъ колоссальнѣйшихъ богатствъ. У него явились дома въ Парижѣ, Турѣ, Безье, Бокэрѣ, Монпелье, Марселѣ, дворецъ въ Буржѣ, тридцать помѣстій, триста агентовъ, работающихъ въ разныхъ городахъ Франціи и средиземноморскихъ портахъ, семь собственныхъ галеръ, которыя то и дѣло бороздятъ Средиземное море, совершая рейсы между французскими и левантскими портами; во Флоренціи у него суконное и шелковое дѣло, въ Барселонѣ онъ конкуррируетъ съ мѣстными арматорами. Его состояніе оцѣнивается въ 1.000,000 золотыхъ экю, на современныя деньги около 10.800,000 франковъ. Конецъ его былъ печаленъ. Онъ сдѣлался министромъ финансовъ Карла VII, завистники взвели на него рядъ обвиненій, его богатства были конфискованы, онъ бѣжалъ и умеръ въ изгнаніи. Но его дѣло пережило его. Связи французскаго купечества съ востокомъ не порвались; при жизни Жакъ Кэръ сумѣлъ создать много даровитыхъ коммерсантовъ, которые пошли теперь по его слѣдамъ. Упадокъ Генуи и Марселя еще больше поднялъ значеніе французскихъ портовъ. Карлъ VII сообразилъ, но поздно, что онъ сдѣлалъ огромную глупость, погубивъ своего министра и самъ сталъ пытаться войти въ сношеніе съ различными восточными владѣтелями съ цѣлью добиться привилегій для французскихъ купцовъ. И то, что простому купцу было легко, оказывалось трудно королю.

Тѣмъ не менѣе активная торговля съ востокомъ, на помощь которой пришла активная торговля съ западомъ, успѣла создать національное французское купечество, богатое, опытное, хорошо знающее состояніе международнаго рынка и международный денежный курсъ. Теперь оно могло конкуррировать съ итальянцами, и дальновидная политика Людовика XI потому имѣла успѣхъ, что опиралась на прочную силу французскаго купечества. Пройдетъ еще немного времени, и оно, обладая ліонской биржею, будетъ вершать судьбы міровой торговли.

VIII.

Въ серединѣ XIII в. начинается періодъ расцвѣта Фландріи. Брюгге дѣлается однимъ изъ самыхъ оживленныхъ портовъ запада. Въ немъ встрѣчаются англичане, нѣмцы, скандинавы, испанцы, французы какъ съ сѣвера, такъ и съ юга. Всевозможные товары, среди которыхъ не послѣднее мѣсто занимали сукна мѣстнаго производства, удивляли своимъ изобиліемъ случайныхъ посѣтителей. Въ концѣ XIII в. былъ составленъ каталогъ товаровъ, которые приходятъ въ Брюгге изъ различныхъ странъ. Тутъ упомянуты тридцать четыре страны, причемъ не названы ни Франція, ни итальянскіе города, сношенія съ которыми были болѣе тѣсныя, чѣмъ съ какой-нибудь изъ перечисленныхъ. Тутъ фигурируютъ Англія, Шотландія, Ирландія, скандинавскія страны, Россія, Польша, Венгрія, Чехія, испанскія государства, африканскіе эмираты, Константинополь, сирійскіе порты, Арменія, Татарія, причемъ при каждой перечислены главные товары, которые Фландрія получаетъ оттуда, а въ заключеніе прибавлено: „Ни одна страна по обилію товаровъ не можетъ сравниться съ Фландріей“.

Нужно замѣтить, что чѣмъ больше увеличивалась торговля Фландріи, тѣмъ больше купечество Брюгге сокращало свою активную дѣятельность. Его торговый флотъ уменьшался, торговыя поѣздки дѣлались все рѣже. Это объясняется одной особенностью средневѣковаго городского торговаго права. Иностранные купцы не имѣли права торговать непосредственно между собою. Для этого было не-

обходимо посредничество маклера изъ числа мѣстныхъ купцовъ. Для послѣднихъ это было очень выгодно и доставляло гораздо болѣе легкій и вѣрный заработокъ, чѣмъ опасное странствованіе съ товаромъ, сопряженное съ всякими непріятными неожиданностями. И обстоятельства позволяли брюггцамъ оставаться исключительно при своихъ доходныхъ коммиссіонныхъ сдѣлкахъ. До тѣхъ поръ, пока товары подвозились во Фландрію большею частью съ юга, изъ Италіи, Франціи, Германіи, подвозились помощью рѣчного транспорта, брюггцы сами должны были озаботиться ихъ доставкой въ Англію или сѣверныя страны. На это у нихъ существовалъ обширный торговый флотъ. Но какъ только морское судоходство сдѣлалось болѣе значительно, и другія націи также обзавелись судами, Брюгге пересталъ транспортировать. Корабли, привозившіе въ городъ товары съ сѣвера, изъ Англіи, Италіи, сложивъ свой грузъ, принимали мѣстный и везли его назадъ. Мы видѣли нѣчто подобное въ Монпелье, но тамъ не было кораблей, и когда они появились, городъ самъ сталъ активнымъ торговымъ центромъ. Брюгге же сознательно забрасываетъ свои корабли, потому что это хлопотно, а дома имѣется болѣе легкій заработокъ. Эта своеобразная физіономія города была отчасти причиною того, что Брюгге отказывался вступить въ число членовъ Нѣмецкой Ганзы. Онъ слишкомъ дорожилъ своей самостоятельностью и зналъ очень хорошо, что многое нужно будетъ принести въ жертву, если ему придется вступить въ союзъ. Что національныя соображенія не играли тутъ никакой роли, видно изъ того, что другой городъ Фландріи, Динанъ, пользовался флагомъ Ганзы для своихъ торговыхъ цѣлей.

Каталогъ товаровъ, служившихъ предметомъ торговли въ Брюгге, очень великъ, но въ немъ нѣтъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, напр., что мы встрѣчали на шампанскихъ ярмаркахъ. Расцвѣтъ фламандской торговли обусловленъ нѣсколькими причинами. Прежде всего тутъ дѣйствовали географическія условія, которыя одни дѣлали изъ Брюгге „сѣверную Венецію“. Но были и другія. Мы знаемъ, что мудрая торговая политика часто наперекоръ городамъ достигала удивительныхъ результатовъ. Примѣромъ служитъ дѣятельность Людовика XI во Франціи, или шампанскихъ графовъ.

И Фландріи посчастливилось найти одного за другимъ нѣсколькихъ графовъ, которые усвоили по отношенію къ иностранцамъ совсѣмъ не такую политику, которой требовали традиціонныя нормы городского права. Начиная съ Балдуина IX (ум. 1202 г.), они сначала робко, затѣмъ все болѣе и болѣе рѣшительно начинаютъ придерживаться принциповъ свободной торговли. Совершенно побороть то глухое, то открытое недовольство, вызванное въ консервативномъ Брюгге этими новшествами графы не могутъ, но нѣкоторыя важныя мѣры имъ удается провести, несмотря на сопротивленіе городовъ. Они уменьшаютъ таможенныя пошлины, смягчаютъ неудобства „складочнаго права", приглашаютъ иностранцевъ селиться и основывать конторы во фламандскихъ городахъ, облегчаютъ положеніе неоплатныхъ должниковъ изъ иностранцевъ, пытаются даже отмѣнить запрещеніе для иностранцевъ торговать другъ съ другомъ помимо маклеровъ изъ мѣстныхъ купцовъ, словомъ дѣлаютъ все, что при тогдашнихъ условіяхъ было въ ихъ власти, чтобы превратить Фландрію и ея главную эмпорію Брюгге въ международное торжище. И это имъ удается. Уже въ началѣ XIV в. мы встрѣчаемъ въ Брюгге факторіи нѣмецкихъ, испанскихъ, баскскихъ, каталонскихъ, арагонскихъ, итальянскихъ и сицилійскихъ купцовъ.

Другое условіе, содѣйствовавшее расцвѣту Брюгге—это упадокъ шампанскихъ ярмарокъ. Большая часть кліентуры перешла къ Брюгге, и здѣшнія ярмарки сдѣлались еще болѣе живымъ центромъ міровой торговли, чѣмъ шампанскія. Для итальянцевъ это было какъ нельзя болѣе удобно, потому что съ Брюгге у нихъ и раньше были связи. Дѣло въ томъ, что у Фландріи былъ свой Кагоръ, городъ мѣнялъ и ростовщиковъ Аррасъ. Когда настоящіе мѣнялы, „ломбардцы", узнали, что въ Аррасѣ дѣлаются хорошія кредитныя дѣла, они явились туда и, благодаря своимъ капиталамъ, отбили кліентовъ у мѣстныхъ мѣнялъ. А когда Филиппъ II Августъ завоевалъ Артуа, и Аррасъ отошелъ къ Франціи, итальянцы перешли въ Брюгге. Тамъ въ теченіе всего XIII вѣка ихъ обороты по торговлѣ деньгами все увеличивались, всѣ крупныя итальянскія банкирскія фирмы завели тамъ свои отдѣленія, и Брюгге сдѣлался не

только самымъ крупнымъ по оборотамъ *) торговымъ городомъ Европы, но и однимъ изъ самыхъ важныхъ центровъ кредитныхъ операцій. Когда пали шампанскія ярмарки, итальянцамъ, во что бы ни стало, нужно было найти такое мѣсто, гдѣ было удобно сводить счета въ опредѣленные сроки, и куда можно было бы пріурочивать платежи по векселямъ. Женевскихъ ярмарокъ въ серединѣ XIV в. еще не было, вѣрнѣе онѣ существовали, но не пользовались популярностью. Естественно было итальянцамъ остановить выборъ на Брюгге, гдѣ у нихъ были уже пущены крѣпкіе корни. Но Брюгге былъ лишь центромъ дѣятельности итальянцевъ во Фландріи. Итальянскіе мѣнялы открывали свои лавочки не только въ крупныхъ, но и въ мелкихъ торговыхъ городахъ. Объясняется это международнымъ характеромъ фламандской торговли, которая не могла обойтись безъ посредниковъ.

Черная смерть произвела во Фландріи, какъ и вездѣ, большія опустошенія и вызвала нѣкоторый застой въ экономической жизни, но страна быстро оправилась, и вторая половина XIV в. сдѣлалась послѣднимъ періодомъ ея расцвѣта. Шерстяная промышленность, торговля, кредитныя операціи—всѣ эти три отрасли хозяйственной жизни Фландріи находились въ напряженіи и достигли небывалаго раньше развитія. Но то была послѣдняя вспышка. Яркій факелъ сталъ дѣлаться тусклѣе и медленно угасать.

IX.

Вторую половину XIV в. Фландрія пользовалась еще полнымъ благосостояніемъ, но уже начали появляться признаки, указывающіе на то, что оно продлится недолго. Богатство Фландріи держалось на двухъ фактахъ: на ея шерстяной промышленности и на удобномъ положеніи порта Брюгге. Стоило подломиться одному изъ этихъ устоевъ, и Фландрія должна была склониться къ упадку. Въ XV в. подломились оба.

Главнымъ потребителемъ фламандскихъ суконъ былъ сѣверъ, гдѣ у Фландріи не было конкуррента. Англія не имѣла собственной

*) По оборотамъ торговля Брюгге была больше, чѣмъ торговля Венеціи.

промышленности и изготовляла дома только грубыя крестьянскія сукна. Со времени Эдуарда III въ Англіи основывается свое суконное производство, которое во вторую половину XIV в. уже работаетъ на вывозъ. Съ первыхъ же вывозныхъ партій англійскихъ суконъ во Фландріи начинаютъ волноваться; волненіе растетъ, чѣмъ больше крѣпнетъ англійскій вывозъ; скоро фламандцы переходятъ къ практическимъ мѣрамъ, чтобы предотвратить надвигающуюся грозную опасность. Уже ганзейцы, которые запасались сукномъ только во Фландріи, стали брать грузы въ англійскихъ портахъ и, малопомалу распространять его на сѣверѣ. Растерявшіеся фламандцы запретили нагруженнымъ англійскимъ сукномъ товарамъ проѣздъ черезъ проливъ Цвинъ. Ганзейцы, одни изъ главныхъ посѣтителей Брюгге, въ отвѣтъ на это немедленно перекочевали въ голландскій Дордрехтъ. Въ 1353 г. Эдуардъ III, разсердившись на фламандцевъ, перенесъ изъ Брюгге въ Англію главный складъ англійской шерсти. Вслѣдствіе этого отпала значительная часть итальянской кліентуры. А когда въ 1363 г. складъ былъ перенесенъ въ Кале, то тамъ фламандцамъ стали дѣлать непріятности въ отместку за репрессіи противъ англійскихъ суконъ. Въ 1379 г. графъ Фландріи Людовикъ, чтобы поддержать мѣстную промышленность, обложилъ пошлиной вывозимую изъ Фландріи моремъ или сушей шерсть. Въ половинѣ XV в. эта пошлина уже не взималась, такъ какъ итальянцы стали покупать шерсть въ Кале или самой Англіи. Сюда же присоединились бѣдствія Столѣтней войны, которыя въ другое время были бы быстро заглажены, а теперь довершили разореніе страны. Особенно пострадалъ отъ всего этого цвѣтущій Ипернъ, главный центръ суконнаго производства. Тщетно старались бургундскіе герцоги, къ которымъ перешла Фландрія, помочь ему, запрещая валяніе въ окрестныхъ деревняхъ. Ничто не помогаетъ. Населеніе быстро сокращается, а изъ оставшихся третья часть питается милостыней. (1486). Упадокъ Иперна особенно характеренъ, ибо городъ процвѣталъ раньше исключительно, благодаря суконной промышленности. Другіе города еще держатся. Брюгге потому, что у него еще есть его гавань и его банкирскіе дома, Гентъ — потому, что въ немъ помѣщается большой хлѣбный складъ. Брабантскіе города: Мехельнъ,

Брюссель, Антверпенъ—мало почувствовали суконный кризисъ. Ихъ будущее еще впереди.

Бургундскіе герцоги энергично борются съ кризисомъ. Они запрещаютъ ввозъ англійскихъ суконъ, хотя самая многочисленность запретительныхъ эдиктовъ указываетъ на то, что они не особенно соблюдались, да и герцоги не могли особенно настаивать на запретахъ, потому что, спасая безповоротно осужденную фламандскую промышленность, герцоги могли убить нарождающуюся брабантскую торговлю. Англійскіе купцы сдѣлались желанными гостями на бергенской (Bergen op Zoom) и антверпенской ярмаркахъ, и въ торговой столицѣ Брабанта у нихъ уже съ 1442 г. появилось довольно многочисленное населеніе.

Но промышленность Фландріи не погибла окончательно; не погибла окончательно даже и суконная промышленность Фландріи. Она только перешла изъ города въ село и приняла форму современной домашней промышленности. Мы видѣли *), что уже въ городахъ дѣло было организовано капиталистически. Во главѣ предпріятія стоялъ купецъ, который раздавалъ работу находившимся въ зависимости отъ него ремесленникамъ. Но цеховыя формы ремесла не позволяли сократить до минимума издержки производства, да и вообще плохо вязались съ капиталистическимъ порядкомъ. Дѣло другое домашняя промышленность въ селѣ. Крестьянинъ-земледѣлецъ устраиваетъ у себя ткацкій станокъ или валяльную мельницу и понемногу работаетъ на предпринимателя. Такъ какъ у него—подсобный кустарный промыселъ, то онъ ограничивается очень небольшой заработной платой. Напрасно протестуютъ цехи и городскія управленія. Они безсильны противъ того, что создается самой жизнью и принуждены примириться съ необходимостью. А съ помощью дешеваго сельскаго труда купцамъ-предпринимателямъ удастся удержать отъ окончательной гибели славную суконную промышленность Фландріи.

Но этимъ не ограничивалась промышленная жизнь страны послѣ второй половины XV в. Съ той энергіей и съ тѣмъ упорствомъ, которое всегда отличало трудолюбивое и искусное населеніе страны,

---

*) См. выше, стр. 69 и слѣд.

оно сумѣло найти себѣ другой источникъ существованія. Мы уже видѣли, какъ быстро раздѣлалась съ суконнымъ кризисомъ Флоренція, перейдя на шелковое производство *). Фландрія перешла на производство полотна. Шерсть становилась рѣже, за то сколько угодно можно было доставить льну. И во Фландріи и Брабантѣ возникаетъ мало-помалу крупная полотняная промышленность. И техника дѣла, и наступающій моментъ требуютъ того, чтобы оно организовалось на основѣ домашней промышленности. Капитализмъ сдѣлалъ, слѣдовательно, еще новое завоеваніе, и въ началѣ XVI в. Фландрія стала вывозить въ огромномъ количествѣ полотна.

Другая отрасль промышленности, которая возникла въ XV в. въ Аррасѣ и Турнэ, а оттуда была перенесена въ Брабантъ и Фландрію, — это производство ковровъ, которымъ впослѣдствіи суждено было сдѣлаться однимъ изъ главныхъ предметовъ вывоза страны.

Въ этомъ процессѣ перехода отъ одного производства къ другому очень замѣтно одно явленіе. Все больше и больше выступаетъ на первый планъ Брабантъ, а Фландрія уже идетъ назадъ. И въ промышленности и въ торговлѣ Брабантъ приноравливается быстрѣе къ новымъ условіямъ, и если даже до чего-нибудь додумались впервые во Фландріи, Брабантъ перенимаетъ и усовершенствуетъ въ то время, пока тамъ не успѣли еще какъ слѣдуетъ освоиться съ новой мыслью. Внѣшнимъ выраженіемъ этого явленія служитъ упадокъ Брюгге и возвышеніе Антверпена.

Мы видѣли, какъ исподволь подготовлялся торговый упадокъ Брюгге, но до смерти Карла Смѣлаго онъ оставался главнымъ денежнымъ рынкомъ сѣверной Европы, и это спасало городъ отъ окончательной гибели. Всѣ итальянскія фирмы имѣли въ Брюгге филіальныя отдѣленія и дѣлали большія дѣла, да и торговля, казалось, продолжала находиться въ цвѣтущемъ положеніи. Еще въ 1457 г. въ портѣ можно было видѣть сразу три венеціанскихъ галеры, одинъ португальскій, два испанскихъ корабля, шесть шотландскихъ суденъ, 42 англійскихъ караеллы, 12 гамбургскихъ суденъ, 4 китобоя и нѣсколько десятковъ рыболовныхъ баркасовъ. Съ сере-

*) См. выше, стр. 161.

дины XV в. увеличиваются частью по политическимъ, частью по экономическимъ причинамъ сношенія съ Испаніей и Португаліей. Но Брюгге лишь до тѣхъ поръ могъ представлять интересъ для южныхъ націй, пока онъ былъ сборнымъ пунктомъ для сѣверныхъ товаровъ. А сѣверныя націи стали мало-помалу покидать Брюгге. Къ 1450 году исчезли нѣмцы внутреннихъ частей Германіи, въ 1451 г. городъ окончательно разсорился съ ганзейцами, и они перешли въ Утрехтъ, англійскіе „странствующіе купцы“ бѣжали изъ-за запретительныхъ пошлинъ въ Мидльбургъ и Антверпенъ. Туда же потянулись тогда и южные купцы: итальянцы, испанцы, португальцы, а потомъ и банкиры. Тутъ еще обмелѣлъ затянувшійся дюнами Цвинъ, соединявшій городъ съ моремъ, и никакія работы не могли справиться съ этимъ несчастіемъ. Къ концу XV в. отъ прежняго Брюгге оставалась лишь тѣнь, и нѣсколько тысячъ пустыхъ заколоченныхъ домовъ уныло говорили о томъ, что когда-то городъ былъ цвѣтущимъ торговымъ пунктомъ.

Упадокъ Брюгге знаменуетъ переломъ въ хозяйственномъ развитіи Фландріи. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что со средневѣковыми формами торговли покончено навсегда, и на сцену должны выступить новыя формы. Брюгге не сумѣлъ къ нимъ приспособиться, хотя графы фландрскіе и герцоги бургундскіе все время подталкивали его на новый путь. Старая торговая политика съ ея узко-протекціонистскими нормами не могли ужиться съ широкими морскими предпріятіями, быстрымъ денежнымъ обращеніемъ и оборотами, въ которыхъ все большую и большую роль игралъ кредитъ. Молодой Антверпенъ выросъ въ этихъ условіяхъ, и что оказалось не подъ силу Брюгге, съ тѣмъ блестяще справился его брабантскій конкуррентъ.

Его положеніе заранѣе предназначало его къ выдающейся роли въ торговыхъ сношеніяхъ. Онъ стоитъ при устьяхъ широкой Шельды, которой не грозитъ обмелѣніе, гавань его превосходно защищена отъ всякихъ случайностей, а съ двухъ сторонъ его находились два города, консервативный строй которыхъ заранѣе обрекалъ ихъ на жертву Антверпену. То были Брюгге и голландскій Дордрехтъ, отъ которыхъ рано стали отпугивать ихъ средневѣковыя тяжелыя учрежденія. Въ началѣ XIV в. въ Антверпенѣ появились колоніи фло-

рентинцевъ, генуэзцевъ и нѣмцевъ. Но предусмотрительная конкурренція Брюгге и Мехельна не дали Антверпену расширить свои обороты тогда же, и только переходъ къ Бургундіи далъ ему возможность бороться при равныхъ условіяхъ съ сосѣдями. А этого было достаточно для Антверпена. Онъ гостепріимно открываетъ свой портъ для англійскихъ суконъ, быстро приспособляется ко всякимъ условіямъ; благодаря такому оппортюнизму, онъ теряетъ тотъ типичный фламандскій отпечатокъ, который до нашихъ дней лежитъ на Брюгге, но зато онъ дѣлается космополитическимъ городомъ, гдѣ англичанинъ, нѣмецъ, испанецъ—всѣ чувствуютъ себя, какъ дома.

Двѣ антверпенскія ярмарки въ XV в. имѣютъ такое же міровое значеніе, какое въ XIII имѣли шампанскія. Но между ними огромная разница. Городъ не налагаетъ на иностранца никакихъ стѣсненій. Маклерскій промыселъ, бывшій въ Брюгге, да и вездѣ, привилегіей горожанъ, здѣсь доступенъ всякому, а если бы кто захотѣлъ пріобрѣсти гражданскія права, то это не было связано ни съ какими затрудненіями: нѣтъ ни складочнаго принужденія, ни обязательства выставлять гдѣ-бы то ни было товары. Господствуетъ полная свобода сдѣлокъ. Во дворѣ церкви св. Маріи сходятся уполномоченные купцовъ и торговыхъ фирмъ и устно заключаютъ сдѣлки на огромныя суммы по однимъ образцамъ. Таково было начало учрежденной въ 1460 г. товарной биржи, первой въ Европѣ. При такихъ условіяхъ въ ярмарочныхъ срокахъ уже не было никакой необходимости, и они все чаще и чаще стали нарушаться, что вызывало прямо суевѣрный трепетъ всюду, гдѣ еще были живы традиціи добраго стараго времени. Ганзейская контора въ Брюгге еще въ 1484 г. горько жаловалась на то, что въ Антверпенѣ перестали считаться съ ярмарочными сроками. Еще больше увеличились обороты города, когда португальцы и испанцы стали привозить изъ Америки и по морскому пути изъ Индіи всякіе новые товары. Ростъ населенія идетъ съ поразительной быстротою. Въ 1435 г. было всего 3440 семействъ, въ 1489 г.—5689, въ 1496 г.—6801, въ 1526 г.—8785. Антверпенъ оживляетъ чуть не весь районъ теперешней Бельгіи. Онъ создаетъ экспортъ коврамъ и гобеленамъ Арраса, Турне, Брюсселя и Уденарда, чѣмъ

поднимаетъ промышленность люттихской области; онъ создаетъ экспортъ хлѣба изъ Артуа и Генегану; этимъ онъ поднимаетъ земледѣліе въ этихъ областяхъ и не только спасаетъ отъ упадка, но и даетъ возможность расширить обороты Генту съ его хлѣбнымъ складомъ и всей, вообще, восточной Фландріи. Но такъ же, какъ въ свое время Брюгге, Антверпенъ не принимаетъ активнаго участія въ міровой торговлѣ; у него почти нѣтъ кораблей; его горожанамъ довольно дѣла и дома.

Вмѣстѣ съ товарной торговлей увеличиваются съ каждымъ годомъ и обороты антверпенскаго денежнаго рынка. Когда банкиры переселились сюда изъ Брюгге, городъ сдѣлался центромъ кредитныхъ и денежныхъ операцій сѣвера, а потомъ мало-помалу сдѣлался и міровымъ денежнымъ рынкомъ рядомъ съ Ліономъ. Денежная биржа была построена тутъ уже въ XVI в. Но исторія денежныхъ операцій и хроника изобрѣтеній антверпенской биржи въ этой области относится уже къ исторіи новой торговли.

X.

Нѣкоторые города Испаніи и Португаліи играли, также, довольно значительную роль въ европейской торговлѣ. Процвѣтаніе пиринейскихъ государствъ было, какъ извѣстно, создано маврами. Когда арабы завоевали полуостровъ, въ нихъ сейчасъ же пробудились старыя торговыя привычки, и уже въ X вѣкѣ въ царствованіе эмира, Адлъ-ур-Рахмана III внутренняя торговля въ Испаніи играла болѣе значительную роль, чѣмъ, пожалуй, во всей остальной Европѣ. Ей дѣятельно способствовали евреи, которые чувствовали себя необыкновенно правильно въ терпимомъ царствѣ мусульманъ. Уже въ эту эпоху выросла міровая слава оружейныхъ фабрикъ Кордовы и Толедо, порты Кадикса, Тарасконы и Севильи стали исправляться и увеличивать свои обороты, а когда торговля возродилась въ другихъ странахъ Европы, па первое мѣсто среди испанскихъ портовъ выдвинулась Барселона въ Каталоніи.

Въ началѣ XII вѣка городъ заключилъ договоръ съ пизанцами и генуэзцами, которымъ открылъ свою гавань, разрѣшилъ ввозъ

восточныхъ товаровъ и основаніе факторій. Въ мудрое царствованіе Якова I Аррагонскаго (1213—1276), заботливо поддерживавшаго городъ, бывшій однимъ изъ главныхъ источниковъ его доходовъ, Барселона процвѣтала все больше и больше. Въ это время она мало-помалу обзаводится собственными кораблями, которые сначала совершаютъ рейсы только въ близлежащіе африканскіе рынки— Магребъ и Тунисъ; когда арагонскій домъ утверждается въ Сициліи (1282), барселонцы захватываютъ львиную долю въ тамошней торговлѣ; потомъ они становятся еще смѣлѣе и пускаются на востокъ, гдѣ вскорѣ пріобрѣтаютъ такое вліяніе, что могутъ конкуррировать даже съ итальянцами*). Полнаго расцвѣта торговля Барселоны достигаетъ въ XIV в. Въ это время у нихъ не только тѣсныя связи во всѣхъ главныхъ портахъ Египта, Родоса, Сиріи и Греціи, но и имѣются уже конторы въ большинствѣ крупныхъ торговыхъ центровъ Европы: въ Венеціи, Генуѣ, Пизѣ, Флоренціи, Болоньѣ, Парижѣ, Монпелье, Лондонѣ, Валенсіи. Барселона была главнымъ экспортеромъ Испаніи, и, хотя по мѣрѣ того, какъ христіане завладѣвали островомъ, промышленность тамъ падала, но вывозъ все еще былъ довольно значительный, и каталонскія галеры развозили кордовскую кожу, толедскіе клинки и превосходную испанскую шерсть, уступавшую во всемъ мірѣ англійской.

Барселона любопытна не только своей торговлею, но и своими торговыми учрежденіями и своимъ торговымъ правомъ. Во второй половинѣ XIII вѣка въ городѣ появляется организація морскихъ купцовъ, нѣсколько напоминающая гильдію (comune riparie Barchinone); во главѣ ея стояли выборные prohombres, имѣющіе предсѣдателемъ мэра (major). Эти prohombres должны были слѣдить за портомъ и другими учрежденіями, имѣющими отношеніе къ торговлѣ. Затѣмъ, эта организація мало-помалу исчезаетъ, и городской совѣтъ Барселоны начинаетъ (1347) ежегодно избирать спеціальныхъ консуловъ (consules maris), коллегія которыхъ составляетъ въ одно и то же время и морской судъ, и своего рода департаментъ морской торговли. Его функціи постепенно расширяются и къ началу XV в.

*) См. выше.

онъ начинаетъ вѣдать и судить по торговымъ дѣламъ вообще, какъ морскимъ, такъ и сухопутнымъ. Изъ практики этихъ организацій и сложилось знаменитое морское право Барселоны — Libro del consolat del mar, которое въ итальянской переработкѣ сдѣлалось главнымъ кодексомъ морского торговаго права въ средиземно-морскомъ районѣ. Consolat del mar составленъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его знаемъ въ послѣдней трети XIV в., но отдѣльныя его положенія создавались въ разное время, съ самаго начала среднихъ вѣковъ. Поэтому, они не всегда даже вяжутся между собою, и очевидно, въ то время какъ часть ихъ находилась въ полной силѣ, другая давно стала анахронизмомъ.

Слѣдующимъ за Барселоной городомъ, имѣвшимъ болѣе оживленную торговлю, была Валенсія. Возрожденіе торговли Севильи, Бургоса, Бильбао и Санъ-Себастіана относится къ болѣе позднему періоду.

Оживленіе португальской торговли обусловлено сношеніями съ Англіей. Англія была и для Испаніи важнымъ рынкомъ сбыта въ теченіе среднихъ вѣковъ, но англичане предпочитали торговать съ менѣе избалованными барышами португальцами. Съ самаго начала ихъ торговой дѣятельности—оно относится къ концу XIII в.—они потянулись къ Англіи съ избытками своихъ продуктовъ: масла, воска, шкуръ, хлѣба, меда и проч. Въ 1304 году Эдуардъ I англійскій даровалъ имъ выгодную хартію, въ серединѣ XIV в. они заключили договоръ съ Франціей, и къ концу XIV в. Лиссабонъ былъ въ полной славѣ. Въ его великолѣпномъ рейдѣ появились итальянскіе корабли, констатировавшіе этимъ возведеніе столицы Португаліи въ рангъ первокласснаго торговаго порта. Сами португальцы сперва предпочитали вести дѣла исключительно съ англичанами, шотландцами и ирландцами; потомъ къ концу XV в. они стали ѣздить и дальше, и въ 1385 году они уже устроили свою контору въ Брюгге.

Португальскіе короли прилагали всѣ усилія къ расширенію своего флота, и, имѣя въ своихъ подданныхъ превосходныхъ моряковъ, занялись очищеніемъ моря отъ сѣверо-африканскихъ пиратовъ. Въ 1415 году была завоевана потерянная Генуей Цеута, которая теперь сразу усмирила корсаровъ, и португальцы, не чувствовавшіе никогда охоты къ плаванію на западъ, гдѣ хозяевами были итальянцы, стали

плавать за проливъ по направленію къ югу. Этимъ было положено начало эпохѣ великихъ географическихъ открытій, неразрывно связанной съ именемъ португальцевъ.

XI.

Главнымъ фактомъ англійской торговли съ X по XVIII вѣкъ является шерсть. До середины XIV в. шерсть вывозится одна, съ этого времени въ самой Англіи открывается суконная мануфактура, и вмѣстѣ съ шерстью на заграничныхъ рынкахъ появляется англійское сукно. Усиленный запросъ на шерсть ведетъ за собою огораживанія общинныхъ земель и превращеніе ихъ въ пастбища для овецъ.

Фландрія, какъ мы знаемъ жила англійской шерстью и находилась въ прямой зависимости отъ Англіи. Въ 1436 г. появилось стихотвореніе подъ заглавіемъ „Libell ef english policye". Авторъ говоритъ, что Фландрія живетъ тѣмъ, что ея города ткутъ англійскую шерсть, и, не будь ея, они лишатся своего благосостоянія и погибнутъ съ голоду. Это было вѣрно какъ для XV, такъ и для предшествующихъ столѣтій, а конецъ XV в. показалъ правоту анонимнаго стихотворца-патріота какъ нельзя болѣе убѣдительно. Итальянцы начали свое знакомство съ Англіей иначе. Мы знаемъ, что у нихъ кредитныя операціи явились результатомъ усложненія товарной торговли, и на континентѣ они прежде, чѣмъ сдѣлаться мѣнялами, были купцами. Въ Англію они пришли въ качествѣ фискальныхъ чиновниковъ куріи въ началѣ XII в., стали производить и другія денежныя операціи, оттѣснили евреевъ, сумѣли войти въ довѣріе къ королямъ и сдѣлаться имъ необходимыми, а потомъ мало-помалу стали заниматься и товарной торговлею *). Уже въ серединѣ XIII в. итальянцы составляютъ значительный контингентъ покупателей англійской шерсти, а къ концу вѣка, при Эдуардѣ I, у нихъ находилось въ шерстяныхъ операціяхъ не менѣе 30000 ливровъ. Главными дѣятелями тутъ были флорентинцы,

*) Раньше Англія не нуждалась въ тѣхъ драгоцѣнныхъ товарахъ, которыми торговала Италія. Небольшой спросъ на левантскіе товары удовлетворялся транзитнымъ путемъ Франціей.

преимущественно три фирмы. Фрескобальди, Барди, Перуцци. Крахъ 1346 года, сгубившій двѣ крупныхъ и множество мелкихъ флорентинскихъ фирмъ, передалъ первое мѣсто въ торговлѣ съ Англіей Генуѣ и Венеціи. Много позднѣе, уже въ концѣ господства Медичи, имя Флоренціи вновь появляется въ лѣтописяхъ англійской внѣшней торговли. Въ 1490 г. въ Пизѣ, сдѣлавшейся простымъ портомъ Флоренціи, былъ устроенъ складъ англійской шерсти, который согласно заключенному по этому поводу договору, долженъ былъ снабжать шерстью всѣ нуждавшіеся въ ней города Италіи, за исключеніемъ Венеціи, особо получавшей 600 мѣшковъ. Для англичанъ этотъ договоръ былъ выгоденъ потому, что Пиза была для нихъ промежуточнымъ пунктомъ, опираясь на который они могли проникнуть дальше на востокъ. Генуэзцы посѣщали Англію и раньше, но имъ не давали ходу флорентинцы; послѣ флорентинскаго краха и до конца XV в. генуэзцы сохраняли преобладающее положеніе въ Англіи среди итальянцевъ *). Они вывозили много шерсти, которою снабжали итальянскіе промышленные города. Но уже съ начала XV в. у нихъ происходили столкновенія съ англійскими купцами, которые отваживались плыть въ Средиземное море. Генуэзцы, чтобы не дать имъ конкуррировать съ собою, не говоря худого слова, отнимали у нихъ товаръ. Англійское правительство, однако, заставило ихъ безпрепятственно допускать британскихъ купцовъ въ Геную. Во время войны Розъ, король Генрихъ VI, чтобы обезпечить себѣ помощь Генуи противъ Эдуарда IV, осыпалъ ея купцовъ привилегіями (1470), но генуэзцамъ не пришлось долго пользоваться ими. Ея дѣла на востокѣ пошли хуже, и въ Англіи ея мѣсто перешло къ Венеціи. Правильныя сношенія Венеціи съ Англіей не старше первыхъ десятилѣтій XIV в. Начало ихъ совпадаетъ съ упадкомъ шампанскихъ ярмарокъ и открытіемъ морскихъ рейсовъ между Италіей и Фландріей. Переговоры о постоянныхъ правильныхъ сношеніяхъ велись при Эдуардѣ II (1307—1327), но до конца XIV в.

*) Тутъ были и политическія причины. Генрихъ V, напр., дѣлая имъ всевозможныя уступки, чтобы во время своей войны съ Франціей удержать могущественную въ то время республику (кон. XIV, нач. XV в.) отъ союза съ его врагами.

размѣры торговли были не велики. Эдуардъ III заигрывалъ съ Венеціей, чтобы получить помощь ея галеръ противъ Франціи или, по крайней мѣрѣ, удержать ее отъ союза противъ Англіи. Только при Ричардѣ II растетъ ввозъ въ Англію венеціанскихъ фабрикатовъ и вывозъ англійской шерсти на венеціанскихъ корабляхъ; венеціанскіе купцы получили при немъ такія привилегіи, которыя почти совершенно уравняли ихъ въ правахъ съ англичанами; при Ланкастерахъ покровительство Венеціи продолжалось, но Лондонъ, наконецъ, не выдержалъ. Горожане однажды едва не разгромили венеціанскихъ помѣщеній (1456), и адріатическіе купцы должны были впредь быть осторожнѣе. Іорки не любили Венеціи, и за время войны Розъ ея торговля сокращается. Однако, она играетъ выдающуюся роль въ англійской хозяйственной жизни еще при Генрихѣ VII и при Генрихѣ VIII.

Отношеніе Англіи къ Ганзѣ сильно напоминаетъ ея отношеніе къ Венеціи и Генуѣ. Одни хозяева въ Средиземномъ морѣ, другіе въ Балтійскомъ; тѣ не хотятъ пускать англичанъ туда, эти—сюда, а англичане всѣми силами стремятся проникнуть и въ главную эмпорію юга—Александрію и въ главную восточную контору ганзейцевъ—Новгородъ. Но на итальянцевъ всегда смотрѣли въ Англіи, какъ на чужеземцевъ, часто, какъ на враговъ, въ то время, какъ вѣковыя сношенія съ нѣмцами создали извѣстную дружескую связь между двумя націями. И короли охотно давали привилегіи ганзейцамъ. Эдуардъ I даровалъ имъ право свободной торговли въ Англіи, два его преемника подтвердили это право. Но уже съ Эдуарда III начинаются попытки сдѣлать ганзейцевъ источникомъ фискальныхъ доходовъ; Ганза пускала въ ходъ и дипломатическое давленіе и фактическія репрессіи, но ничего не помогло; при Ричардѣ II сношенія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ были прерваны; потомъ появились „странствующіе купцы“, которымъ Ганза была ненавистна, такъ какъ мѣшала ихъ заморскимъ планамъ, и Генрихъ IV принялъ сторону своихъ подданныхъ, но Генрихъ V и Эдуардъ IV по политическимъ мотивамъ, должны были вернуть Ганзѣ всѣ тѣ привилегіи, которыхъ она была лишена въ предыдущую эпоху. Утрехтскій трактатъ 1474 г., заключенный между Ганзой и Эдуардомъ IV, былъ

самымъ благопріятнымъ договоромъ, заключеннымъ между нѣмецкимъ купеческимъ союзомъ и Англіей. Ганзѣ были гарантированы всѣ-возможныя привилегіи и взамѣнъ она не обѣщала англичанамъ ничего, былъ одинъ пунктъ о торговлѣ англійскихъ купцовъ въ Пруссіи, но онъ былъ формулированъ такъ неясно, что его значеніе для „странствующихъ купцовъ“ сводилось къ нулю. Достигнувъ, этой высшей точки своего могущества въ Англіи, вліяніе Ганзы начинаетъ падать. При Генрихѣ VII и Генрихѣ VIII Ганза, ослабленная уже другими событіями, постепенно теряетъ почву: Эдуардъ VI лишаетъ ее ея привилегій, а Елизавета наноситъ ей послѣдній ударъ.

Торговыя сношенія съ Франціей начались очень давно, но значительныхъ размѣровъ она достигла не раньше завоеванія Англіи норманнами. Мы видѣли *), какое огромное значеніе имѣлъ англійскій рынокъ для Гіени и ея столицы Бордо. Тѣсныя связи между Британіей и Гіенью были обусловлены тѣмъ, что эти части Франціи принадлежали англійской коронѣ. Черезъ Бордо Англія получала, не только главный продуктъ гіенскаго вывоза—вино, но еще фрукты желѣзо, оружіе, ножевые товары **).

Когда въ половинѣ XV в. Гіень отошла къ Франціи, въ торговлѣ черезъ Бордо произошла заминка. Оба государства стали принимать другъ противъ друга охранительныя мѣры, и значительная часть экспорта Бордо перешла къ Нормандіи и Ганзѣ. Людовикъ XI договоромъ 1476 г. съ Эдуардомъ поправилъ дѣло, и прежняя торговля возстановилась почти въ полномъ объемѣ. Англійскіе купцы во Франціи, французскіе въ Англіи получили старыя привилегіи. Но теперь англійскіе купцы стали смѣлѣе и опытнѣе. Они выѣзжали изъ Бордо, чтобы по деревнямъ скупать вино у крестьянъ. Бордосцы потребовали у короны запрещенія этихъ мѣръ. Поэтому, между обоими правительствами начинается рядъ договоровъ, которые,

*) См. выше, стр. 167—168.

**) Въ XVI этотъ каталогъ значительно пополнился. Нужно помнить, что черезъ Бордо торговали съ Англіей и южно-французскія области; и желѣзная мелочь, напр., которая шла черезъ Гіень, была если не вся, то въ значительной степени произведеніемъ Монпелье. Это, впрочемъ, относится ко времени послѣ упадка шампанскихъ ярмарокъ.

смотря по политическимъ условіямъ, дѣлались выгоднѣе то для одной, то для другой страны.

Важнѣе была для Англіи торговля съ Бретанью. Товаровъ оттуда шло немного: полотно, батистъ, паруса, соль, вино, къ которымъ уже въ XVI в. присоединились шелковые и ковровые товары, но для Англіи эти немногочисленные товары имѣли большую важность, такъ что присоединеніе страны къ Франціи въ 1491 г., сильно измѣнившее свободный характеръ англо-британскаго обмѣна, было очень непріятнымъ событіемъ съ точки зрѣнія интересовъ англійской торговли.

XII.

До середины XIV в. всѣ торговыя сношенія Англіи складывались одинаково. Англія, главнымъ образомъ, ввозила. Вывозъ ея состоялъ исключительно изъ предметовъ добывающей промышленности. Но въ самой странѣ существовала уже и промышленность обрабатывающая. У насъ есть косвенныя указанія на то, что уже въ XIII в. выдѣлывалось значительное количество сукна, но оно не удовлетворяло потребности страны и не устраняло необходимости ввоза. Но англичане, видя, какой спросъ существуетъ на ихъ шерсть, не могли не прійти къ мысли попробовать обрабатывать ее дома въ большемъ количествѣ. Руководители англійской политики думали сначала, что это совсѣмъ не трудно; стоитъ только запретить вывозъ шерсти и, пожалуй, ввозъ сукна *), какъ Англія вся покроется шерстяными мануфактурами. Однако, опытъ показалъ, что для этого Англіи не хватаетъ болѣе существеннаго — искусства. Тогда пришли къ тому рѣшенію, къ которому нужно прійти прежде всего, къ рѣшенію учиться. Въ то время признаннымъ профессоромъ суконноткацкаго дѣла была Фландрія, и какъ разъ обстоятельства сложились такъ, что фламандскіе ремесленники охотно соглашались покинуть родину, раздираемую войною и междуусобными смутами.

*) Первая мѣра принята была въ 1258; обѣ вмѣстѣ въ 1271 г., но отмѣнены въ 1278 г.

Эдуардъ III обѣщалъ тѣмъ изъ фламандскихъ ремесленниковъ, которые переселятся въ Англію, защиту и покровительство, и въ 1331 г. на островѣ появляются первые піонеры суконнаго дѣла. Потомъ рѣдкій годъ проходитъ безъ случаевъ переселенія фламандскихъ ткачей въ Англію; смуты на родинѣ продолжаются, а Эдуардъ удвоиваетъ ласки. Въ 1337 г. онъ издаетъ статутъ, которымъ обѣщаетъ покровительство всѣмъ иностраннымъ суконодѣламъ, которые переселятся въ Англію, обѣщаетъ столько всякихъ льготъ, сколько понадобится. Эмиграція продолжала расти, и вмѣстѣ съ ремесленниками въ Англіи поселялось ихъ искусство; мѣстные ткачи, сначала очень огорченные наплывомъ болѣе опытныхъ конкуррентовъ, поняли пользу, какую они извлекали; распри между англичанами и фламандцами прекратились довольно скоро, наступила ассимиляція, и англійская суконная промышленность быстро двинулась впередъ. Во второй половинѣ XIV в. Англія вывозитъ значительное количество суконъ своего издѣлія и начинаетъ этимъ сильно волновать Фландрію.

Организація промышленности въ Англіи по мѣрѣ того, какъ вывозъ становится больше, развивается тѣмъ же путемъ, какимъ шло развитіе ея въ Италіи, Фландріи и Германіи. Разница только та, что тутъ эта эволюція запоздала на одинъ-два вѣка, сравнительно съ различными странами континента. Какъ только вывозъ сдѣлался значителенъ, онъ сейчасъ же разрушилъ рамки, какъ ремесленныхъ, какъ и купеческихъ гильдій. На первый планъ выдвинулся капиталистъ. Не всегда ясно, гдѣ создался капиталъ, въ торговлѣ или въ ремеслѣ. Вѣрнѣе всего, что торговцами сукномъ сдѣлались тѣ ремесленники, которымъ приходилось обрабатывать сукно въ послѣдней его стадіи. Они перестали быть производителями, чтобы сдѣлаться исключительно торговцами.

Въ послѣдней четверти XIV в. англійскіе „суконщики" (drapers) играли уже очень замѣтную роль и образовали крупныя компаніи, какъ въ Лондонѣ, такъ и въ другихъ центрахъ. Явились купцы, которымъ суждено было найти путь англійскимъ сукнамъ за границею. То были „странствующіе купцы", выдержавшіе на своихъ плечахъ ожесточенную борьбу съ Фландріей и побѣдившіе ее. Напрасно Брюгге запрещалъ ввозъ сукна въ свой портъ, напрасно въ

1432 г. бургундскіе герцоги распространяли это запрещеніе на всѣ Нидерланды. Борьба съ Англіей была безнадежна. Въ 1496 г. Magnus Intercursus Генриха VII добился свободнаго ввоза англійскаго сукна въ Нидерланды. Иперъ, главный центръ фламандскаго суконнаго дѣла, палъ, а въ Англіи производство сукна пошло развиваться еще болѣе быстрымъ темпомъ.

Усиленіе вывоза отозвалось двумя фактами въ самой Англіи: увеличеніемъ площади пастбищъ для овецъ и переходомъ къ новой системѣ производства. Центральнымъ лицомъ въ процессѣ фабрикаціи сукна становится суконодѣлъ-предприниматель, clothier. Эту фигуру мы хорошо знаемъ изъ исторіи другихъ странъ. Это—членъ цеха Lana во Флоренціи, это—крупный суконодѣлъ во Фландріи. Онъ раздаетъ работу и матеріалъ, отбираетъ готовые фабрикаты, лишая, такимъ образомъ, ремесленника его самостоятельности. Но есть нѣкоторая разница между англійскими и итальянскими условіями, разница вызванная, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ Англіи процессъ запоздалъ. Во Флоренціи членъ Lana самъ продавалъ готовое сукно, отобранное имъ отъ ремесленниковъ; англійскій предприниматель продавалъ товаръ скупщику (draper), и тотъ уже вывозилъ его. Въ XV—XVI вѣкахъ уже нельзя было игнорировать систему торговыхъ компаній. Тѣ же суконодѣлы-предприниматели направляли и дальнѣйшую стадію процесса—перенесеніе производства изъ города въ село. Во Фландріи мы встрѣтили эту форму уже въ концѣ XV в., въ Англіи она начинаетъ распространяться не ранѣе XVI, чтобы дать начало въ XVIII системѣ фабричнаго производства.

XIII.

Начиная съ середины XIV в. и особенно въ XV и XVI, англійское торговое сословіе стряхнуло изъ себя прежнюю пассивность, стало обнаруживать мощную иниціативу и пустилось, полное энергіи и молодой вѣры въ себя и свои силы, въ открытое море. Несмотря на недружелюбное, часто враждебное отношеніе прежнихъ хозяевъ міроваго рынка, англійскій купецъ проникаетъ всюду, гдѣ онъ разсчитываетъ устроить хорошее дѣло, и мы его встрѣчаемъ и

во Фландріи и на Франкфуртскихъ мессахъ и на прусской и скандинавской почвѣ, и по ту сторону Гибралтара въ пиринейскихъ и южно-французскихъ портахъ. Въ этихъ экскурсіяхъ растетъ благосостояніе англійскаго купечества. Въ серединѣ XIV вѣка король, которому понадобились деньги, могъ обратиться только къ 169 богатымъ купцамъ, въ XIV в. ихъ уже было 3000, и всѣ они разбогатѣли морской торговлей.

Быстрый расцвѣтъ англійской торговли обусловленъ многими причинами. Одна изъ нихъ только-что указана. Это—промышленный ростъ страны, потребовавшій организаціи вывоза; другая заключается въ томъ, какъ былъ организованъ вывозъ.

Поздно явившись на міровую сцену, англичане встрѣтились съ цѣлымъ рядомъ организацій, созданныхъ коммерческимъ геніемъ континентальнаго купечества, и, чтобы не отстать, должны были приспособиться къ новымъ условіямъ жизни. Старыя формы ассоціаціи, созданныя Англіей, уже не годились, и приходилось искать другихъ. И англичане не растерялись. Съ той безошибочной вѣрностью глаза, которая никогда не измѣнитъ будущимъ руководителямъ мірового обмѣна, они нашли двѣ формы: первая была приспособлена къ вывозу сырья, вторая—къ вывозу фабрикатовъ. И если вторая форма по идеѣ не была нова, то первая представляетъ оригинальное созданіе англійскихъ купцовъ. Это — такъ называемый складъ — Staple. Организація склада состоитъ въ томъ, что всѣ, или важнѣйшіе, предметы англійскаго вывоза должны быть сложены для продажи въ опредѣленныхъ мѣстахъ, складахъ, и для завѣдыванія этими складами должны быть созданы спеціальныя должностныя лица. Когда впервые появилась эта организація, мы не знаемъ. Есть указанія на то, что она уже существовала въ 1248 г., и есть полныя основанія думать, что въ 1268 г. она функціонировала. Нужно замѣтить, что когда правительство учредило впервые складъ, то купцы были недовольны, находя въ немъ стѣсненіе для торговли и считая его противорѣчіемъ съ постановленіями Великой Хартіи Вольностей. И, дѣйствительно, было нѣкоторое основаніе считать складъ чуждымъ торговлѣ учрежденіемъ, ибо короли гораздо больше пользовались имъ, какъ дипломатическимъ орудіемъ. Склады, большею частью, находи-

лись во Фландріи, и когда англійскимъ королямъ нужно было принудить къ чему-нибудь строптивыхъ фламандскихъ горожанъ, то для этого стоило только пригрозить перенести складъ куда-нибудь изъ Брюгге. Обыкновенно помогала и простая угроза, а если фламандцы очень упрямились, то приходилось приводить ее въ исполненіе. Но когда дипломатическіе мотивы перестали впутываться въ отношенія склада, купечество не могло не оцѣнить его. Такое учрежденіе было прямо необходимо, ибо вокругъ него создалось ядро англійскаго крупнаго купечества. Этому совершенно не противорѣчитъ фискальный характеръ склада, то обстоятельство, что его существованіе облегчало таможенный контроль надъ вывозимымъ сырьемъ. Когда послѣ долгихъ мытарствъ — главный складъ, складъ шерсти находился большею частью въ Брюгге, но его иногда переносили то въ Антверпенъ, то въ самое Англію—складъ шерсти основался окончательно въ Кале *), то его отношенія сдѣлались болѣе правильными. Стэплеры, такъ назывались купцы-экспортеры, имѣвшіе дѣло со складомъ, пользовались своей юрисдикціей и обширнымъ самоуправленіемъ; у нихъ были свои должностныя лица съ стэплевымъ старшиною, мэромъ, во главѣ, который распоряжался дѣлами, какъ въ самомъ складѣ, такъ и въ тѣхъ мѣстахъ Англіи, въ которыхъ собирались предназначенные для экспорта товары.

Но организація склада, какъ она ни облегчала вывозъ, не она не могла его развивать. Стэплеръ былъ прикованъ къ своему складу. Когда понадобилось организовать торговлю внѣ склада, то стэплерской организаціи оказалось мало, и явилась другая. Создали ее купцы, которые гордо называли себя merchant adventurers, купцами, которые „отваживаются“ пускаться въ далекія торговыя странствія; проще ихъ называть странствующими купцами.

Не связанные ни опредѣленнымъ пунктомъ, ни опредѣленнымъ путемъ, стоящіе внѣ всякихъ политическихъ и фискальныхъ соображеній, свободные и самостоятельные, они пускались въ море, исполосовывали его во всѣхъ направленіяхъ въ поискахъ за рынками и, найдя рынокъ, заводили связи, основывали поселеніе, обезпечи-

*) Въ половинѣ царствованія Ричарда II.

вали сбытъ англійскимъ товарамъ. „Странствующими купцами“ были всѣ, торговавшіе за моремъ, нестэплеры. Ихъ было много категорій: исландскіе, прусскіе, испанскіе, итальянскіе—смотря по тому, гдѣ они торговали, но самыми главными изъ нихъ были, торгующіе съ Нидерландами. То были merchant adventurers, просто безъ квалификаціи, и въ XVI в. это названіе осталось за ними оффиціально. Они являются главными носителями англійской торговой политики.

Общество странствующихъ купцовъ образовалось въ концѣ XIV в. Уже въ его серединѣ въ Англіи наблюдается явленіе, извѣстное намъ изъ континентальной исторіи—дифференціація изъ однороднаго слоя купечества крупныхъ купцовъ. Они появляются въ трехъ отрасляхъ. Изъ среды мелочныхъ торговцевъ, кремеровъ (mercers) выдѣляется часть, посвящающая себя торговлѣ шелкомъ *); за ними вслѣдъ изъ числа перечниковъ (pepperers) выдѣляются оптовые торговцы пряностями (grocers) и, наконецъ,—торговцы сукномъ. Эти три группы и дали начало странствующимъ купцамъ. Первоначально, пока сукну еще не было создано надлежащаго сбыта, они дѣлали большіе обороты съ мелочными товарами, которые они ввозили въ Англію, но очень скоро сукно сдѣлалось ихъ главнымъ товаромъ, такъ что, когда въ началѣ XVII в. секретарь компаніи сталъ писать ея исторію, то онъ приписалъ созданіе общества желанію англійскихъ купцовъ организовать вывозъ тонкаго сукна.

Странствующимъ купцамъ принадлежитъ та заслуга, что они въ первую треть XV в. создали торговлю Англіи въ Средиземномъ и Балтійскомъ морѣ и, что еще важнѣе, побѣдоносно выдержали борьбу съ такимъ могущественнымъ конкуррентомъ, какъ Фландрія, которую въ теченіе XV в. они низвели до степени второстепенной промышленной страны.

Однако, нужно имѣть въ виду, что расцвѣтъ торговли странствующихъ купцовъ дѣло XVI столѣтія. Въ XV в. они, несмотря на крупные результаты своей дѣятельности, только расправляютъ крылья; въ XV в. первенство пока принадлежитъ стэплерамъ. Это

*) Шелкъ входилъ въ каталогъ мелочныхъ товаровъ. Ср. выше, стр. 97.

видно, напр., изъ слѣдующихъ цифръ. Въ 1485 г. королевское казначейство получило товарной пошлины 33444 фунт., изъ которыхъ стэплеры уплатили 16654 ф.; такое отношеніе держится четыре слѣдующихъ года; потомъ сильно падаетъ (въ 1490 г. изъ 24982 ф. стэплеры заплатили всего 2679 ф.), потомъ поправляется (въ 1495 г. изъ 39743 ф.—24847 ф.). Въ общемъ, изъ 898549 ф. полученныхъ казначействомъ въ царствованіе Генриха VII стэплеры заплатили 324926 ф. Эти цифры показываютъ, что Англія въ XV в. вывозила еще, главнымъ образомъ, сырье.

XIV.

Во Франціи и Англіи эволюція торговли въ средніе вѣка привела къ образованію національнаго купеческаго класса, и правительства обѣихъ странъ съ XV в. держатся опредѣленной торговой политики. Этому благопріятствуетъ установившееся политическое единство и наличность единой государственной территоріи, которая служитъ отправной точкой національной торговой политики.

Въ Германіи этого нѣтъ или почти нѣтъ. Правда, императорская власть довольно давно выступила съ попытками улучшенія общихъ условій торговли, но всѣ эти попытки, разъединенныя, случайныя, не могли послужить основаніемъ солидной имперской торговой политики. Для этого не доставало другихъ условій. Уже Фридрихъ I дѣлалъ шаги въ пользу нѣмецкихъ купцовъ въ Лондонѣ, учреждалъ въ Германіи рынки, подтверждалъ и раздавалъ торговыя привилегіи; по слѣдамъ Барбаруссы шелъ Фридрихъ II. Но больше другихъ старался направлять торговое развитіе германской имперіи Людовикъ Баварскій. Онъ понималъ, что устраненіе таможенныхъ преградъ въ торговлѣ между отдѣльными городами будетъ лучшимъ средствомъ для оживленія торговли, и двумя узаконеніями 1332 и 1351 г. онъ установилъ свободный обмѣнъ, первымъ между Нюрнбергомъ и 70 другими городами, вторымъ между Аусбургомъ и всѣми остальными имперскими городами.

Но полная безсистемность имперской торговой политики, отсутствіе у нея твердо поставленныхъ цѣлей и строго выработаннаго

плана сказывается въ томъ, что нерѣдко торгово-политическія мѣропріятія, принимаемыя императорами, вредно отзывались на торговлѣ и приносили иногда прямой ущербъ интересамъ купечества.

Это случалось тогда, когда по политическимъ и торговымъ мотивамъ императоры рѣшали предпринять репрессаліи противъ какой-нибудь страны. Даже въ Англіи, гдѣ этимъ орудіемъ умѣли пользоваться, оно часто оказывалось весьма обоюдуострымъ; вдвое опаснѣе оно было въ Германіи. Въ 1346 г. Людовикъ Баварскій предпринялъ репрессаліи противъ Венеціи за то, что тамъ больше обложили нѣмецкіе товары, позднѣе Карлъ IV дѣйствовалъ такъ же противъ Флоренціи и Милана. Но систематичнѣе другихъ была крупная мѣра, принятая Сигизмундомъ противъ Венеціи по чисто политическимъ побужденіямъ. Онъ не болѣе, не менѣе, какъ запретилъ нѣмецкимъ купцамъ торговать съ Венеціей, а въ качествѣ необходимаго имъ рынка восточныхъ товаровъ указалъ на Геную; что касается прямого сношенія съ востокомъ, то императоръ находилъ, что Дунай—достаточно удобная артерія для этого. Но купцы, которые знали лучше, чѣмъ императоръ, что имъ полезно и что вредно, энергично запротестовали и противъ бойкотированія Венеціи, и противъ дунайскаго пути. Установленіе правильныхъ сношеній съ Генуей не удалось, хотя обрадовавшаяся республика охотно пошла навстрѣчу нѣмцамъ. Въ концѣ концовъ пришлось заключить съ Венеціей миръ на основаніи statu quo ante, но нѣмецкая торговля уже успѣла понести большія потери.

Не много пользы принесло странѣ и управленіе путями сообщенія, которое принадлежало имперіи въ качествѣ регаліи. Впрочемъ, для рѣчныхъ путей она сдѣлала больше, чѣмъ для сухопутныхъ. Постройка мостовъ, гаваней и проч. хотя и не въ такой мѣрѣ, какая требовалась экономическимъ развитіемъ страны, но производилась. Что касается проложенія правильной сѣти дорогъ по всей имперіи, то императорская власть отказалась отъ этой задачи и отъ связанныхъ съ эксплоатаціей дорогъ выгодъ въ пользу территоріальныхъ князей. Кое-что было сдѣлано имперіей для устраненія вредныхъ послѣдствій средневѣковыхъ торговыхъ обычаевъ. Такъ, она иногда жаловала свободу отъ складочнаго принужденія, часто осво-

бождала отъ послѣдствій призового права, которое по традиціи считалось еще регаліей.

Нѣсколько интенсивнѣе была торговая политика территоріальныхъ князей. Тѣ не терялись, подобно императорамъ, на огромномъ пространствѣ имперіи, о которой они не всегда знали, какъ слѣдуетъ, вся ли она принадлежитъ имъ или еще придется оспаривать притязанія мелкихъ и крупныхъ владѣтелей. Князья болѣе или менѣе прочно сидѣли въ своихъ областяхъ и знали очень хорошо, поскольку они могутъ въ нихъ распоряжаться. Въ XIII в., когда у князей появляется сознаніе надежности своего положенія, мы начинаемъ встрѣчаться съ торгово-политическими мѣропріятіями, исходящими отъ нихъ и имѣющими въ виду одну какую-нибудь область. Но эти мѣропріятія имѣютъ одну особенность, которая дѣлаетъ ихъ довольно безразличными съ точки зрѣнія торговыхъ интересовъ всей страны. Они направлены къ осуществленію интересовъ одной области и хорошо еще, если дѣйствительно этимъ интересамъ помогаютъ. А то бываетъ, что торгово-политическія мѣры территоріальныхъ князей маскируютъ довольно прозрачно чистѣйшую фискальную политику. Въ маленькихъ и бѣдныхъ государствахъ это наблюдается довольно часто, а большинство нѣмецкихъ областей принадлежало къ числу бѣдныхъ. Правильно поставленная территоріальная торговая политика не должна приходить въ соприкосновеніе съ политикой сосѣдней области, а между тѣмъ, въ Германіи конца среднихъ вѣковъ сплошь и рядомъ идутъ непрерывныя ссоры между князьями на почвѣ торговыхъ интересовъ, что, конечно, не могло не отражаться на состояніи торговли. При ссорахъ князей часто становились невозможны большія торговыя экспедиціи. Князья приморскихъ областей, впрочемъ, обнаруживали бо́льшое пониманіе нуждъ торговли, чѣмъ князья внутреннихъ, и тѣ дѣлали довольно много для поддержанія купцовъ. Они много дѣлали для того, чтобы добиться для купцовъ своихъ областей благопріятствованія въ Англіи, въ скандинавскихъ государствахъ, въ Нидерландахъ, въ Россіи. Какъ покровители торговли, славились князья Гольштейна, Мекленбурга, Помераніи, Рюгена, и особенно Тевтонскій орденъ.

Еще эгоистичнѣе была торговая политика мелкихъ помѣщиковъ,

которая теперь, какъ и раньше, только вредила торговлѣ. Что касается городовъ, то съ ихъ торговымъ правомъ мы уже знакомы. Оно было господствующимъ, ибо городамъ принадлежала почти неограниченная суприматія въ торговыхъ дѣлахъ. Города сдѣлали для торговли во много разъ больше, чѣмъ имперія, областные князья и помѣщики вмѣстѣ взятые. Развитіемъ торговли въ концѣ среднихъ вѣковъ обязана Германія своему бюргерству. Оно поставило новыя цѣли для торговли, оно нашло для нея новыя средства; оно повезло за море нѣмецкіе товары и привезло на родину заморскіе, оно создало нѣмецкій флотъ, почти не существовавшій въ началѣ XIII в., оно превратило весь сѣверъ Европы въ область нѣмецкой торговли и пробудило въ нѣмецкомъ народѣ дремлющіе торговые и промышленные инстинкты.

Всѣ свои торговыя пріобрѣтенія за границею нѣмецкое купечество сдѣлало почти совершенно самостоятельно. Помощь со стороны императоровъ и князей была ничтожна сравнительно съ результатами, достигнутыми городами. Въ половинѣ XIII в. нѣмецкаго купца можно встрѣтить уже не только на берегахъ Балтійскаго и Сѣвернаго морей, гдѣ онъ чувствуетъ себя совсѣмъ дома, но и въ Голландіи, Фландріи, Англіи, гдѣ у него прочныя связи, на шампанскихъ ярмаркахъ, гдѣ онъ большой покупатель, и потому желанный гость, въ Италіи, гдѣ на нѣмца начинаютъ смотрѣть съ уваженіемъ, и гдѣ города наперерывъ стараются заманить его къ себѣ и заставить основаться у себя прочнѣе.

XV.

Въ торговой дѣятельности купцовъ сѣверной и южной Германіи наблюдается значительная разница, обусловленная тѣмъ, что первымъ приходилось имѣть дѣло, по большей части, съ балтійскими странами, культура которыхъ была ниже нѣмецкой, а послѣдніе соприкасались съ высоко культурными итальянскими и французскими городами и у нихъ заимствовали торговые обычаи. Главное различіе заключалось въ томъ, что на сѣверѣ въ дѣятельности ганзейскихъ купцовъ ячейкой торговой организаціи, по крайней мѣрѣ, въ прин-

цинѣ была гильдія; на югѣ купецъ торговалъ въ одиночку, а если соединялся въ общества, то это были уже иныя общества, не похожія на гильдію, такія, которыя на сѣверѣ появлялись рѣдко *).

Но если торговая организація на югѣ Германіи принимаетъ болѣе прогрессивныя формы, то роль нѣмецкаго купца на сѣверѣ гораздо болѣе важна. Это важное не только въ торговомъ, но и въ болѣе широкомъ культурномъ смыслѣ значеніе нѣмецкаго купца на сѣверѣ—дѣло Ганзы.

Мы знаемъ, какъ возникъ и какъ былъ организованъ великій сѣверо-нѣмецкій купеческій союзъ. Намъ остается здѣсь нѣсколько ближе ознакомиться съ его торговой дѣятельностью. Выше было замѣчено, что Ганза неохотно помѣщала свои капиталы въ промышленность и въ денежные обороты; у нея всегда на первомъ планѣ была товарная торговля. Она вывозила продукты мѣстнаго производства за границу, ввозила изъ-за границы потребляемые въ Германіи товары, за границею вела посредническую торговлю — и это было главное. Ганзейцы не хотѣли или не умѣли, подобно итальянцамъ, комбинировать кредитныя операціи съ товарными, но иногда приходилось и имъ выдѣлять часть своихъ денегъ въ кредитныя дѣла. Это приходилось дѣлать тамъ, гдѣ кредитъ предоставлялъ возможность лучше организовать товарную торговлю. Такъ было въ Англіи, гдѣ къ собственнымъ выгодамъ ганзейцевъ присоединялось еще искусство такихъ королей, какъ Эдуардъ III, въ выманиваніи денегъ. И ганзейцы ссужали англійской коронѣ довольно крупныя суммы. Такъ, блестящая кампанія Эдуарда во Франціи, окончившаяся громкой побѣдой при Креси (1346) была предпринята на деньги, взятыя у ганзейцевъ и итальянцевъ. Но ганзейцы были счастливѣе своихъ собратьевъ съ Арно; они не поплатились, ибо у нихъ были солидныя обезпеченія въ видѣ нѣкоторыхъ королевскихъ регалій. Много лѣтъ спустя ганзейцы помогли Густаву Вазѣ захватить шведскій престолъ; и тутъ у нихъ былъ разсчетъ очень основательный. Этимъ они наносили непоправимый ударъ наслѣдственному врагу Даніи и обезпечивали себѣ въ Швеціи неисчислимыя выгоды. До-

*) Ср. выше, стр. 128 и слѣд.

статочно сказать, что вся внѣшняя торговля страны перешла въ руки Любека и его союзниковъ.

Не могла Ганза вполнѣ обходиться безъ промышленныхъ предпріятій, но и здѣсь она предпочитала вкладывать деньги въ такіе промыслы, которые могли имѣть самую непосредственную связь съ торговлею. Не говоря уже о кораблестроеніи, которое составляло предметъ особенныхъ заботъ Ганзы, ибо въ числѣ ея торговыхъ принциповъ пользованіе собственными кораблями входило однимъ изъ главныхъ, она много удѣляла пивоварному промыслу, ибо пиво было однимъ изъ предметовъ ея вывоза. Хмѣль разводился чуть не подъ каждымъ ганзейскимъ городомъ; Ростокъ и Гамбургъ славились своимъ пивомъ; въ послѣднемъ было около 500 пивоваровъ въ XIV вѣкѣ; четвертая часть ихъ работала исключительно на Амстердамъ. Другимъ крупнымъ промысломъ было рыболовство и, вообще, рыбное дѣло. Сюда входила просушка, соленіе, копченіе рыбы, преимущественно селедки. Этотъ промыселъ былъ организованъ на купеческій ладъ. Во главѣ дѣла въ качествѣ предпринимателя стоялъ купецъ, на котораго работали сотни людей. Купецъ слѣдилъ за рынкомъ, давалъ заказы, дѣлалъ надлежащія распоряженія. Нѣкоторая, незначительная впрочемъ, часть ганзейскихъ капиталовъ была помѣщена въ горное дѣло, преимущественно за границею, въ Англіи, въ Швеціи. Но, вообще, ганзейцы предпочитали скупать продукты мѣстнаго производства у ремесленниковъ и вывозить ихъ за границу, чѣмъ самимъ становиться во главѣ промышленныхъ предпріятій.

Ганза, какъ мы знаемъ, была полной хозяйкой въ торговлѣ въ районѣ Балтійскаго моря, а линія Фландрія—Россія была главной артеріей ея товарныхъ операцій. По этому пути шли изъ Новгорода продукты русскаго сѣвера: мѣха, въ томъ числѣ самые цѣнные, соболь, горностай, боберъ; кожи, медъ, воскъ. Въ Новгородъ ганзейцы ввозили самыя разнообразныя матеріи: сукна, шелка, полотна, кожевенный товаръ, желѣзную мелочь, пиво. Во Фландрію, главнымъ образомъ въ Брюгге, ганзейцы ввозили изъ скандинавскихъ странъ строевой лѣсъ, камень для кладки зданій, мѣдь, желѣзо, рыбу. Южный и юго-восточный берега Балтійскаго моря отправляли на западъ хлѣбъ, по количеству едва ли не главный предметъ ган-

зейской торговли. Въ обмѣнъ на эти товары ганзейскіе корабли везли на сѣверъ и востокъ болѣе дорогіе южные товары, привозившіеся въ эмпоріи Брюгге венеціанскими и генуэзскими галерами. Тутъ были вина, коренья, благоуханія, пряности, шелковыя матеріи, наконецъ, сукна мѣстной работы. Но Брюгге, какъ знаетъ читатель, не былъ конечнымъ пунктомъ ганзейскихъ торговыхъ экскурсій. Они ѣздили гораздо дальше. Они были посредниками въ торговлѣ шерстью и сукномъ, виномъ и солью, которая велась Англіей съ одной стороны, Фландріей и Франціей—съ другой. Ганзейскіе корабли были частыми гостями въ соляныхъ варницахъ къ югу отъ Луары и другихъ французскихъ пунктахъ. Они постепенно въ теченіе XV в. вытѣснили англичанъ изъ торговли хлѣбомъ и лѣсомъ, которая существовала издавна между британскимъ островомъ и Пруссіей и, вообще, они не пренебрегали ни одной отраслью торговли, какъ бы она ни казалась незначительной, хорошо зная, что при опытности и умѣніи все можетъ разростись и дать обильные плоды. Двигаясь вдоль береговъ Франціи, они, натурально, попали въ Испанію и Португалію, тамъ оказались желанными посредниками между югомъ и далекимъ сѣверомъ, тамъ завели связи, основали поселенія, устроили конторы.

Но все процвѣтаніе, вся мощь Ганзы продолжались лишь до тѣхъ поръ, пока товарная торговля на линіи Новгородъ-Брюгге оставалась въ ихъ рукахъ, и пока на западѣ не появились болѣе энергичные соперники, вытѣснившіе ганзейцевъ назадъ, къ сѣвернымъ берегамъ Германіи. Но уже въ половинѣ XV в. одинъ фактъ сильно подорвалъ благосостояніе Ганзы. Селедка, водившаяся въ неисчерпаемомъ количествѣ у южныхъ береговъ Швеціи, исчезла оттуда и досталась въ добычу фламандскимъ и голландскимъ рыбакамъ. Упадокъ Брюгге лишилъ Ганзу эмпоріи, куда ея корабли привычно направляли свои рейсы, гдѣ они запасались всѣми необходимыми товарами. Открытіе Америки и морского пути въ Индію выдвинуло новыя націи. Голландцы, которые считались самыми близкими друзьями Ганзы, и многіе города которыхъ принадлежали къ союзу, захвативъ себѣ львиную долю торговаго вліянія послѣ географическихъ открытій, отвернулись отъ Ганзы и сдѣлались ея про-

тивниками, жадными и несговорчивыми. На востокѣ, у русскихъ царей заручились вліяніемъ давнишніе враги, датчане. Отчасти по ихъ представленіямъ, была закрыта новгородская контора Ганзы, не пережившая паденіе Новгорода. Этотъ ударъ былъ непоправимъ. „Въ Новгородѣ было всего легче разбогатѣть съ-малыми деньгами!“, говорили совершенно убитые ганзейскіе купцы, потерявшіе такимъ образомъ „источникъ“ своей торговли, Brunnquell, какъ они называли Балтійское море. Оно теперь почти потеряло для нихъ свое значеніе, ибо каботажная торговля не давала большихъ барышей. Въ Англіи Эдуардъ VI отнялъ у ганзейцовъ ихъ привилегіи, уступая требованіямъ „странствующихъ“ купцовъ, а Елизавета окончательно закрыла старую лондонскую контору Ганзы. Руководители ганзейской политики не могли не видѣть всего этого, но то были люди средневѣковыхъ торговыхъ принциповъ. Къ новымъ условіямъ они уже не могли приспособиться. Въ то время, какъ Голландія и Англія захватывали Балтійское море, Ганза вела безнадежныя войны. Геніальный любекскій бургомистръ Юргенъ Вулленвеверъ, безошибочно угадавшій, куда нужно направить ударъ, чтобы удержать Ганзу отъ паденія, явился слишкомъ поздно. То, что могло быть подъ силу союзу въ серединѣ XIV в., оказалось выше его силъ въ серединѣ XVI в. Идея завладѣть Зундомъ, т. е. ключомъ къ Балтійскому морю, потерпѣла полную неудачу, и страшной казнью заплатилъ Вулленвеверъ за свой грандіозный планъ. Въ концѣ XVI в. враги стѣснили Ганзу со всѣхъ сторонъ. Вазы, посаженные Любекомъ на шведскій престолъ, съ каждымъ годомъ отнимали у Ганзы почву; напрасно гордый союзъ жаловался императору, просилъ помощи у нѣмецкихъ князей. Ничто не помогало. Внутри царили, какъ всегда въ разлагающемся политическомъ организмѣ, раздоры и вражда, и когда Испанія получила послѣднее прибѣжище ганзейской торговли, Антверпенъ, старый великанъ, медленно сошелъ со сцены. Въ XVII вѣкѣ уже не было Ганзы, какъ сколько-нибудь замѣтной торговой державы.

XVI.

Ганзейскіе города имѣли особую территорію, особую кліентуру, опредѣленные рынки. Въ глубь Германіи съ тѣхъ поръ, какъ руководство въ союзѣ перешло къ Любеку, они заѣзжали сравнительно мало, внутреннихъ ярмарокъ почти не посѣщали. Даже на шампанскихъ, въ эпоху ихъ процвѣтанія, они показывались рѣдко, а чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе они отступали къ берегамъ. Только нѣкоторые промышленные средне - и верхне-нѣмецкіе города періодически появлялись въ ганзейскихъ городахъ на ярмарки *) и сбывали тамъ свои товары.

Нѣкоторое исключеніе изъ числа ганзейскихъ городовъ представлялъ въ этомъ отношеніи Кельнъ, колыбель союза. Кельнъ былъ воротами, черезъ которыя товары изъ сѣверныхъ портовъ вступали во внутреннюю Германію. Онъ какъ бы невольно, такимъ образомъ, являлся соединительнымъ пунктомъ между ганзейской областью и югомъ. Два первокласныхъ торгово-промышленныхъ района: Фландрія-Бробинъ и Италія сравнивались въ немъ. Пути отъ нихъ развѣтвлялись; одни вели въ Брюгге и Антверпенъ, другіе въ Вестфалію, третьи на югъ. Ни въ одномъ нѣмецкомъ городѣ, по свидѣтельству современниковъ, нельзя было встрѣтить столько итальянскихъ купцовъ, сколько въ Кельнѣ. Сами кельнцы сравнительно мало предпринимали путешествія на югъ. Чаще они появлялись въ Венеціи и довольно рѣдко въ другихъ итальянскихъ городахъ.

Средне- и верхне-нѣмецкіе города, наоборотъ, уже по одному своему географическому положенію должны были поддерживать тѣсную связь съ сосѣдними странами; сначала потому, что тѣ опередили ихъ въ торговомъ и промышленномъ развитіи; затѣмъ, чтобы найти рынки для предметовъ своей народившейся промышленности.

На шампанскихъ ярмаркахъ регулярно появляются нѣмецкіе купцы изъ Кельна, Страсбурга, Констанца, Аугсбурга, Ульма и мно-

*) Наиболѣе посѣщающими ярмарками ганзейской области были Гамбургскія (двѣ въ іюнѣ и сентябрѣ), осенняя въ Люнебургѣ и Брауншвейгѣ и Доминиковская въ Данцигѣ.

гихъ другихъ нѣмецкихъ городовъ; у нихъ тамъ свои консулы, свои помѣщенія, своя кліентура; они даже вывозятъ, хотя и мало, продуктовъ своей промышленности. Кельнъ—вино, Констанцъ — полотно, Ульмъ—бумазею, но нѣмцы въ XIII в. больше покупаютъ. Усиленное посѣщеніе нѣмцами шампанскихъ ярмарокъ навело императоровъ на мысль учредить въ Германіи свои, и мы знаемъ, что мессы были учреждены въ Оппенгеймѣ, Вормсѣ, Шпейерѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, но крупное экономическое значеніе пріобрѣли только ярмарки во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Онѣ поднялись въ XIV в. благодаря покровительству, которое оказывалъ имъ императоръ Людовикъ Баварскій; онъ основалъ вторую, пасхальную мессу, и обезпечилъ ей монополію на большое пространство въ окружности. Дальнѣйшія привилегіи ярмаркамъ даровалъ Карлъ IV. Подъемъ франкфуртскихъ мессъ приходится какъ разъ на то время, когда шампанскія пришли въ упадокъ, а женевскія еще не окрѣпли. Часть кліентуры шампанскихъ ярмарокъ и перешла во Франкфуртъ. Въ началѣ XV в. франкфуртскія ярмарки правильно посѣщаются всѣми городами съ Рейна, изъ Эльзаса, Пфальца, Восточной Швейцаріи, изъ южной части Нидерландовъ, Гессенъ-Нассау, Тюрингіи, Франконіи, Вюртемберга и Бадена; дунайскіе города фигурировали тутъ вплоть до Пассау включительно. Рѣже появляются города Верхней и Нижней Баваріи, Чехіи и Силезіи. Вся сѣверная Германія, удѣлъ ганзейской торговли, отсутствовала. Крайній сѣверный городъ, появляющійся тутъ, былъ Брауншвейгъ. Иногда посѣщали ярмарку брабантскіе города: Брюссель, Лувенъ, Мехельнъ, а изъ Италіи—Венеція и Миланъ.

Но франкфуртскія ярмарки имѣютъ больше мѣстное, нѣмецкое значеніе. Нѣмецкое купечество не можетъ ими удовлетвориться, и оно ищетъ выхода въ крупныя международныя гавани. Когда, въ связи съ упадкомъ шампанскихъ ярмарокъ, выдвигается Брюгге, немедленно увеличивается посѣщеніе столицы Фландріи нѣмецкими купцами. Тутъ они могутъ запасаться восточными товарами, которые раньше имѣли въ изобиліи въ Шампани, но которые исчезли оттуда вмѣстѣ съ итальянцами; но тутъ, кромѣ того, они находятъ обильные запасы фламандскихъ суконъ въ такомъ выборѣ, какого ни на одной

ярмаркѣ нельзя было найти; сюда, наконецъ, они могутъ привозить свои товары, будь то сырье или фабрикаты—все равно; въ Брюгге все купятъ, ибо тамъ все нужно. Сырье заберутъ итальянцы, грубыя издѣлія — ганзейцы для своихъ сѣверныхъ кліентовъ, фабрикаты найдутъ спросъ и у тѣхъ, и у другихъ. Съ упадкомъ Брюгге, нѣмцы перебрались въ Антверпенъ.

Но еще раньше начались оживленныя сношенія съ югомъ. Развитіе южныхъ городовъ представляетъ нѣкоторыя интересныя особенности, по сравненію съ сѣверными. Въ ганзейскихъ городахъ, какъ мы видѣли, торговля играла доминирующую роль, промышленность процвѣтала постольку, поскольку это было необходимо для торговли, и самостоятельнаго положенія не занимала. Крупные имперскіе города юга Германіи представляютъ совершенно иную картину. Тамъ промышленность и торговля идутъ рука-объ-руку, и промышленность, большей частью, является направляющимъ моментомъ. Она заставляетъ торговать, т.-е. закупать сырье и сбывать фабрикаты. Поэтому, экономическій ростъ южныхъ городовъ сложился натуральнѣе, и они не захирѣли такъ быстро подобно ганзейскимъ, развивавшимся односторонне. Поиски за рынками заводили южныхъ нѣмцевъ далеко, вплоть до Испаніи, и когда географическія открытія выдвинули Пиринейскія государства на передній планъ въ торговыхъ отношеніяхъ, то оказалось, что у нѣмцевъ имѣются тамъ весьма полезныя связи. Городъ, котораго одностороннее развитіе того или иного производства принуждало напирать на вывозъ, естественно не могъ оставаться въ рамкахъ средневѣковаго хозяйства, въ немъ торговля принимала новыя формы; наоборотъ, такой городъ, какъ Страсбургъ, въ которомъ одинаково были представлены всѣ ремесла и который легко могъ удовлетворять нуждамъ мѣстнаго населенія собственной промышленностью, никогда не сдѣлался крупнымъ экспортнымъ центромъ.

Благодаря промышленности, южные города находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ прежде всего съ сѣверной Италіей. Купцы изъ Венеціи, Милана, Комо, Генуи и другихъ, главнымъ образомъ ломбардскихъ городовъ, очень часто наѣзжали въ Ульмъ, Констанцъ, Нюрнбергъ; въ свою очередь, нѣмцы теперь привыкли считать перевалъ

черезъ Альпы обыкновенной вещью и появлялись въ крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ Италіи, оттуда иногда ѣздили и дальше. Были у нѣмцевъ сношенія и съ Франціею, но менѣе постоянныя; къ французскимъ купцамъ и французскому правительству нѣмцы почему-то относились недовѣрчиво.

Въ сношеніи нѣмцевъ съ итальянцами выработались нѣкоторыя типичныя учрежденія, о которыхъ необходимо упомянуть.

Венеція изъ итальянскихъ городовъ посѣщалась нѣмцами больше всего. Нѣтъ ничего удивительнаго, что тамъ возникло учрежденіе, объединявшее въ значительной степени нѣмецкую торговлю. Это знаменитое Fondaco dei Tedeschi. Основанное въ первой четверти XVIII в. по образцу восточныхъ, фондако представляло собою торговое подворье и товарный складъ въ одно и то же время. Оно находилось въ завѣдываніи города, который поручалъ надзоръ за нимъ тремъ видамамъ (vicedomini), подъ началомъ которыхъ находились многочисленные мелкіе служащіе: писцы, вѣсовщики, разгрузчики, упаковщики и проч. Спеціальное должностное лицо, сенсаль (sensale), наблюдало за исполненіемъ таможенныхъ и торговыхъ постановленій республики, относящихся къ нѣмцамъ. Надзоръ за нѣмцами былъ очень энергичный, правила строги, но выгоды существованія фондако въ значительной степени покрывали эти неудобства. Въ его стѣнахъ нѣмцы чувствовали себя братьями, и нѣсколько позднѣе случайное соединеніе въ фондако повело къ образованію настоящаго товарищества съ выборными должностными лицами и проч.

Для Венеціи существованіе фондако облегчало осуществленіе тѣхъ нормъ торговой политики, которыя здѣсь были, какъ намъ извѣстно, строже, чѣмъ гдѣ бы ни было *). Нѣмцы, собранные въ одно помѣщеніе, уже не могли уклониться отъ исполненія мѣстныхъ требованій. Они не имѣли права торговать съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ венеціанцевъ, не имѣли права торговать чужими, не нѣмецкими товарами, не имѣли права торговать въ розницу, должны

*) Были попытки устроить такія же фондако въ другихъ крупныхъ итальянскихъ городахъ, напр., въ Миланѣ, но они не привели ни къ чему.

были получать отъ венеціанцевъ не деньгами, а товарами *). Нѣмцы горько жаловались на эти стѣсненія, но Венеція ихъ не отмѣняла, а выгоды фондако заставляли нѣмцевъ мириться. Нѣмецкіе купцы посылали съ начала XIV в. въ Венецію своихъ сыновей учиться тамъ торговому дѣлу. То была своего рода практическая коммерческая академія, и конечно, лучше формировала купца-практика, чѣмъ любое учебное заведеніе. Торговые обороты нѣмцевъ въ Венеціи достигали до милліона дукатовъ.

Въ Германіи тоже были учрежденія, служившія для покровительства мѣстнымъ торговымъ интересамъ. То были торговыя палаты (Kaufhäuser), изъ которыхъ первая была основана въ Майнцѣ въ началѣ XIV в. Въ отличіе отъ фондако это были не только склады для товаровъ, мѣста для продажи и таможенные пункты. Это были еще и гостинницы, притомъ гостинницы принудительнаго характера. Иностранный купецъ долженъ былъ только тутъ складывать свои товары, и чиновникъ при палатѣ (Hausherr, Amtmann) ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ допускать продажи внѣ зданія. При этомъ, конечно, дѣйствовали всѣ ограниченія: запрещеніе розничной продажи, запрещеніе торговли не съ мѣстными купцами и проч. Исключенія дѣлались только на ярмарочное время.

Чтобы получить болѣе полное представленіе о торговлѣ южнонѣмецкихъ городовъ, удобнѣе всего разсмотрѣть подрядъ нѣсколько крупныхъ центровъ съ характерной для каждаго сферой торговопромышленной дѣятельности.

XVII.

Главнымъ продуктомъ вывоза Констанца въ XIV и XV в.в. было полотно. Пряжу городъ получалъ изъ внутреннихъ областей Германіи. Производство полотна въ городѣ было подвержено строгому контролю; особыя должностныя лица слѣдили за каждой стадіей процесса. Организовано было производство на купеческій ладъ. Купецъ стоялъ во главѣ предпріятія, раздавалъ пряжу, принималъ

*) Послѣднее правило, впрочемъ, обходилось.

сотканное и выбѣленное полотно и отправлялъ его за границу. Констанцскіе крупные негоціанты, среди которыхъ первое мѣсто занимала фамилія Мунтпратовъ, имѣли сношенія не только съ югомъ, съ Италіей и Испаніей, но часто фигурировали и на сѣверѣ, во Фландріи и Брабантѣ. Но главное направленіе констанцской торговли шло черезъ Миланъ и Генуя въ Испанію. Попадали мѣстные купцы и во Францію черезъ Женеву, Ліонъ и Авиньонъ, регулярно посѣщали франкфуртскія ярмарки и на востокѣ добирались до самаго Кракова.

Полотно было главнымъ продуктомъ промышленности и въ Равенсбургѣ. Вывозъ и тутъ былъ великъ; его захватила въ свои руки большая торговая компанія, во главѣ которой стояли крупные мѣстные купцы Гумписы, но въ которой принимали участіе и купцы изъ другихъ городовъ. Сбытъ находили равенсбургскіе продукты преимущественно въ Италіи и Испаніи. Главнымъ направленіемъ было и у нихъ Миланъ—Генуя—Испанія, но мы встрѣчаемъ равенсбуржцевъ въ Неаполѣ, Римѣ, Сіенѣ, Венеціи, а на сѣверѣ — въ Антверпенѣ и Любекѣ.

Третьимъ крупнымъ центромъ полотнянаго производства былъ Сенъ Галленъ. Въ XV в. онъ даже отнялъ первенство на этомъ поприщѣ у Констанца. Вывозъ Сенъ Галлена расходился лучами по всѣмъ направленіямъ, но, кажется, въ Италію и Испанію онъ вывозилъ меньше, чѣмъ Констанцъ и Равенсбургъ, за то на западъ во Францію и на востокъ въ Австрію, Богемію и Венгрію его товаровъ шло больше.

Ульмъ является центромъ другого производства, бумазеи, такъ что городъ носилъ названіе нѣмецкаго Милана. Для закупки сырья ульмцы часто ѣздили въ Венецію, гдѣ были склады кипрскаго хлопка, рѣже они запасались матеріаломъ въ Миланѣ, гдѣ онъ былъ дороже. Сбытъ находили ульмскіе фабрикаты, конечно, не на югѣ, гдѣ имъ трудно было конкуррировать съ итальянской бумазеей, а на сѣверѣ. Ульмскую бумазею покупали, главнымъ образомъ, въ Любекѣ, Антверпенѣ, Кале, въ восточныхъ областяхъ Германіи; не была, однако, она незнакома и въ Испаніи.

Существовало производство бумазеи и въ Аугсбургѣ, но оно

значительно уступало ульмскому такъ же, какъ и металлическая промышленность города уступала нюрнбергской. Но городъ, тѣмъ не менѣе, пріобрѣлъ огромное значеніе въ странѣ. Этимъ онъ былъ обязанъ создавшейся у его купцовъ тенденціи къ образованію крупныхъ капиталовъ. Достаточно сказать, что Аугсбургъ — родина Фуггеровъ. Аугсбургъ былъ центромъ капиталистической горной промышленности и міровой столицею кредитнаго дѣла. Карьера Фуггеровъ настолько типична, что обойти ее совершенно невозможно. Родоначальникъ Фуггеровъ былъ ткачъ-бумазейщикъ, пришедшій въ Аугсбургъ въ 1397 г. Здѣсь онъ сначала занимался своимъ ремесломъ, но ремесло увлекло его въ торговлю. Его наслѣдники, изъ которыхъ особенными коммерческими дарованіями отличались второй Яковъ и Антонъ, тоже сначала держались на торговлѣ, но отъ хлопка они перешли къ болѣе дорогимъ кореньямъ, затѣмъ стали вкладывать капиталы въ горное дѣло и, наконецъ, перешли къ кредитнымъ операціямъ. Дѣла у нихъ пошли такъ блестяще, что къ концу XV в. и началу XVI в. ихъ банкирскій домъ сдѣлался первымъ въ мірѣ. У Фуггеровъ были факторіи въ Римѣ, въ Венеціи, гдѣ имъ принадлежало навсегда помѣщеніе въ Fondaco dei Tedeschi, Миланѣ, Генуѣ, Ліонѣ, Антверпенѣ, позднѣе въ Лиссабонѣ. Дѣла у нихъ были въ Индіи и южной Америкѣ. Въ серединѣ XVI в. они владѣли самымъ крупнымъ состояніемъ въ Европѣ (4,7 мил. гульд., т. е. около 80 милл. рубл.). Еще раньше Фуггеры завели сношенія съ Габсбургами и подъ залогъ добычи рудниковъ стали ссужать имъ огромныя суммы. Когда Карлъ V былъ избранъ императоромъ, Яковъ Фуггеръ писалъ ему: „Извѣстно всѣмъ, что безъ моей поддержки Ваше Величество никогда не получили бы короны Священной римской имперіи". Тѣ же гордыя слова могъ повторить Фердинанду Антонъ Фуггеръ, ибо и его избиратели были куплены фуггеровскимъ золотомъ. Фуггеровскій агентъ сопровождалъ Тецеля въ его экскурсіяхъ съ индульгенціями и отбиралъ деньги у монаха въ счетъ папскихъ обязательствъ; на фуггеровскія деньги габсбурги били своихъ враговъ, и, въ завершеніе своей блестящей карьеры, домъ потерялъ за нѣмецкими и испанскими габсбургами 8 милл. гульденовъ, т. е. около

135 милл. рубл. на наши деньги *). Это было уже въ XVII в. На Фуггерахъ повторилась грустная исторія съ Перуцци и Барди. Они поплатились за преданность и довѣріе коронованнымъ особамъ.

Причины торговаго расцвѣта Нюрнберга были различны. Прежде всего городъ обязанъ имъ своему географическому положенію. Онъ стоялъ на мѣстѣ, гдѣ путь отъ средняго теченія Рейна къ Дунаю скрещивается съ тѣмъ, который идетъ отъ воротъ между Богеміей и Тюрингенскимъ лѣсомъ. Но еще больше обязанъ городъ своимъ процвѣтаніемъ имѣющейся у него промышленности. Въ Нюрнбергѣ дифференціація производства была проведена детальнѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ нѣмецкомъ городѣ. Такъ, въ самой цвѣтущей промышленной сферѣ, металлической, была проведена не только дифференціація ремесленниковъ по металламъ, но и по предметамъ. Тамъ были ремесленники, приготовлявшіе ножницы, косы, вилы, циркули, цѣпи; оружейники дѣлились на нѣсколько группъ: одни изготовляли гладкіе панцыри, другіе—панцырныя рубашки изъ колецъ, третьи дѣлали мечи, четвертые—шпаги, пятые—шлемы и т. д. Нюрнбержцы славились своей изобрѣтательностью. Такъ, они первые придумали вытягивать проволоку. Но оружіе было главнымъ предметомъ нюрнбергскаго вывоза. Особенно славились нюрнбергскія панцырныя рубахи, а съ XIV в.—нюрнбергскіе гладкіе доспѣхи. Послѣ оружейниковъ больше всѣхъ вывозили мастера, изготовлявшіе кружки изъ бѣлой мѣди. Много вывозили, также, нюрнбергскіе слесаря-художники, которые, по замѣчанію современниковъ, легко могли выдержать сравненіе съ миланскими. Для закупки сырья нюрнбергскіе купцы должны были часто ѣздить въ далекія экскурсіи, ибо олово, свинецъ, мѣдь и желѣзо не водились по близости въ достаточномъ количествѣ **). Но было одно условіе, которое особенно благопріятствовало развитію нюрнбергской торговли. Это—торгово-таможенная политика города. Онъ уже съ раннихъ временъ сталъ придерживаться системы торговыхъ договоровъ съ другими городами,

*) Это общая сумма долга съ процентами, накопившаяся за вѣковой періодъ.

**) Неподалеку были желѣзныя копи, гдѣ также находили золото, серебро и мѣдь, но всего въ ничтожномъ количествѣ.

главной цѣлью которыхъ было освобожденіе отъ пошлинъ. На помощь къ городу пришла императорская власть. Императоры всегда особенно благоволили къ двумъ южнымъ торговымъ городамъ Аугсбургу и Нюрнбергу, которые они постоянно осыпали привилегіями.

Нюрнбергская торговля распространялась во всѣ стороны и едва ли не превосходила по своимъ размѣрамъ торговлю всѣхъ другихъ городовъ нѣмецкаго юга. На востокѣ нюрнбергскіе купцы доходили до Чернаго моря, на западѣ до Португаліи. Въ Венеціи нюрнбергская колонія была самая многочисленная изъ нѣмецкихъ колоній, во Фландріи и Брабантѣ нюрнбержцы появлялись очень аккуратно. У различныхъ нюрнбергскихъ фирмъ были различныя излюбленныя направленія. Знаменитые Тухеры предпочитали имѣть дѣла въ Ліонѣ; другіе появлялись въ Дофинэ и тамъ дѣлали дѣла по дорогѣ въ Барселону; нѣкоторыя фирмы пріурочили свои операціи къ Милану и Генуѣ; Имгофы считали центромъ своей дѣятельности Венецію, но имѣли конторы во многихъ другихъ городахъ вплоть до Барп. Нюрнбержцы торговали всѣми видами товаровъ, но неохотно выходили изъ предѣловъ товарной торговли, и лишь въ видѣ исключенія мы встрѣчаемъ нюрнбергскихъ купцовъ въ числѣ людей, вкладывающихъ свои капиталы въ кредитное дѣло.

Богатство и роскошь, царившія въ нѣмецкихъ городахъ, особенно въ южныхъ, возбуждали изумленіе современниковъ. Вотъ что писалъ, напримѣръ, французскій путешественникъ Фруассаръ въ 1497 г.: «Смѣлость и предпріимчивость нѣмецкихъ купцовъ поразительны. У нихъ есть какое-то особенное искусство увеличивать свои богатства. Цвѣтущее состояніе ихъ городовъ, роскошь ихъ общественныхъ строеній и ихъ домовъ, обиліе дорогихъ вещей во внутреннемъ убранствѣ—краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ ихъ коммерческихъ способностяхъ. Огромное удовольствіе—жить среди нихъ и принимать участіе въ ихъ общественныхъ развлеченіяхъ".

Заключеніе.

Географическія открытія конца XV в. и ихъ вліяніе.

Ходъ изложенія заставлялъ насъ неоднократно забѣгать впередъ и вдаваться въ исторію отношеній XVI в. Теперь мы вкратцѣ напомнимъ главныя послѣдствія для исторіи торговли великихъ географическихъ открытій конца XV в.

Завоеваніе Константинополя и черноморскаго побережья турками, появленіе мамелюковъ въ Египтѣ закрыло для европейской торговли путь въ Италію. Торговля, конечно, продолжалась и не могла не продолжаться, но прежней свободы уже не было. Даже ни передъ чѣмъ не останавливающіеся венеціанцы не разъ испытывали очень большія затрудненія. Правда, монополія торговли пряностями продолжала оставаться въ ихъ рукахъ, и изъ другихъ городовъ лишь одна Генуя сохранила прямыя сношенія съ левантскими портами и пріобщалась въ нѣкоторой степени къ прибылямъ Венеціи. Однако, для всѣхъ было ясно, что такой порядокъ не можетъ продолжаться, и почти сейчасъ же послѣ паденія Константинополя стали искать морского пути въ Индію. До 1453 г. экспедиціи на югъ отъ Гибралтара не представляли ничего систематическаго, хотя португальцы и сдѣлали нѣсколько открытій по сѣверо-западному берегу Африки. Поворотнымъ пунктомъ сдѣлался 1475 годъ, когда тѣмъ же португальцамъ удалось, наконецъ, добраться до экватора. Затѣмъ, съ небольшими промежутками, слѣдуютъ одно за другимъ крупныя открытія. Діасъ открылъ мысъ Доброй Надежды (1487), Колумбъ нашелъ Америку (1492), Васко де Гама моремъ доѣхалъ до Индіи (1498). Потомъ началось постепенное открытіе различныхъ частей Америки и ихъ колонизація, потомъ Магелланъ объѣхалъ вокругъ свѣта.

Трудно теперь представить себѣ, какой огромный переворотъ въ торговлѣ былъ произведенъ всѣми этими открытіями. Наибольшее значеніе имѣла, конечно, организація прямыхъ сношеній со страной куреній и пряностей. Когда въ 1499 г. португальскіе корабли привезли въ Лиссабонъ первый грузъ перцу, и ликованіе донесло вѣсть объ этомъ событіи въ Венецію, то гордая республика, по свидѣтельству современниковъ, „оцѣпенѣла отъ ужаса“, и самые мудрые люди стали говорить, что это величайшее несчастіе, постигавшее когда-либо городъ. „Самые мудрые“ люди были правы. Первый португальскій торговый флотъ принесъ съ собою вѣсть о прекращеніи торговой монополіи Венеціи, и вмѣстѣ съ нею объ упадкѣ „царицы Адріатики“ до степени второстепенной торговой державы. Ее могло бы спасти одно, прорытіе канала черезъ Суэцкій перешеекъ, но время Лессепса еще не пришло, и республика должна была смириться. Генуя горевала меньше, потому что она теряла меньше.

За то португальцы, которымъ монополія торговли восточными пряностями, прямо съ неба свалилась, дѣлали все, чтобы не выпустить ее изъ рукъ. Венеція не могла конкуррировать съ ними, потому что они торговали гораздо дешевле, но, чтобы обезопасить себя на всякій случай отъ всякихъ возможныхъ конкуррентовъ, они добросовѣстно старались пустить ко дну всякій чужой торговый корабль, совершавшій рейсы между Индіей и Аравіей. Цѣль этого торговаго террора была достигнута: восточные товары почти совершенно исчезли съ рынковъ Александріи и Каира, гдѣ ихъ закупали раньше венеціанцы, и послѣдніе поневолѣ должны были обращаться въ Лиссабонъ. Тамъ додумались до очень простого способа регулированія цѣнъ. Если привезенныхъ товаровъ оказывалось много, и они грозили сбить цѣны, то излишекъ немедленно сжигали, и цѣны возстанавливались. Прибыли, которыя получались отъ восточной торговли, были огромны, ибо португальцамъ однимъ доставались всѣ барыши, которые раньше дѣлили итальянцы со своими восточными посредниками, подвозившими товаръ въ порты Средиземнаго моря. Обычнымъ способомъ расцѣнки товаровъ была надбавка 166% къ первоначальной стоимости. Цѣны устанавливались государствомъ. Натурально, португальцы не допускали другихъ европейскихъ куп-

цовъ къ прямымъ торговымъ сношеніямъ съ Индіей и заставляли ихъ брать въ лиссабонскихъ складахъ. Благодаря этому, поднялось на нѣкоторое время торговое значеніе Генуи, черезъ которую стали ѣздить въ Португалію нѣмецкіе купцы и южныхъ и западныхъ французскихъ портовъ, черезъ которые проѣзжали французы.

Однако, сдѣлаться крупной европейской эмпоріей Лиссабонъ, стоявшій въ крайнемъ юго-западномъ углу Европы, не сумѣлъ, и долженъ былъ признать это положеніе за Антверпеномъ, который къ тому времени только что одолѣлъ своего давняго соперника Брюгге и сдѣлался центральнымъ мѣстомъ обмѣна между сѣверомъ и югомъ. Большіе торговые флоты поддерживали сношенія между нимъ и Лиссабономъ, и въ немъ окончательно устанавливались цѣны на предметы. Въ Антверпенѣ теперь собирались товары со всего свѣта. Изъ Англіи шли сукна и металлы, изъ Германіи металлы, текстильные товары, мелочной товаръ, красящія вещества, стекло, рейнское вино, съ сѣвера—хлѣбъ, ленъ, лѣсъ, шкуры, металлы. Франція ввозила вино, соль, матеріи, Италія—шелкъ, бархатъ, парчу, рисъ, Испанія—шерсть, шелкъ, южные фрукты, сахаръ, Португалія—восточные товары.

Съ береговъ Средиземнаго моря торговые центры перенесены на берега Атлантическаго океана. Морскія сообщенія, начавшія уже развиваться съ середины XIV в., теперь сдѣлались господствующимъ типомъ торговыхъ сношеній. Внутренняя торговля стала все больше отступать передъ океанической.

Главнымъ общимъ послѣдствіемъ установленія прямого сообщенія съ Индіей было удешевленіе восточныхъ товаровъ, а такъ какъ въ ихъ числѣ были такіе, которые, въ сущности, составляли предметъ необходимости, то ихъ потребленіе выросло въ огромной степени. Изъ Антверпена они расходились къ югу во всѣхъ направленіяхъ, все болѣе и болѣе расширяя кліентуру и пріобщая къ торговлѣ новые круги.

Распространенію вширь торговыхъ сношеній способствовалъ еще одинъ фактъ—приливъ золота и серебра изъ Америки. Первыя золотыя розсыпи были открыты уже въ Гаити, но въ началѣ добываніе золота было поставлено очень неправильно и не оказывало

большого вліянія на рынокъ. Гораздо существеннѣе оказалась роль американскаго серебра, особенно съ тѣхъ поръ, какъ были открыты рудники въ Закатекасѣ (Мексика) и Потози (Перу). Примѣненіе холоднаго способа обработки руды, впервые пущенное въ оборотъ испанцемъ Мединою, явилось могучимъ орудіемъ хозяйственнаго прогресса, ибо, благодаря ему, въ Европу стали ежегодно притекать изъ Новаго Свѣта большія суммы денегъ. Но первое ихъ дѣйствіе оказалась вреднымъ. Какъ разъ къ этому времени увеличилась добыча серебра и въ самой Европѣ, а левантская торговля, уже со времени открытія морского пути въ Индію, не поглощала тѣхъ огромныхъ суммъ, которыя брала раньше. Соединеніе всѣхъ этихъ условій произвело кризисъ. Денегъ оказалось больше, чѣмъ нужно. Цѣны на товары поднялись; рабочая плата не могла быть увеличена, ибо она, согласно средневѣковому обычаю, опредѣлялась на много лѣтъ впередъ и, слѣдовательно, фактически упала; положеніе трудящихся классовъ ухудшилось, противоположность интересовъ рабочихъ и предпринимателей, которымъ однимъ кризисъ пошелъ на пользу, стала быстро обостряться. Это, въ свою очередь, имѣло послѣдствіемъ ростъ промышленнаго капитализма, развитіе кредитнаго дѣла, развитіе биржи въ Ліонѣ и Антверпенѣ, появленіе новыхъ банковъ.

Открытіе Америки произвело переворотъ и въ товарномъ рынкѣ. Оттуда явились новые, незнакомые Европѣ продукты: картофель, маисъ, табакъ, саго, какао, ваниль, кока, ананасы. Часть тѣхъ товаровъ, которые привозились съ востока, были найдены въ Америкѣ въ лучшихъ сортахъ: такъ поднялся привозъ кофе, сахара, хлопка. Съ другой стороны, въ новооткрытыхъ странахъ открылись рынки для европейской промышленности. Но вывозъ туда первое время былъ очень незначителенъ, и общій уровень промышленности, гдѣ въ цехахъ появилась незнакомая среднимъ вѣкамъ монополія мастеровъ *), даже понизился.

Изложеніе роста колоніальнаго могущества поднявшихся вслѣдъ за Португаліей торговыхъ державъ не входитъ въ нашу задачу. Развитіе Нидерландовъ и Англіи относится уже къ новому времени,

---

*) См. «Средневѣковые города».

когда въ торговлѣ, какъ и во всѣхъ другихъ культурныхъ отношеніяхъ, появляются новые пути и новые методы, когда средневѣковые принципы и весь трудный, но плодотворный ходъ средневѣковой торговли остаются позади.

Основная литература по исторіи средневѣковой торговли.

Изъ общихъ сочиненій до сихъ поръ можно пользоваться нѣсколько уже устарѣлой, но дѣльной и умной книгою *Beer*'а «Geschichte des Welthandels» (377), которая переведена и на русскій языкъ подъ заглавіемъ: *Бэръ* «Исторія міровой торговли» (изд. Солдатенкова, Москва). Болѣе отвѣчаетъ современнымъ научнымъ требованіямъ книга Noel'я «Histoire du commerce du monde» (I т., 1891). Написана она живо и толково, принимаетъ во вниманіе большую литературу монографій, но вездѣ надежна; есть прямыя ошибки и невѣрныя точки зрѣнія. Книги *Depping*'а и *Scherrer*'а устарѣли. Изъ учебниковъ автору извѣстны только два, удовлетворяющіе научнымъ требованіямъ. Это *R. Mayr*, «Lehrbuch der Handelsgeshichte» и *М. Н. Соболевъ.* «Очерки изъ исторіи всемірной торговли въ связи съ развитіемъ экономической жизни». Все остальное представляетъ чисто ремесленныя изделія. Въ числѣ общихъ сочиненій должна быть названа также превосходная книга *Holdschmidt*'а, «Handbuch des Handelsrechts», первый томъ которой носитъ подзаголовокъ: «Universalgechichte des Handelsrechts»; его первая часть трактуетъ о древности и среднихъ вѣкахъ, и въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ совершенно незамѣнима.

Относительно торговли въ римской имперіи, кромѣ капитальнаго труда Марквардта «Privatleben der Römer», необходимо имѣть въ виду *Fridländer*, Darstellungen aus d. Sittengeshichte Roms (II т.), полемику *Бюхера* (Entstehung des Volkswirtschaft, рус. пер.) и *Эд. Мейера* (Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums, рус. пер.), изъ котораго первый доказываетъ, что римская имперія не знала широкаго народнаго хозяйства, а второй, съ фактами въ рукахъ, утверждаетъ обратное. Здѣсь же можно отмѣтить статью *Бюхера*, Die diokletianische Taxordnung въ *Zeitschr. für Social und Wirtschaftsgeschichte* за 1895 г. Къ Бюхеру примыкаетъ русскій историкъ *И. М. Гревсъ*, въ прекрасныхъ «Очеркахъ по исторіи римскаго землевладѣнія». Живо написана, но ничего новаго не даетъ, книжка *Richter*'а Handel und Verkehr der wichtigsten Völker der Mittelmeeres im Altertum (1886).

Исторія торговли въ средніе вѣка имѣетъ большую, но далеко не исчерпывающую литературу. Много свѣдѣній имѣется въ курсахъ исторіи торговли отдѣльныхъ народовъ; *Falke*, «Geschichte d. deutschen Handels» и *Levy*, History of britisch commerce» даютъ много фактовъ, но не представляютъ въ научномъ отношеніи ничего выдающагося. Наоборотъ, *Pigeonneau*, Histoire du commerce de la France (т. I., 1885) свѣжа по матеріалу, оригинальна по выводамъ и талантлива по изложенію. Это одно изъ лучшихъ сочиненій по исторіи торговли. По вопросу о значеніи крестовыхъ походовъ для исторіи торговли важна книга Prutz «Culturgeschichte d. Kreuzzüge».

По исторіи международныхъ торговыхъ сношеній имѣются два превосходныхъ труда. Классическая «Geschichte des Levantehandels» *Heyd*'а (лучше французскій переводъ «Histoire du commerce du Levant») даетъ исчерпывающее изложеніе исторіи торговыхъ сношеній Европы съ Востокомъ. Вышедшая недавно книга

Al. Schulte, Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien mit Ausschluss von Venedig (1900) даетъ въ текстѣ и въ приложеніяхъ огромную массу хорошо подобраннаго, хотя иногда торопливо скомпанованнаго матеріала, опирается на всѣ послѣднія монографіи и касается не только сношеній между западной Германіей и сѣверо-западной Италіей, но очень часто привлекаетъ матеріалъ изъ исторіи другихъ странъ. Книга Шульте—одно изъ капитальнѣйшихъ сочиненій въ нашей области. Много полезнаго можно найти у *Stieda*, Hansisch-Venezianishe Handelsbeziehungen im XV Jahrh. (1894) и у *Simonsfeld*, Der Fondaco dei Tedeschi in Venedig und die deutsch-venetianischen Handelsbeziehungen (1887). Книга Зомбарта «Der moderne Kapitalismus» (1902) появилась, когда настоящая работа была уже готова. Я ею пользовался въ корректурахъ. Въ качествѣ корректива къ одностороннимъ выводамъ бреславльскаго экономиста можно указать статью Белова «Entstehung des modernen Kapitalismus» (Hist. Zeitschr. 1903).

По исторіи отдѣльныхъ странъ въ средніе вѣка слѣдуетъ упомянуть старую, но почтенную книгу *Ochenkowsky*, Englands wirtschaftliche Entwicklung im Ausgang des Mittelalters (1879), превзойденную классическимъ трудомъ *Schanz*'а, «Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters» (1881), въ которомъ впервые освѣщены съ исчерпывающей полнотою такіе институты, какъ «странствующіе купцы».

Много свѣдѣній можно найти въ книгахъ *Ashley*, Introduction to english économic history and theory (1894; рус. пер.); Cunningham, Growt of english industry and commerce during the early and middle ages (1890); Rogers, Six century of work and wages (1884): Gross, Gildmerchant (1890). По исторіи Германіи имѣется хорошая книга *Inama-Sternegg'a*, Deutsche Wirtschaftsgeschichte (1879—1901), не во всѣхъ выводахъ, впрочемъ, одинаково надежная; по мозельскимъ странамъ много даетъ *Lamprecht*, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter (1886), по Шварцвальду и сосѣднимъ областямъ превосходная книга *Gothein*'а Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes und der angrenzenden Landschaften (1892), по Баваріи—*M. Mayer*, Bayerns Handel im Mittelalter (1893) и по исторіи французской торговли нужно упомянуть *Levasseur*, Histoire de l'industrie des classes ouvrières en France (2 изд. 1900), *Bourquelot*, Etudes sur les foires de Champagne (1865), громоздкое по матеріалу, но весьма полезное изслѣдованіе, главы во II томѣ Histoire generale Лависса и Рамбо, составленныя *Giry* и *Revill*'емъ. По Италіи нѣтъ общей монографіи кромѣ старой книги *Ganale*, Storia del comercio, dei viaggi, delle scoperte e carte nautiche degl' Italiani (1866). Слѣдующія сочиненія могутъ ее замѣнить: Cibrario, Economia politica nel medio ovo (1861), *Pöhlman*, Wirtschaftspolitik der Florentiner Renaissance (1878); *Doren*, Entwicklung der Organisation der Florentiner Zunfte im XIII und XIV Jahrh. (1897); его же «Die Florentiner Tuchindustrie in XIV—XVI Jahrh.» очень важна для ознакомленія съ торговой политикой Флоренціи. *Sieveking*, Genueser Finanzwesen, (1898).

По организаціи торговли важны слѣдующія сочиненія: *Rietschel*, Markt und Stadt (1897); *Rathgen*, Entstehung der Märkte (1891). Оба даютъ руководящія точки зрѣнія для установленія значенія рынковъ [1]); *Morel*, Les juridictions commerciales de moyen âge (1897) даетъ хорошій обзоръ торговыхъ судовъ; *Below*, Grosshändler und Kleinhändler im deutschen Mittelalter (въ *Jahrb. f. Nationalökonomie und Statist.*

[1]) Сюда нужно прибавить многочисленную литературу по исторіи городовъ, которую см. въ моей книгѣ «Средневѣковые города въ Западной Европѣ».

B. 75, 1900): Steinhausen, Der Kaufmann in der deutschen Vergangenheit (1899) Keutgen, Der Grosshandel im Mittelalter (въ *Hansische Geschichtsblätter*, Jahrg. 1901; 1902). Три послѣднія работы даютъ хорошую характеристику положенія купца въ средніе вѣка и намѣчаютъ дѣленіе торгующаго класса на различныя категоріи. Книга Штейнгаузена написана очень популярно и даетъ вообще много хорошо подобранныхъ свѣдѣній. Статьи Белова и Кейтгена, двухъ крупныхъ авторитетовъ по исторіи торговли и городовъ въ средніе вѣка, занимаются больше вопросами организаціи.

По исторіи Ганзы лучшія сочиненія слѣдующія. *D. Schäfer*. Die Hansestädte und König Waldemar von Dänemark (1879)—капитальнѣйшій трудъ по исторіи цвѣтущаго періода союза; его же брошюра Die Hanse und ihre Handelspolitik представляетъ хорошій сжатый очеркъ; *Lindner*, Die deutsche Hanse (1899)—даетъ общій очеркъ исторіи союза. Обѣщана популярная книга Шефера по исторіи Ганзы.

По торговымъ товариществамъ важны двѣ работы: *M. Weber*, Zur Geschichte d. Handelsgesellschaften im Mittelalter (1889) и *F. G. A. Schmidt*, Handelsgesellschaften in den deutschen Stadtrechtsquellen (1883).

По ранней исторіи кредита все необходимое можно найти у Эшли и Шульте. Дополненіемъ явится книга *Neumann'a* Geschichte der Wuchers in Deutschland (1865). По болѣе позднимъ отношеніямъ неоцѣнимымъ пособіемъ служитъ книга *Ehrenberg'a*. Das Zeitalter der Fugger, (27, 1896), гдѣ превосходно выяснена исторія денежнаго капитала въ концѣ среднихъ вѣковъ.

По хлѣбной торговлѣ: *Naudé*, Deutsche Städtische Getreidehandelspolitik (1889); М. Ковалевскій. Борьба съ голодомъ въ итальянскихъ республикахъ (въ Сборникѣ въ пользу голодающихъ, изданномъ редакціей *Русскихъ Вѣдомостей*, 1891); *Curschman*, Die Hungersnöte im Mittelalter (1900); *Кулишеръ*, Хлѣбная торговля въ средніе вѣка (*Народное Хозяйство*, 1901; 3—4).

Много свѣдѣній можно найти въ общихъ сочиненіяхъ по исторіи права и учрежденій [1]), а также въ общихъ исторіяхъ. Особенно должны быть рекомендованы *Davidsohn*, Geschichte von Florenz (I, 1896); *Pirenne*, Geschichte Belgiens т. I—II, 1899—1902); *Lampecht*, Gesch. d. deutschen Volks (2 изд. 1894).

Въ «Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ» подъ ред. проф. П. Г. Виноградова интересны статьи Покровскаго: «Хозяйственная жизнь Западной Европы въ средніе вѣка» (вып. IV), его же «Господство Медичи во Флоренціи» (вып. III) Михайловскаго, Ганза (вып. III).

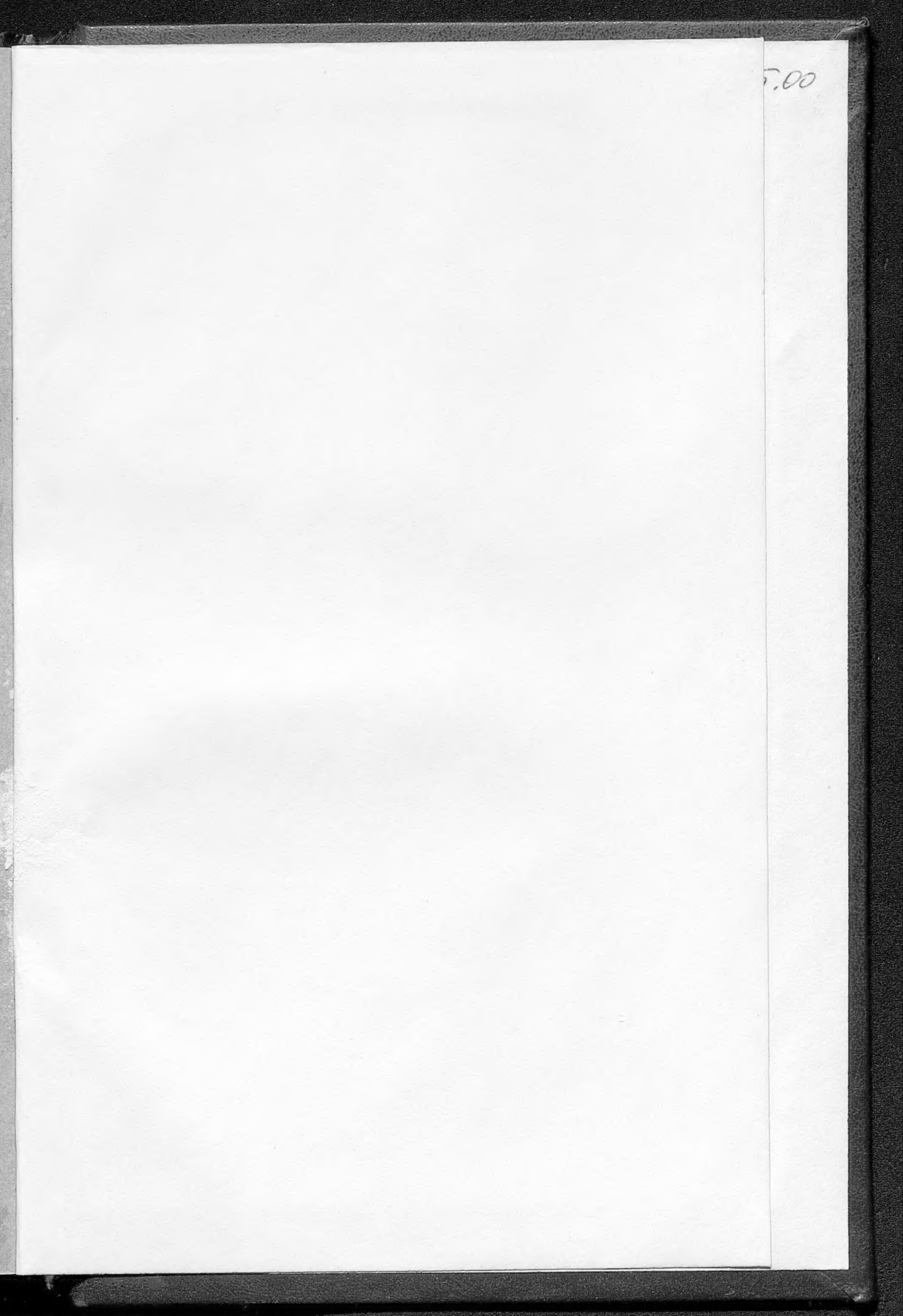
[1]) См. списокъ въ библіографическомъ указателѣ къ книгѣ «Средневѣковые города».

Того же автора.

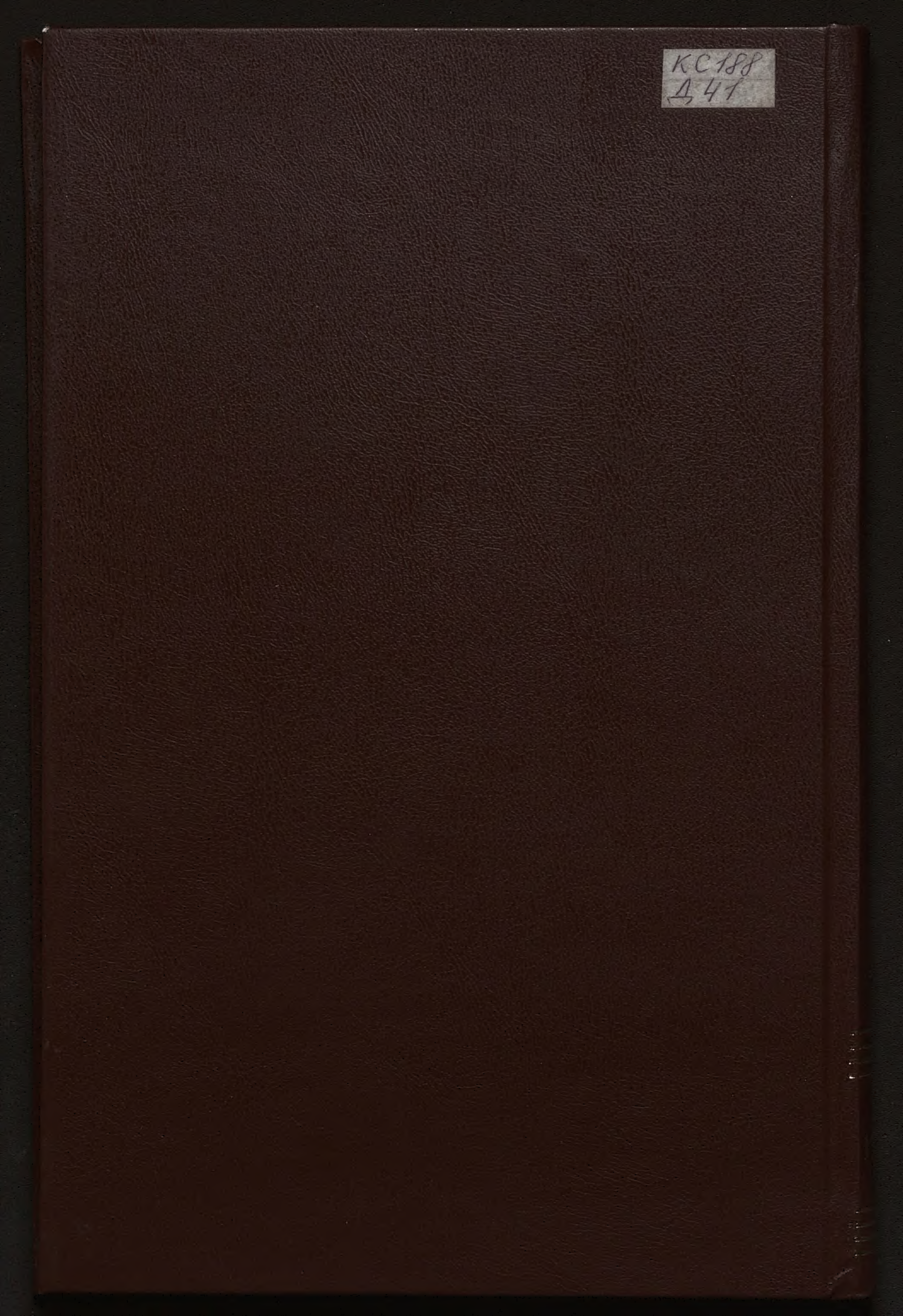
---

1. Городская община въ средніе вѣка. Нѣкоторыя новыя теоріи о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ. Цѣна 50 к. Складъ изданій Москва, Тверская, книжный магазинъ «Трудъ».

2. Средневѣковые города въ Западной Европѣ. Изд. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Цѣна 1 р.

585.00

КС188
Д41